

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 8. № 5/2022

DISCOURSE

Volume 8. No. 5/2022

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2022

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.
Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пензенский государственный ун-т, Пенза, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Горбунова Ю. А., Боронихина И. О. Медленная наука и медленное образование в условиях цифровизации университетов: антропологический подход	5
Мальцева Ю. М. Концептуализация имперских маркеров в архитектурном ансамбле Будапешта.....	18
Изгарская А. А. Миротемные основания наддисциплинарного синтеза: наброски к программе исследования динамики обществ на постсоветском пространстве	28
Пономарёв А. И., Фролов, К. Г. О теории личностной модели А. Невена.....	42

СОЦИОЛОГИЯ

Казаринова Н. В., Суханова В. А. Профессиональные практики методической работы в сфере высшего образования	55
Дерюгин П. П., Баннова О. С. Ценности студентов различных профилей подготовки в условиях цифровизации общества: результаты эмпирического исследования	68
Колянов А. Ю. Искусственный интеллект как стратегический компонент технологического суверенитета	81
Пряхина А. В., Багдасарян Д. А., Буковская А. М. Социальное предпринимательство в России как актуальная коммуникационная деятельность	91

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тихонова Е. С. О границах языковых и политических (на примере рипуарской диалектной группы)	106
Тимралиева Ю. Г., Брайтинг М. С. Метафоры «человек-животное», «животное-человек» в романе Т. Моррисон «Возлюбленная»	118
Гладко М. А. Тематические доминанты рекреативности в информационном теледискурсе	129
Гореленко И. М., Ульяницкая Л. А. Языковые контакты в бельгийском медиапространстве	144

Правила представления рукописей авторами	160
---	------------

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Gorbunova Yu. A., Boronikhina I. O. Slow Science and Slow Education in a Digitalized University: an Anthropopractic Approach	5
Maltseva Yu. M. Conceptualization of Imperial Markers in the Architectural Ensemble of Budapest.....	18
Izgarskaya A. A. World-systems Foundations of Supradisciplinary Synthesis: Program Outlines for Studying the Dynamics of Societies in the Post-Soviet Space	28
Ponomarev A. I., Frolov K. G. On the Newen's Person Model Theory	42

SOCIOLOGY

Kazarinova N. V., Sukhanova V. A. Professional Practices of Methodical Work in Higher Education.....	55
Deryugin P. P., Bannova O. S. Students' Values of Various Training Profiles in the Digitalization of Society Context: Results of an Empirical Study.....	68
Kolianov A. Yu. Artificial Intelligence as a Strategic Component of Technological Sovereignty.....	81
Pryakhina A. V., Bagdasaryan D. A., Bukovskaya A. M. Social Entrepreneurship in Russia as a Topical Communication Activity	91

LINGUISTICS

Tikhonova E. S. On Linguistic and Political Borders (the Case of the Ripuarian Dialect Group)	106
Timralieva J. G., Breitling M. S. The Metaphors "Human-Animal", "Animal-Human" in T. Morrison's Novel "Beloved"	118
Gladko M. A. Recreational Thematic Dominants in News TV Discourse.....	129
Gorelenko I. M., Ulianitckaia L. A. Language Contacts in Belgian Media	144

Оригинальная статья
УДК 001; 168.5; 37.032
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-5-17>

Медленная наука и медленное образование в условиях цифровизации университетов: антропопрактический подход

Юлия Александровна Горбунова^{1✉}, Ирина Олеговна Боронихина²

¹Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия

²Московский государственный университет пищевых производств, Москва, Россия

^{1✉}yugorbunova@muiv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4333-1945>

²boronikhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4602-8327>

Введение. Медленное движение в университетах является реакцией на экономоцентричность и коммодификацию высшего образования и науки, стандартизацию и квантифицируемость качества исследовательской и образовательной деятельности, расширение применения цифровых технологий в процессах генерации и усвоения знаний, навязывание академическому и студенческому сообществам культа скорости. В условиях цифровизации высшего образования практики быстрого знания становятся трендом. Вместе с тем медленное движение в российских университетах остается маргинальным, слабо институционализированным. В статье проанализированы философские концепции, лежащие в основе этого процесса, и обосновано значение антропопрактического подхода к исследованию медленной науки и медленного образования.

Методология и источники. Технократический подход к цифровизации высшего образования способствует распространению практик скоростной науки и учебы, основанных на сведении знания к информации, роста знания – к экстенсии и кумуляции, познавательной мотивации – к конкуренции, жадности и амбициям. Обращение к антропопрактическому подходу позволяет преодолеть подобный редукционизм. Медленная наука и медленная учеба как антропологические практики базируются на стремлении субъектов познания к диалогу, рефлексии, импровизации и креативному самоосуществлению, самоорганизации и автопроектированию, интеллектуальному наслаждению, устойчивому, экологичному сосуществованию. Цифровые технологии выступают лишь инструментами-драйверами подобной практики.

Результаты и обсуждение. Медленные практики в образовании и науке рассматриваются в статье, во-первых, как антитеза практикам постгуманизма и футуродизайна, преодоления с помощью нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий несовершенной человеческой природы и движения к постчеловеку. Во-вторых, медленная наука и медленное образование как антропопрактики противопоставляются практикам менеджериальным, формирующим враждебные человеку образовательные среды, характерными особенностями которых становятся конкуренция и иерархия в системе «эффективные – неэффективные», «победители – проигравшие», «успевающие – догоняющие – отстающие».

© Горбунова Ю. А., Боронихина И. О., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Оптимальный сценарий трансфера медленных практик в сферу науки и высшего образования в России видится авторами в достижении баланса между прагматизмом, политикой срочности, результативности и рефлексивной позицией, обеспечивающей антропологическую ориентацию и устойчивое развитие современных университетов.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, технократия, быстрое знание, медленная наука, медленное образование, антропопрактика

Для цитирования: Горбунова Ю. А., Боронихина И. О. Медленная наука и медленное образование в условиях цифровизации университетов: антропопрактический подход // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-5-17.

Original paper

Slow Science and Slow Education in a Digitalized University: an Anthropopractic Approach

Yulia A. Gorbunova¹✉, Irina O. Boronikhina²

¹*Moscow S.U. Witte University, Moscow, Russia*

²*Moscow State University of Food Production, Moscow, Russia*

¹✉yugorbunova@muiv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4333-1945>

²boronikhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4602-8327>

Introduction. The slow movement in universities is a reaction to the economic-centricity and commodification of higher education and science, the standardization and quantifiability of research and educational activities, the expansion of digital technologies' use in the generation and assimilation of knowledge, the imposition of the cult of speed on the academic and student communities. Rapid knowledge practices are becoming a trend in the context of digitalization of higher education. At the same time, the slow movement in Russian universities remains marginal and poorly institutionalized. The article analyzes the philosophical concepts that underlie the slow movement in universities and substantiates the importance of an anthropopractical approach to the study of slow science and slow education.

Methodology and sources. The technocratic approach to the digitalization of higher education contributes to the spread of high-speed science and learning practices based on the reduction of knowledge to information, the growth of knowledge – to extension and cumulation, the cognitive motivation – to competition, greed and ambition. Turning to an anthropopractic approach allows us to overcome this reductionism. Slow science and slow education as anthropological practices are based on the desire of subjects of cognition for dialogue, reflection, improvisation and creative self-realization, self-organization and auto-design, intellectual enjoyment, sustainable, ecological coexistence. Digital technologies are only driving tools for this practice.

Results and discussion. Slow practices in education and science are considered in this article, firstly, as an antithesis to the practices of posthumanism and futuro design, overcoming imperfect human nature and movement towards a posthuman with the help of nano-, bio-, information, cognitive and social technologies. Secondly, slow science and slow education as anthropological practices are opposed to managerial practices that form educational environments hostile to a person, the characteristic features of which are competition and hierarchy in the system "effective – ineffective", "winners – losers", "successful – catching up – lagging behind".

Conclusion. The authors see the optimal scenario for the transfer of slow practices to the sphere of higher education in Russia in achieving a balance between pragmatism, a short-term policy and effectiveness, and a reflective position that ensures an anthropological orientation and sustainable development of modern universities.

Keywords: digitalization of higher education, technocracy, fast knowledge, slow science, slow education, anthropopractice

For citation: Gorbunova, Yu.A. and Boronikhina, I.O. (2022), "Slow Science and Slow Education in a Digitalized University: an Anthropopractic Approach", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-5-17 (Russia).

Введение. Движение за медленное образование и медленную науку зародилось на Западе (прежде всего в Великобритании, Германии, Бельгии, США, Канаде) в 2010-х гг. как ответ на господство технократического подхода, для которого характерны экономоцентричность, навязывание культа срочности и скорости академическому и студенческому сообществам, доминирование количественного подхода к оценке научной и учебной деятельности, превращение знания в интеллектуальный фастфуд, сведение познавательных стратегий к поисковому запросу. Как отмечает автор «Манифеста неспешной мысли» Винченцо ди Никола, медленное движение выглядит консервативным и при этом конструктивно призывает сохранять более естественные ритмы в противовес сверхбыстрому, цифровому и механически отмеряемому темпу технократического общества, в котором господствуют технологии [1].

Цифровизация университетов рассматривается сторонниками медленного движения как рискогенный процесс, прежде всего потому, что реализуется преимущественно экстенсивно, сводится к расширению применения цифровых технологий в научно-исследовательской и образовательной деятельности. В результате формируется медиацентричная образовательная среда, ориентированная на технологии, но не на человека. Как отмечает отечественный философ М. А. Маниковская, несмотря на широкое употребление понятия «цифровизация образования», само существо этого феномена остается не проясненным, поскольку оно не тождественно внедрению цифровых технологий. Антропологические риски подобного отождествления заключаются в инструментализации человеческого бытия, порождаемой оптимистичным убеждением во всеисилии и власти технологий [2, с. 102].

Реализация технократического подхода в университетах превращает цифровизацию из средства в самоцель. При этом медленное движение в университетах не имеет ничего общего с антипрогрессивизмом, технофобией и неолуддизмом и представляет собой борьбу не с технологиями, но с технократией, нивелирующей антропологическое содержание высшего образования.

Методология и источники. Анализ научной литературы показал, что концептуальные основы медленного движения в университетах составляют, во-первых, критика технократии и технократического подхода к цифровизации высшего образования, а во-вторых – обоснование идеи медленного познания в рамках философии *slow life*.

Так, к ключевым характеристикам технократии Л. Мамфорд [3], Н. Постман [4], Дж. Ритцер [5], Т. Роззак [6], Ж. Эллюль [7] и другие ученые относят:

– превращение техники из служебного, вспомогательного средства деятельности в самоцель, отделение техники от культуры и ее господство над всеми социальными институтами;

- деперсонализацию, редукцию личности к функции, механизацию бытия человека, замену автономии человека автономией техники;
- стандартизацию, массовое производство, количественный подход к пониманию прогресса;
- измерение, регламентацию, точность, единообразие как общественные идеалы;
- культ скорости, расширение рационального контроля и тотализацию эффективности.

В рамках антитехнократического подхода экспансия технологий в образовательные среды исследуется с точки зрения рисков расчеловечивания и дегуманизации образования.

Так, по мнению Дж. Ритцера, для современного университета свойственны погоня за эффективностью, ускорение образовательного процесса (например, через внедрение компьютеризированных экзаменов); просчитываемость результатов, преобладание количественного подхода (баллы, рейтинги, ранги, индексы) над качеством образования и научной работы преподавателей; предсказуемость поведения субъектов образования; контроль, регламентация образовательного процесса посредством технологий, превращение образования в конвейер, макдональдизация знания [5]. Согласно Н. Постману, в технополии (тоталитарной технократии) вопрос о смысле образования заменяется представлением о его эффективности и экономичности. Цель такого образования заключается в производстве функционеров, которые знают, как действовать, но не стремятся понять, ради чего [4]. Опасность технократии заключается и в нивелировании креативной составляющей образования. «Если мы поймем, что компьютеры не могут учить, потому что преподавание в идеале – это творчество, тогда мы переделаем образование, чтобы и машина могла обучать», – такова, по словам Т. Розака, логика технократа [6].

Технократия встраивает человека в мегамашины производства и потребления знания. Технократический подход к цифровизации науки и высшего образования формирует идеал быстрого знания. Такое знание, согласно Д. Орру, измеримо, суммативно и кумулятивно, тождественно информации, существует вне социального и культурного контекстов. Приращение быстрого знания носит линейный, экстенсивный характер; количество знаний и скорость их получения компенсирует ошибки, допускаемые в процессе его получения. Быстрое знание неэкологично, т. е. несоразмерно возможностям человека его интерпретировать, критически осмысливать и ответственно применять. По мнению Д. Орра, быстрое получение знаний, ускорение темпа научных исследований и получения образования, мгновенное включение нового знания в деятельность подрывает устойчивость общества. Применение быстрых знаний порождает так называемые социальные ловушки, в которых выгода для человека и общества рассматривается в ближайшей перспективе, в то время как риски откладываются, переносятся на более поздний этап [8]. Быстрое знание, таким образом, исключает ответственность перед будущим.

В отличие от быстрого медленное знание качественно, неотделимо от стремления человека к мудрости (которая не поддается измерению), бережного отношения к последствиям применения знания. Если быстрые знания ориентированы на решение социальных проблем с помощью различных технологий, то медленные знания, в первую очередь, ориентированы на то, чтобы избежать данных проблем. Медленное знание, в отличие от быстрого, формируется в соответствии с конкретными экологическими, экономическими, политическими,

культурными и социальными условиями. Причем медленность не означает медлительность, она основана на тщательности и терпении. Медленное знание приобретается постепенно; познавательная мотивация в этом случае связана с ответственностью, а не с жадностью и амбициями [8]. Медленное знание возникает не из иерархии и конкуренции, а благодаря сотрудничеству; оно базируется на стремлении субъектов познания к диалогу, импровизации и креативному самоосуществлению, самоорганизации, интеллектуальному наслаждению, устойчивому, экологичному сосуществованию. Рефлексия, дискуссия, аналитическая работа, интеллектуальная интуиция не могут быть стандартизированы, алгоритмизированы, подчинены логике технократии, принципам мгновенной результативности и выгоды.

Сторонники медленного движения в университетах предлагают предпринять шаги, направленные на повышение качества знаний за счет замедления их производства и усвоения до более приемлемой скорости. Университеты должны поощрять преподавателей расширять уже полученные знания, заново открывать уже существующие знания и применять их для решения научно-исследовательских и образовательных задач. Так, М. Берг и Б. Зебер [9] призывают создать движение «медленных профессоров» против системы быстрого знания. По их мнению, преподаватели, являющиеся сторонниками *slow movement*, действуют целенаправленно, развивают эмоциональную и интеллектуальную устойчивость образования.

Университетам необходимо способствовать развитию дискуссии среди преподавательского состава о скорости приобретения знаний и их влияния на перспективы и качество образовательного процесса. Проблема состоит в том, что многие люди сегодня поддерживают идею о том, что быстрее – значит лучше, не нужно тратить лишнее время на обдумывание. Быстрое знание рассматривается как самый верный способ достижения поставленных перед человеком и обществом задач. Однако медленное знание на самом деле совсем не медленное. Это знание приобретается и применяется так быстро, как люди могут понять и использовать его в своей деятельности. Учитывая сложность современной жизни и глубину человеческих взаимоотношений, приобретение знания требует и всегда будет требовать времени. Простая информация может передаваться и использоваться быстро, но новое знание является более сложным понятием, часто оно требует переоценки мировоззрения и смены парадигмы, а это может происходить достаточно медленно. Медленное знание – это не возвращение к старым временам, а процесс осмысленного отношения к жизни в целом и к знанию в частности [9]. Медленное знание, таким образом, является одним из аспектов философии *slow life*.

Медленное знание имеет антропологическое измерение. Как отмечают отечественные философы Г. В. Черногорцева и В. А. Нехамкин, «осмысляющее раздумье», требующее от человека высших усилий, противостоит бегству от мышления, позволяет человеку сохранить собственную сущность в условиях технологического роста [10].

Опираясь на различные манифесты, популяризирующие идеи медленного знания [1, 11, 12], можно выделить следующие ключевые характеристики медленной науки и медленного образования:

- диалогичность, понимание познания как отношенческой деятельности;
- многомерность, глобальность и асинхронность познания; структурированность медленного познания канонами философского спора, а не исторической хронологией;

- рефлексивность, не эволюционный, не кумулятивный характер медленного мышления;
- трактовка познания как реализации возможности, потенциала;
- «пористость», не категоричность мышления, открытость случайностям, спонтанность, импровизационность;
- поиск потенциальных ответов на жизненные трудности;
- игровой характер познания, новаторство, прерывность, скачки мысли, добровольность;
- методологический плюрализм и анархизм, освобождение мысли от ограничений традицией.

В целом антитехнократизм и идеи *slow movement*, экологии науки и образования носят критический и нормативный характер, концептуально обосновывают необходимость замены принципа темпоральной нетолерантности темпоральной самоорганизацией преподавателей и студентов, но не дают представление о том, в каких формах реализуется медленное движение в университетах, что оно собой представляет как сфера практикования.

Результаты и обсуждение. На наш взгляд, широкими эвристическими возможностями концептуального осмысления медленных практик в образовании и науке обладает антропо-практический подход. В России данный подход складывается на пересечении философской антропологии и философии образования, педагогической психологии и педагогической антропологии (Л. М. Андрюхина, А. М. Лобок, А. А. Попов и И. Д. Проскуровская, В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, С. А. Смирнов, Г. Л. Тульчинский, С. С. Хоружий и др.), предлагающих рассматривать образование не как поле технологических испытаний, нововведений, но как пространство антропологических практик.

Понятие антропопрактики соотносится с понятием нетранзитивного действия, где субъект выступает не только инициатором своего действия и соответствующего влияния на природу и историю посредством создания внешнего по отношению к нему объекта, но и как такой субъект, который распоряжается своим собственным бытием [13]. Понятие антропопрактики восходит и к понятию «забота о себе», практикам самости, которые, по мысли М. Фуко, представляют собой «воздействие субъекта на самого себя, в процесс чего возникает попытка выработки и преобразования самости, а также переход к определенному способу существования» [14, с. 242].

Е. И. Исаев и В. И. Слободчиков, развивая идею антропологически ориентированного образования, усматривают суть антропопрактик в осознанном и целенаправленном проектировании таких жизненных ситуаций (в том числе и образовательных), в которых становится возможным и подлинно личностное самоопределение, и обретение субъектности в деятельности, общественной жизни, культуре и в собственной жизни [15].

А. А. Попов и И. Д. Проскуровская обосновывают необходимость методологического перехода от «человека способного» к «человеку возможному» – антропологическому идеалу, соразмерному современной образовательной практике открытого постиндустриального, цифрового общества. Рефлексия, интерпретация, целеполагание, социально-культурная персонификация и самоорганизация как конституирующие основы антропологических практик в рамках антропопрактического подхода противопоставляются прямому встраива-

нию человека в существующие социально-экономические и политические процессы, а дисциплинарное образовательное пространство – пространству антропологическому [16].

Антропопрактический подход позволяет рассматривать медленную науку и медленное образование как антропологические практики, т. е. способы самосозидания, самоконструирования человека и автопроектирования. Опираясь на идеи отечественного философа Л. М. Андрюхиной [17, с. 184], медленную науку и медленное образование можно отнести к креативным антропопрактикам, обеспечивающим автономию, самоопределение, развитие потенциала индивидуально рефлексизирующего человека.

Диверсификация практик медленного познания формирует антропологическую ориентацию университетов в условиях цифровизации.

Медленная наука и медленное образование как антропологические практики противополжны практикам производственным, стандартизирующим, менеджериальным.

Для менеджериального подхода, реализуемого в современных университетах, характерны: ускоренное получение измеряемого экономического эффекта от вложений в сферу высшего образования и «мобилизационные» методы подобного ускорения, представление о сфере высшего образования, науки и инноваций как о совокупности взаимосвязанных бизнес-процессов [18]; оккупация академическим менеджментом традиционной автономии преподавателей университетов в организации своего рабочего времени, расширение влияния культуры аудита на работу академических профессионалов, реализация политики краткосрочности и быстрой отдачи, стимулирование университетским менеджментом «ниндзя-продуктивности» [19]; превращение знания в товар, отвечающий индивидуальным потребностям потребителя, подчиненность научных исследований критериям внешнего финансирования и конкретным целям, установленным подрядчиками, рост конкуренции и иерархии в академической и студенческой среде, подрывающий основы сотрудничества и коллективной деятельности [20].

По мнению отечественного философа И. А. Герасимовой, менеджериальный, результативный подход к управлению наукой и образованием противоречит таким принципам, как свободомыслие, творческая спонтанность, критическая рефлексия, диалогичность [20]. Именно эти принципы отличают медленное познание от практик скоростной науки и макдональдизации образования.

Медленная наука как альтернатива науке скоростной формирует ответственную исследовательскую и образовательную среду. Критерии медленной науки, а именно – систематичность, понимание фундаментальных принципов и закономерностей, знание деталей, точные расчеты, воспроизводимые эксперименты, новизна и целесообразность, вписанность проектных решений в природную среду, поддержка экспертами, имеют моральное измерение и связаны с профессиональной ответственностью ученых [20, с.109]. Ответственность ученых может быть понята и более широко – как выполнение нравственных обязательств по поддержанию устойчивого развития общества. При этом университеты несут особую ответственность не только потому, что знания, которые они производят, играют неоспоримую роль в ответах на глобальные и системные вызовы, но и потому, что институты образования объединяют разные поколения [12].

В свою очередь медленное образование противоположно «гамбургерному» подходу, основанному на единообразии, предсказуемости и измеримости процессов и результатов [21].

Медленное образование является альтернативой образованию, управляемому на основе стандартов, ассессмента и таргетирования. Медленное образование антропоцентрично, это опыт сотрудничества, приносящий не краткосрочные вознаграждения, но формирующий ответственность за будущее. Медленное образование позволяет студентам осознать себя и свой потенциал в открытом, неустойчивом и многомерном мире, стимулирует их становиться и оставаться любознательными, вдохновляет быть открытыми для разных точек зрения, граждански вовлеченными, ориентированными на устойчивые решения социальных проблем [22].

Менеджеральный подход способствует лишь усвоению предзаданных алгоритмов деятельности, препятствуя при этом актуализации креативности, а значит, образование не фокусируется на целостном развитии личности, способной к концентрации ресурсов для выявления и решения проблем, генерации и творческого осуществления замысла, целей и задач деятельности в условиях неопределенности, вариативности, открытости будущего.

В условиях цифровизации медленная наука и медленное образование как гуманитарные антропопрактики противостоят также практикам постгуманистическим.

Постгуманизм апеллирует не к потенциям человека, но к необходимости радикальной переделки природы человека вплоть до ее преодоления и выхода за пределы человеческого с помощью НБИКС (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных) технологий. Так, например, Р. Курцвейл убежден в возможности существования человеческого разума в его небиологической форме [23]. Постгуманизм не отрицает «экзистенциальные риски» уничтожения или резкого сокращения потенциала земной разумной жизни. Однако с позиции постгуманизма использование технологий в большей степени отвечает интересам человека и запросам на улучшение, чем сопротивление технологическому прогрессу. По мнению Н. Бострома, было бы трагично, если бы, с одной стороны, катастрофа или война с использованием передовых технологий уничтожила разумную жизнь, а с другой – если бы потенциал выгоды от применения технологий не был реализован из-за технофобии и запретов [24]. Дальнейшее развитие НБИКС-технологий, трансфер человеческого разума в машину, цифровая и когнитивная революции, появление Нейронета рассматривается как оптимистичный сценарий преодоления человеком собственной природы и перехода к постчеловечеству.

Медленное образование и медленную науку можно отнести к практикам гуманитарного сопротивления постгуманизму. Как отмечает российский культуролог И. Я. Мурзина, в отечественном образовании практики гуманитарного сопротивления являются реакцией на результаты форсайт-проектов «Детство-2030» и «Образование-2030» и характеризуются противостоянием постгуманизму как «доктрине, основывающейся на представлении о незавершенности эволюции человека и его будущей стадии – постчеловека» [25, с. 101], угрожающей антропологическим и этическим основаниям образования. Риски постгуманистических практик исследователь видит в алгоритмизации и стандартизации человеческого бытия, безынициативности и утрате человеком мотивов к свободному индивидуальному развитию, а также сегрегации, формировании нового типа неравенства в образовании, а именно – противопоставлении доступного, массового, дистантного образования, основанного на обезличивании коммуникации и общении с искусственным интеллектом, и элитарного образования «лицом к лицу» с педагогом.

В отличие от постгуманизма антропопрактический подход обосновывает значение конструктивных, гуманитарных практик образования как актуализации человеческого потенциала. Так, С. С. Хоружий полагает, что деструктивный эффект цифровизации, виртуализации и киборгизации, заключающийся в «эвтании Человека», «игре Человека на понижение (самого себя)», можно преодолеть при условии сохранения «должного соподчинения сфер, при котором сфера технологий сохраняет свою изначальную служебную роль, роль средств, и не узурпирует прерогатив целеполагания, антропологически ей не принадлежащих и неположенных» [26, с. 29]. С позиции антропопрактического подхода опасность представляет не технологический прогресс сам по себе, а выбор человеком стратегии самотрансформации и обновления.

В целом, возможности антропопрактического подхода заключаются, во-первых, в концептуализации медленного движения в университетах как антропологической альтернативы менеджериализму и постгуманизму, усовершенствованию «сырой» природы человека для целей цифровой экономики; во-вторых, в рассмотрении медленной науки и медленного образования не только как концепции или манифеста, но и как набора, репертуара антропологических практик; в-третьих, в обосновании значения медленных практик для самодетерминации, самоорганизации личности, креативного самоосуществления, проектирования себя и в целом – вочеловечивания и гуманизации как антропологической цели высшего образования.

Вместе с тем антропологическое пространство медленных практик в науке и образовании в настоящее время не сформировалось. Сегодня не существует ни четкого определения медленных практик университетов, ни каталогизации наиболее успешных из них. К практикам медленного познания относят, например, медленное активное чтение (вместо гуглизации, поискового запроса), сократический диалог (вместо готовых ответов), игропрактики (вместо тестов), коллаборации, краудсорсинг и нетворкинг (вместо конкуренции), DIY-практики (вместо пассивного потребления информации) и т. д. Сторонникам медленного университетского движения еще предстоит решить вопрос о том, как выстраивать медленные практики, основанные на самоорганизации и самомотивации, в соответствии с внешними требованиями эффективности и результативности исследовательской и образовательной деятельности в интенсивно меняющемся обществе.

Основное противоречие может заключаться в том, что экспансия практик быстрого знания, скоростной науки и учебы соответствует темпу научно-технического прогресса цифрового общества. В то же время антропологическая альтернатива стандартизации, культу скорости и срочности основывается на «реапроприации времени» (Г. Ловинк) исследовательской работы преподавателей и студентов и зачастую оценивается администрацией и частью академического сообщества как консервативный поворот и сопротивление инновациям. Однако реализация медленных практик наряду с практиками быстрого знания может обеспечить единство преемственности и инновационности в развитии современного университета. Медленные практики в науке и образовании отличает спонтанность, новаторство, доминирование креативности над алгоритмичностью, экологичность как соизмеримость знания и возможности человека его интерпретировать и критически оценить, бережное, ответственное отношение к самим знаниям, их применению и возможным последствиям, что особенно

важно для оценки и предупреждения рисков технологического роста. Парадоксально, но как отмечает британская исследовательница Ута Фрит, медленный подход, т. е. планирование в расчете на долгую перспективу и расширение горизонтов, воспитание будущего поколения ученых, оценка качества, а не количества, не препятствует прогрессу, но ускоряет его [27].

Заключение. Перспективы трансфера медленных практик в сферу российского высшего образования. Несмотря на то, что отдельные практики slow life (осознанное потребление, slow food, slow fashion и др.) получают все большее распространение в повседневной жизни, в сфере науки и образования медленные практики слабо институционализированы, не являются трендом и носят преимущественно маргинальный характер. Некоторые медленные практики являются весьма традиционными для высшей школы, но они либо отброшены, либо реализуются формально (наставничество, сохранение и развитие научных школ кафедр, студенческих научных обществ и т. д.). Другие носят инновационный характер и пока не получают должного развития, как, например, практики, связанные с реализацией университетами ESG-принципов (поддержка местного сообщества и низовых инициатив, проведение публичных мероприятий по популяризации науки, создание молодежных хакспейсов и фаблабов и др.). Оптимальный сценарий трансфера медленных практик в сферу российского высшего образования заключается в согласовании и балансе менеджериальных практик, позволяющих повысить продуктивность интеллектуального труда, а значит – и конкурентоспособность университета, и антропологических практик замедления, препятствующих эрозии гуманистического содержания образования и способствующих формированию устойчивой среды университета в условиях цифровизации. Для реализации подобного сценария необходимы не только концептуальное обоснование и манифестация, но и диффузия медленных практик ведущих зарубежных и российских университетов, дальнейшая их популяризация и институционализация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Slow Thought: a manifesto // Aeon. URL: <https://aeon.co/essays/take-your-time-the-seven-pillars-of-a-slow-thought-manifesto> (дата обращения: 11.05.2022).
2. Маниковская М. А. Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 100–106. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-87-2-100-106>.
3. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001.
4. Postman N. Technopoly. The surrender of culture to technology. NY: Vintage Books, 1993.
5. Ритцер Дж. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2011.
6. Roszak T. Raging Against the Machine // Los Angeles Times. 28.01.2004. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2004-jan-28-oe-roszak28-story.html> (дата обращения: 12.05.2022).
7. Эллюль Ж. Технологический блеф // Это человек. Антология / сост. П. С. Гуревич. М.: Высш. шк., 1995. С. 265–284.
8. Orr D. W. The nature of design: ecology, culture, and human intention. NY: Oxford Univ. Press, 2002.
9. Berg M., Seeber B. The Slow Professor: Challenging the Culture of Speed in the Academy // Transformative Dialogues: Teaching & Learning J. 2013. Vol. 6, iss. 3. URL: https://www.kpu.ca/sites/default/files/Teaching%20and%20Learning/TD.6.3.5_Berg%26Seeber_Slow_Professor.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

10. Черногорцева Г. В., Нехамкин В. А. Последствия технического прогресса: социально-философский анализ // Гуманитарный вестник. 2019. Вып. 4 (78). DOI: 10.18698/2306-8477-2019-4-616. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/616.html> (дата обращения: 05.05.2022).
11. The Slow Science Manifesto. URL: <http://slow-science.org/slow-science-manifesto.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).
12. The slow science manifesto. URL: <https://slowsociety.be/the-slow-science-manifesto-2/> (дата обращения: 25.04.2022).
13. Шульц П. Философская антропология. Введение для изучающих психологию / пер. с нем. А. Давидович. Новосибирск: НГУ, 1996.
14. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б. М. Скуратова; под общ. ред. В. П. Большакова. Ч. 3. М.: Праксис, 2006.
15. Исаев Е. И., Слободчиков В. И. Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
16. Попов А. А., Проскуровская И. Д. Педагогическая антропология в контексте идеи самоопределения // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 186–198.
17. Андрюхина Л. М. Креативные платформы развития антропных образовательных практик // Креативные основы гуманитарного образования: сб. науч. ст. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2013. С. 181–217.
18. Попова С. М. От менеджериализма к «медленной науке»: что полезного может дать опыт Нидерландов? // Политика и общество. 2019. № 6. С. 41–54. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.6.31714.
19. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Академическая профессия и идеология «медленной науки» // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 62–70.
20. Герасимова И. А. Проблема «скоростной науки» // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1, № 3. С. 96–113. DOI: 10.5840/dspl20181332.
21. Holt M. It's Time to Start the Slow School Movement // Phi Delta Kappan. 2002. Vol. 84, iss. 4. P. 264–271. DOI: <https://doi.org/10.1177/003172170208400404>.
22. Van der Sluis H. Slow higher education // New Vistas. 2020. Vol. 6, iss. 1. P. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.36828/newvistas.105>.
23. Курцвейл Р. Эволюция разума. Как расширение возможностей нашего разума позволит решить многие мировые проблемы / пер. с англ. Т. П. Мосоловой. М.: Эксмо-Пресс, 2016.
24. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // J. of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. URL: <https://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (дата обращения: 11.05.2022).
25. Мурзина И. Я. Гуманитарное сопротивление в условиях цифровизации образования // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 10. С. 90–115. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-10-90-115.
26. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.
27. Frith U. Fast Lane to Slow Science // Scientific Life. 2020. Vol. 24, iss. 1. P. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2019.10.007>.

Информация об авторах.

Горбунова Юлия Александровна – кандидат философских наук (2013), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского университета им. С. Ю. Витте, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1, Москва, 115432, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: антропологические практики, цифровизация высшего образования, цифровые технологии в преподавании философии, маргинальная политическая антропология, философия конфликта.

Боронихина Ирина Олеговна – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Московского государственного университета пищевых производств, Волоколамское шоссе, д. 11, Москва, 125080, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: цифровизация высшего образования, цифровые образовательные технологии, методика преподавания иностранного языка.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.05.2022; принята после рецензирования 21.06.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. "Slow Thought: a manifesto", *Aeon*, available at: <https://aeon.co/essays/take-your-time-the-seven-pillars-of-a-slow-thought-manifesto> (accessed 11.05.2022).
2. Manikovskaya, M.A. (2019), "Digitalization of Education: Challenges to Traditional Norms and Moral Principles", *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (87), pp. 100–106. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-87-2-100-106>.
3. Mumford, L. (2001), *The Myth of the Machine. Technics and Human Development*, Transl. by Azarkovich, T. and Skuratov, B., Logos, Moscow, RUS.
4. Postman, N. (1993), *Technopoly. The surrender of culture to technology*, Vintage Books, NY, USA.
5. Ritzer, G. (2011), *The McDonaldization of Society*, Transl. by Lazarev, A.V., Praksis, Moscow, RUS.
6. Roszak, T. (2004), "Raging Against the Machine", *Los Angeles Times*, 28.01.2004, available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2004-jan-28-oe-roszak28-story.html> (accessed 12.05.2022).
7. Ellul, J. (1995). "The Technological Bluff", *Eto chelovek. Antologiya* [This is a human. Anthology], compiler Gurevich, P.S., Vysshaya shkola, Moscow, RUS, pp. 265–284.
8. Orr, D.W. (2002), *The nature of design: ecology, culture, and human intention*, Oxford Univ. Press. NY, USA.
9. Berg, M. and Seeber, B. (2013), "The Slow Professor: Challenging the Culture of Speed in the Academy", *Transformative Dialogues: Teaching & Learning J.*, vol. 6, iss. 3, available at: https://www.kpu.ca/sites/default/files/Teaching%20and%20Learning/TD.6.3.5_Berg%26Seeber_Slow_Professor.pdf (accessed 25.04.2022).
10. Chernogortseva, G.V. and Nekhamkin, V.A. (2019), "Consequences of technological progress: socio-philosophical analysis", *Humanities Bulletin*, no. 4 (78). DOI: 10.18698/2306-8477-2019-4-616. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/616.html> (accessed 05.05.2022).
11. *The Slow Science Manifesto*, available at: <http://slow-science.org/slow-science-manifesto.pdf> (accessed 25.04.2022).
12. *The Slow Science Manifesto*, available at: <https://slowsience.be/the-slow-science-manifesto-2/> (accessed 25.04.2022).
13. Schulz, P. (1996), *Philosophical anthropology. Introduction for students of psychology*, Transl. by Davidovich, A., NGU, Novosibirsk, RUS.
14. Foucault, M. (2006), *Dits et écrits. Articles politiques, conférences, interviews*, part 3, Transl. by Skuratov, B.M., in Bol'shakov, V.P. (ed.), Praksis, Moscow, RUS.
15. Isaev, E.I. and Slobodchikov, V.I. (2013), *Psikhologiya obrazovaniya cheloveka: stanovlenie sub'ektnosti v obrazovatel'nykh protsessakh* [Psychology of human education: formation of subjectivity in educational processes], PSTGU Publ., Moscow, RUS.
16. Popov, A.A. and Proskurovskaya, I.D. (2007), "Pedagogical Anthropology in the Context of the Idea of Self-determination", *Educational Studies Moscow*, no. 3, pp. 186–198.
17. Andryukhina, L.M. (2013), "Creative platforms for the development of anthropic educational practices", *Kreativnye platformy razvitiya antropnykh obrazovatel'nykh praktik* [Creative basis of humanitarian education], RSVPU Publ., Ekaterinburg, RUS, pp. 181–217.

18. Popova, S.M. (2019), "From managerialism to "slow science": what use can be gained from the experience of Netherlands?", *Politics and society*, no. 6, pp. 41–54. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.6.31714.
19. Abramov, R.N., Gruzdev, I.A. and Terent'ev, E.A. (2016), "Academic Profession and Ideology of "Slow Scholarship"", *Higher Education in Russia*, no. 10, pp. 62–70.
20. Gerasimova, I.A. (2018), "The problem of "high-speed science"", *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, vol. 1, no. 3, pp. 96–113. DOI: 10.5840/dspl20181332.
21. Holt, M. (2002), "It's Time to Start the Slow School Movement", *Phi Delta Kappan*, vol. 84, iss. 4, pp. 264–271. DOI: <https://doi.org/10.1177/003172170208400404>.
22. Van der Sluis, H. (2020), "Slow higher education", *New Vistas*, vol. 6, iss. 1, pp. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.36828/newvistas.105>.
23. Kurzweil, R. (2016), *How to Create a Mind: The secret of Human Thought Revealed*, Transl. by Mosolova, T.P., Ehksmo-Press, Moscow, RUS.
24. Bostrom, N. (2005), "A History of Transhumanist Thought", *J. of Evolution and Technology*, vol. 14, available at: <https://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (accessed 11.05.2022).
25. Murzina, I.Ya. (2020), "Humanitarian resistance in the context of digitalisation of education", *The Education and Science J.*, vol. 22, no. 10, pp. 90–115. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-10-90-115.
26. Khoruzhy, S.S. (2008), "The Problem of Post-Human, or Transformative Anthropology in the Light of Synergetic Anthropology", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 2, pp. 10–31.
27. Frith, U. (2020), "Fast Lane to Slow Science", *Scientific Life*, vol. 24, Iss. 1, pp. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2019.10.007>.

Information about the authors.

Yulia A. Gorbunova – Can. Sci. (Philosophy) (2013), Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Moscow S.U. Witte University, 12/1 2nd Kozhukhovsky proezd, Moscow 115432, Russia. The author of more than 60 scientific publications. Area of expertise: anthropological practices, digitalization of higher education, digital technologies in teaching philosophy, marginal political anthropology, philosophy of conflict.

Irina O. Boronikhina – Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication, Moscow State University of Food Production, 11 Volokolamskoe hwy., Moscow 125080, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: digitalization of higher education, digital educational technologies, methods of teaching a foreign language.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.05.2022; adopted after review 21.06.2022; published online 22.11.2022.

Оригинальная статья

УДК 18

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-18-27>

Концептуализация имперских маркеров в архитектурном ансамбле Будапешта

Юлия Михайловна Мальцева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
maltsevajulia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0230-6156>*

Введение. В статье представлен анализ ключевых архитектурных сооружений и общего пространства исторического центра Будапешта с целью выявления его ключевых смысловых, эстетических, семантических, культурных доминант. Актуальность этой темы обусловлена фактическим недостатком рефлексии городского пространства Будапешта, хотя очевидна его взаимосвязь и структурные сходства с имперскими городами Европы. Научная новизна статьи – в разработке и уточнении современного содержания понятия имперского города-феномена, существующего в отсутствие империй, его наполнения, в том, как оно может быть формализовано на индивидуальном примере архитектурного облика Будапешта.

Методология и источники. Аналитический инструментарий модерности насквозь национален, в то время как империя не может быть описана в рамках какой-то одной модели, при помощи какого-то одного метанарратива. Имперский город выступает в качестве «археологии», понимаемой в духе постструктуралистской фукианской парадигмы, подвергающей деконструкции базовые и нормативные идеи социальных наук.

Результаты и обсуждение. Специфика соотнесенности маркеров имперскости в городском пространстве Будапешта состоит в следующих чертах: в первую очередь, тема «второй столицы», по сравнению с Веной, созвучна общей национальной теме «сиротства» венгерской культуры; в то же время замысловатое сочетание ссылок на имперские маркеры и эстетико-стилевые решения других городов Европы демонстрирует вторичность и эфемерность, самореферентность этих отсылок. Кроме того, сакральным центром Будапешта является не главный храм, а здание Парламента, воплощающее в себе главный национальный, культурный, идеологический проект.

Заключение. В результате проведенного исследования выявлены основные особенности конституирования имперского облика Будапешта и обстоятельства его формирования. Резюмируя некоторые важнейшие исторические тенденции, определившие архитектуру этого города, его эстетический и архитектурный облик, можно сформулировать вывод о том, что Будапешт является нереферальным знаком, отражением, симулякром имперского города, отсылающим ни к какой-то конкретной империи, а к большинству империй одновременно.

Ключевые слова: империя, имперский город, Будапешт, семиотика города, архитектоника города

Для цитирования: Мальцева Ю. М. Концептуализация имперских маркеров в архитектурном ансамбле Будапешта // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 18–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-18-27.

© Мальцева Ю. М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Conceptualization of Imperial Markers in the Architectural Ensemble of Budapest

Yulia M. Maltseva

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
maltsevayulia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0230-6156>*

Introduction. This article presents an analysis of the key architectural structures and the general space of the historical center of Budapest in order to identify its key semantic, aesthetic, cultural dominants. The relevance of this article is due to the actual lack of reflection of the urban space of Budapest, although its relationship and structural similarities with the imperial cities of Europe are obvious. The scientific novelty of this article lies in the development and refinement of the modern content of the concept of an imperial city – a phenomenon that obviously exists in the absence of empires, its content, as it can be formalized on an individual example of the architectural appearance of Budapest.

Methodology and sources. Since the analytical tools of modernity are thoroughly “national”, while the empire cannot be described within the framework of any one model with help of any one metanarrative. Thus, the imperial city acts as an “archeology” understood in the spirit of the post-structuralist Foucauldian paradigm, deconstructing the basic and normative ideas of the social sciences.

Results and discussion. The specificity of the correlation of imperial markers in the urban space of Budapest consists in the following features: first of all, the theme of the “second capital” in comparison with Vienna is consonant with the general national theme of “orphan hood” of Hungarian culture; at the same time, an intricate combination of references to imperial markers and aesthetic and stylistic solutions to other European cities demonstrates the secondary and ephemeral, self-referential nature of these references. In addition, the sacred center of Budapest is not the main temple, but the Parliament building, which embodies the main national, cultural, ideological project.

Conclusion. As a result of the study there were revealed the main features of the constitution of the imperial image of Budapest and the circumstances of its formation. Summarizing some of the most important historical trends that determined the architecture of Budapest, its aesthetic and architectural appearance and the influence that it experienced from other imperial cities, we can conclude that Budapest is a non-referential sign, reflection, and simulacrum of an imperial city that does not refer to any particular empire and to most empires at the same time.

Keywords: empire, imperial city, Budapest, city semiotics, city architectonics

For citation: Maltseva, Yu.M. (2022), “Conceptualization of Imperial Markers in the Architectural Ensemble of Budapest”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 18–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-18-27 (Russia).

Введение. Несмотря на то, что в языке истории прочно закреплены понятия империи и имперского города, в современной ситуации, предполагающей город как форму конкретного и преимущественного существования культуры, понятие имперского города нуждается в дополнительном гуманитарном осмыслении – культурологическом, философском. Концепция имперского города так, как она вошла в язык истории, объемлет в себе город, независимый политически, юридически, экономически; он существовал одновременно с такой фор-

мой организации и управления, как свободные города, постепенно сливаясь в одну группу свободных имперских городов. Исторический и политический дискурсы обладают представлениями об империи; можно даже утверждать, что история человечества написана как история существовавших на земле империй. Сегодня в отсутствии формальных, официальных империй и очевидного существования городов, все еще маркированных имперскими, создается крайне актуальная исследовательская ситуация, а также проблема своеобразия группировки похожих имперских маркеров: дворцов, музеев, триумфальных арок, площадей, театров, других сооружений и монументов, демонстрирующих всестороннее величие и мощь призрака империи.

Методология и источники. Для решения поставленной в настоящей статье задачи концептуализировать архитектуру имперскости в чертах имперского города контекстуально совмещаются диахронический и синхронический методы, метод сравнительного анализа, семиотический и археологический подходы для обеспечения различной исследовательской оптики. Архитектурно-городской ландшафт Будапешта разнообразен и включает в себя руинированные остатки античной архитектуры (Аквинкум), элементы готической архитектуры, некоторое, но вовсе не решающее, как в других имперских городах, количество барочных зданий, а также сооружений, решенных в стиле классицизма. Кроме того, в современном ландшафте Будапешта прослеживается и тот факт, что Венгрия дала Европе одну из важнейших фигур баухауса – это Ласло Мохой-Надь. Особенно интересной и стилистически цельной выглядит здесь фигура «прекрасной эпохи», демонстрируя то, как могла бы выглядеть Европа, не случись войны 1914 года, к счастью, не разрушившей этот имперский столичный город.

Композиция архитектурного ансамбля центра Будапешта создает ощущение цельности, кажется, что атмосфера XIX века все еще не покинула его, переливаясь маркерами имперскости, сформированными городской средой совершенно особо. Действительно, композиционная стилистика Будапешта отличается и от Вены, и от постоянно трансформирующегося демографически, архитектурно и стилистически Лондона, и от не раз кардинально перерождавшейся Москвы, и от меняющегося Парижа, и от трижды переименованного Петербурга, – этих имперских городов, сразу приходящих на ум для сравнения. Демонстрируя симметрию и блеск дуалистической монархии, двуединой империи не только в расположенных в Пеште зданиях, но и во множестве деталей – почтовых ящиках, мозаиках, витражах, кованых оградах, центр Будапешта будто подчинен иному хронотопу, не поврежденному войной.

Результаты и обсуждение. В отличие от других европейских городов, исторический центр Будапешта, как и Петербурга, был возведен по единому плану. Концептуально он сложился к празднику Тысячелетия Венгрии. Как и в Петербурге, в Будапеште существовал строительный регламент, определявший высоту сооружений в четыре этажа, внешний облик фасадов и даже окон, в силу чего его композиционная неоренессансная и неоклассицистская стройность особенно заметна. Плавнo протекая вдоль невысоких зданий, проспект Андраши впадает в площадь Октогон. Кварталом далее возникает Оперный театр, стилистически более изящный, чем венский, больше, пожалуй, ассоциирующийся с парижской Оперой Гарнье.

Современные здания на территории исторического центра присутствуют лишь частично, замещая утраченные во время войны. При этом они не стилизованы под архитектуру

времен Австро-Венгрии, а заменяют их, не разрушая композиционную цельность, выступая в какой-то мере зеркальной сущностью в том смысле, в котором зеркало трактует М. Фуко: как механизм свидетельства подлинности существования того, что любая отражающая, зеркальная, стеклянная поверхность осуществляет одним своим наличием [1].

Стоит отметить, что в архитектуре Будапешта второй половины XIX в. доминируют эклектика и историзм. Это связано с возникновением тенденций к государственному и национальному возрождению венгерской нации, что нашло яркое отражение в архитектурных чертах, формирующих облик второй столицы Австро-Венгрии. Стилистические следы первой столицы – Вены, конечно, прослеживаются в архитектурных ансамблях Будапешта, и тема соперничества приходит в голову сама собой. Касается оно, впрочем, не только устройства города, но и мелочей вроде главного десерта – торта Жербо, наводящего на мысли о легендарном Захере. По примеру Ринга в Вене устроена система кольцевых бульваров, открыт первый на континенте метрополитен – предмет законной гордости. Особую важность на границе XIX и XX вв. представляют работы по строительству на месте Будапештского замка королевского дворца по проекту А. Гаусмана и М. Ибла. Они создали ансамбль в стиле неоренессанса с сохранением остатков готических построек и элементов барочных сооружений. Венчал дворец необарочный купол, превративший сооружение в одну из важнейших доминант Будапешта.

Другим символом культуры венгров, их историческим знаменем, связывающим венгерскую идентичность с проблематикой обретения родины, является двубашенная купольная базилика Св. Стефана, выполненная в барочно-ренессансном стиле по проекту М. Ибла и И. Хильда. Представляя собой монументальное сооружение культового назначения, базилика не является ни смысловым, ни логическим центром Будапешта, так же как христианство для венгров (не европейцев по рождению), вероятно, выступало не столько метафизической доктриной, сколько культурным выбором и абсорбацией некоторых паттернов и институций, удостоверяющих и легитимизирующих процесс и результат выбора новой для мадьяр родины. Действительно, венгерские племена пришли в Европу, заняв Карпатский бассейн, как и считавшиеся некоторое время родственными им народы: гунны, алеманны и франки. В отличие от них монголы, сведения о которых имеются в летописном и мифологическом корпусе мадьяр, появившись в этих местах, вернулись обратно на восток – территориальный и культурный; венгры же остались.

Приняв христианство, венгры обрели легитимный статус и родину в центре Европы: так, правителю мадьяр Арпаду важно было не только стать первым среди равных, но и обрести легитимность, дающуюся в Риме. И действительно, уже его праправнук будет коронован легатом Сильвестра II, что включает в себе комплекс политических, культурных, цивилизационных смыслов, и во вторую очередь – непосредственно доктринальных. На это указывает Аноним [2], и косвенными подтверждениями этого являются особая природа отправления христианского культа, связанная в основном с фигурой Св. Стефана и священной историей, где главным выступает, скорее, сюжет обретения родины, чем житие Христа, отсутствие особо значимых богословских исследований на венгерском языке и т. п. Еще одним сюжетом, связанным с утверждением христианства как цивилизационного выбора, является столкновение и борьба с османами. Битва при Мохаче (1526 г.) стала первой нацио-

нальной катастрофой, которая прервала развитие процессов государственного строительства у народа, оказавшегося под управлением турок, мусульман, обрекла на два века неудачных восстаний и безнадежных войн (здесь напрашивается параллель с Русью и Золотой Ордой). Тем не менее трансформации идентичности в азиатскую, мусульманскую сторону Венгрия, будучи индоктринирована и легитимизирована в христианской ценностной размерности, не претерпела.

В этом смысле не случайно то, что смысловым, композиционным, логическим, стягивающим к центру символические, архитектурные и стилистические черты Будапешта является неоготическое, безупречное, симметричное, сочетающее в себе элементы неовизантийского стиля и мерцающие черты необарокко здание Парламента (арх. И. Штейндл) на набережной Дуная, а вовсе не базилика Св. Стефана. Несмотря на равную высотность – 96 м, это смещает сакральные имперские смыслы в область государственного, политического, социального, гражданского, национального.

Самое большое в Будапеште, но при этом изящное, будто парящее над набережной здание Парламента неуловимо напоминает Вестминстерский дворец, но в то же время является исключительно самобытным. Деля символы государственности и главные национальные реликвии – десницу Св. Иштвана, его же золотую корону с характерным погнутым (предположительно в XVII в. при османском нашествии) крестом, которой короновали всех венгерских монархов, будучи духовным и политическим национальными символами, сравниться по масштабу эти два строения, базилика и Парламент, конечно, не могут.

Парламентский комплекс воплощает идею национальной и культурной самобытности, эмансипации, что выражается не только в его внешнем облике, но и во внутренней отделке: роскошные залы и лестницы, изобилие золота, драгоценных и полудрагоценных камней в убранстве, росписи и живопись К. Лотца и М. Мункачи – несомненно, Парламент является вершиной идеологического оформления Будапешта. Своим торжественным и изысканным обликом он выступает символом и тяжело доставшейся нации государственности, и культурного расцвета. Так, концу XIX в. в Будапеште выходило больше ежедневных газет, чем в Лондоне или Берлине, существовало около шести сотен кафе (кафе «Нью-Йорк» на проспекте Андраши и по сей день одно из самых фешенебельных), несколько популярных светских салонов и насыщенная театральная жизнь: «В один вечер буднего дня был выбор, например, между “Летучим голландцем” Рихарда Вагнера, “Медеей” Франца Грильпарцера и “Еленой Прекрасной” Жака Оффенбаха, не считая пары-тройки легких народных комедий» [3, с. 142].

Окончательно формируясь в единый архитектурный ансамбль, знаковые строения Будапешта представляют его как город с имперской архитектурно-семантической средой, чрезвычайно насыщенной отсылками к стилистике столиц реальных империй: здание Западного вокзала оснащено стеклометаллическими конструкциями Г. Эйфеля; зал и казино «Вигадо» демонстрируют смесь византийской, романской и мавританской стилистики, характерной для венгерского романтизма; здание Оперного театра, по уверениям местных жителей, затмило в глазах императора Франца Иосифа Венскую оперу; совсем уж откровенной исторической декоративной стилизацией выступает Рыбацкий бастион (1905 г.).

Специфична и архитектура города, образованного из гористой Буды и равнинного Пешта. Объединенные в 1873 г., они представляют собой замысловатую символическую

конструкцию, связанную с перепадом вертикалей и горизонталей в городе с их специфическим семантическим наполнением, отраженным в корпусе городской мифологии, делящей город дихотомически (а не натрое, имея в виду присоединенный к территории города небольшой город Обуда), противопоставляющий высотные доминанты Буды равнинным пространствам Пешта. Удвоение такая сложная архитектоника находит и в содержательных аспектах жизни Будапешта: действительно, столицей (если этот статус не переходил в разные исторические периоды на какое-то время Вишеграду или Секешфехервару) являлся город Буда, вершину холма которого венчал Будацкий замок. Его главное нынешнее здание – Королевский дворец – располагается на месте аналогичных средневековых построек, возведенных королями Д’Анжу, расширенными и укрепленными при Жигмунде (Сигизмунде) Люксембургском, живописно украшенными при короле Матьяше, увенчанные властно взмывающими вверх башнями и шпилями, выше которых располагались разве что шпиль церкви святого Матьяша. В действительности и эту доминанту, не давая ей стать единственной или главной, превосходит еще одна: выше и храма, и дворца на вершине горы Геллерт располагается австрийская цитадель, служившая венграм напоминанием и символом тиранического абсолютизма.

Крепость, возведенная императором Францем Иосифом после подавления революционного кризиса 1848–1849 гг., Пешт держит «под прицелом»: так, зал «Вигадо», каким он возведен сейчас, расположен на месте предыдущего, который был разрушен в ходе обстрелов с крепости. Выше крепости (а значит, и дворца, и храма) располагается Статуя Свободы («Освобождения»), правда, солдат Советской империи, красноармеец, стоявший у подножия Свободы, теперь обитает в Мemento-парке. Таким образом, ансамбль Буды формирует довольно очевидную композицию, воплощающую высотную доминанту, образуя коннотации вертикали, упорядоченности, иерархии.

Противоположностью Буде служит просторный равнинный Пешт, не знающий наглядной и явно читаемой устремленной ввысь стройной иерархичности. В архитектурном отношении такой физический ландшафт повторен, застройка города выглядит относительно равномерно. Действительно, здесь находятся просторная улица Ваца с комплексом развлечений, центральный рынок, Еврейский квартал и восемнадцать расположившихся в Пеште университетов. Лишь один из них нарушает равнинную архитектонику Пешта – Университет Земмельвейса высотой 89 м. Создающаяся таким противолежанием бинарная оппозиция еще четче выявляет общую картину: Буда структурируется как символ доимперского прошлого, Пешт – как витрина империи.

Интересно, что у Будапешта есть святой покровитель (просветитель, бенедиктинский монах Геллерт), но, как и у других имперских городов, также «приписанный» к нему лишь формально. Мирского же покровителя Будапешта легко узнать: это императрица Сиси, в Венгрии известная как Эржбет. Хотя периода расцвета государственности и культурно-цивилизационных процессов Венгрия достигла в эпоху дуалистической монархии – исключительной, особой форме социально-политического устройства и жизни «умеренного процветания, относительного спокойствия и скромного благополучия» [3, с. 11], что напрямую должно быть связано с именем императора Франца Иосифа, в городе отсутствуют какие-либо памятники ему, площади, сады, скверы, парки, проспекты его имени, нет памятных

досок – будто его не существовало вовсе. Хотя императором Австро-Венгрии Франц Иосиф был сорок девять лет, всего на два года меньше, чем эта империя существовала. При этом стоит отметить, что при коронации Франца Иосифа Венгрия была не в лучшем экономическом положении, при нем же страна стала развиваться индустриально и экономически, что, очевидно, делает эпоху этого императора для Венгрии самой благополучной. ВВП страны при Франце Иосифе вырос втрое, увеличились темпы роста городов, развивалась сталелитейная, металлургическая, машиностроительная отрасли промышленности. Появились трамвайные пути, телефонные аппараты, уличное освещение, через территорию страны стал курсировать Восточный экспресс. Заслуги Франца Иосифа в глазах венгров перечеркнуты все тем же национально-идентическим: казнью арадских мучеников и расстрелом Лайоша Баттяни, первого премьер-министра Венгрии.

Мотив поиска идентичности, и идентичности сложной, мотив поиска покинутой и освоения обретенной родины и общего «сиротства» нации, обусловленные специфической историей, тесно связались между собой и глубоко укоренились в венгерской культуре. Проведя «Тысячелетие в центре Европы» [4], оставаясь «островом внутри Европы» [5], нация в своих литературных образах свидетельствует о собственном национальном чувстве как о «беспрецедентном одиночестве», «коллективном неврозе» [6], судьбе «самого покинутого народа на земле» [7]: «...венгры пришли сюда тысячу лет назад и сегодня еще идут, если, конечно, не померли. Откуда идут и куда – никому не известно. А если кому известно, тот заблуждается. Тот не венгр. Или венгр, но не тот. В смысле – ненастоящий. Что есть венгр – покрыто большим туманом. Ясно только, что венгр ничем особенным не отличается, что выглядит он как все, везде легко приживается, за исключением Венгрии, где ассимилироваться ему невозможно – мешает общий язык» [цит. по 8, с. 212].

В Пеште располагается самая большая и одна из самых знаменитых площадей Будапешта, известная любому туристу, и с детства знакомая каждому венгру – Площадь Героев, иллюстрирующая замысловатые перипетии венгерской истории доимперского периода. Маркеры имперской идентичности просматриваются отчетливо и здесь, формируя «подходящую» мифологию героического периода истории. Действительно, доимперский период венгерской истории предельно мифологичен в силу фрагментарности и текстуальности его свидетельств; вербально же он в виде пластических либо архитектурных комплексов практически не явлен. В этой связи так важна Площадь Героев, выступающая в отсутствии подлинных свидетелей овеществленной манифестацией национальной героики и титулом, и своеобразным «алиби» сложившемуся к празднованию тысячелетия обретения Родины мифологическому корпусу, так необходимому для имперского статуса. Интересны и ремарки о мифологичности самого венгерского языка, который «не дисциплинирует его носителей в смысле необходимости тщательного исследования реальности. Более того, подобная лингвистическая гибкость просто подталкивает к импровизациям, и действительно венгры преуспели в создании длинных сказок и игнорировании реальных обстоятельств» (цит. по [8, с. 221]). Мифологичности, но и «сиротства» добавляет в культурную копилку и отношение венгерского языка к уральской языковой семье: не будучи индоевропейским, он играл в венгерской истории исключительную роль, очерчивая невидимую преграду вокруг венгерского «острова» в центре Европы, ведь на нем не говорил никто из живущих поблизости этносов.

И. Г. Гердер в «Идеях...» и вовсе настроен скептически к языковым и культурным перспективам мадьяр, хотя «сама Венгрия даже стала апостолическим королевством. Тут, между славян, немцев, валахов и других народностей, венгры составляют меньшую часть населения, так что через несколько веков, наверное, нельзя будет найти даже и самый их язык» [9, с. 488], поскольку «у венгерского языка нет будущего. Его идиомы не соответствуют европейским понятиям, распространение этого языка ограничено несколькими миллионами преимущественно необразованных людей. Если бы Кант написал “Критику чистого разума” по-венгерски, у него не нашлось бы и трех читателей. Венгр, говорящий только по-венгерски, остается мужланом, даже если обладает выдающимися способностями» [3, с. 126].

Суммой атрибутов, приличествующих имперскости, выступает композиция Площади Героев и ближайших к ней строений. Так, на самой площади расположены главные памятники. В первую очередь это возведенный в честь перехода венгерских племен через Карпаты и занятия карпатского бассейна монумент Тысячелетия, представляющий собой вертикальную колонну с расположенной на ней фигурой архангела Гавриила с двойным апостольским крестом и короной святого Иштвана в руках: по легенде, именно он, явившись Иштвану во сне, велел тому обратить мадьяр в христианскую веру. У подножия колонны располагается группа пластических изображений венгерских вождей во главе с «первым среди равных» – князем Арпадом. За колонной с архангелом находятся две колоннады – летопись героического периода в виде пластических изображений представителей династии Арпадов; далее располагаются представители династии Д’Анжу, затем князья Трансильвании и фигура Лайоша Кошута, революционера, юриста и борца за свободу периода Венгерской революции. По обе стороны от площади ансамбль завершают Музей изобразительных искусств и музей современного искусства, выполненные в стиле неоклассицизма, – обязательные, как и оперный театр, элементы имперского города. Под площадью располагается еще один такой маркер – станция первой ветки Будапештского метрополитена, самого старого на континенте, еще один атрибут империи.

Заключение. Таким образом, необходимо зафиксировать несколько специфических черт конституирования имперского городского мифа Будапешта. Во-первых, мотив настойчивого соперничества с первой столицей империи – Веной – настолько выразителен в городской ткани Будапешта, что это делает их антиподами. Кроме того, причудливое сочетание отсылок к другим городам Европы – и, конечно, главным образом к городам имперским, обнажает некоторую гротескность подражания сразу всему самому лучшему, богатому и изысканному. В-третьих, сакрализуется в Будапеште и его архитектурном облике не метафизический и религиозный символ – базилика Св. Стефана, а здание Парламента и связанные с ним смыслы культурной и политической эмансипации, независимости, самобытности. Суммируя эти особенности конституирования маркеров имперскости в городском пространстве Будапешта, можно с необходимостью констатировать, что Будапешт является призраком имперского города, имперским городом в отсутствии империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1997.

2. Аноним. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / пер. В. И. Матузовой; вступ. ст. и коммент. М. К. Юрасова // Петербургские славянские и балканские исследования. 2007. № 1/2. С. 87–98.
3. Шарый А., Шимов Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии. Судьба империи. М.: КоЛибри, 2011.
4. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / пер. с англ. В. Т. Олейника. М.: Весь Мир, 2002.
5. Месей М. Соревнование литератур: равенство шансов или гандикап? (Взгляд из Центральной Европы) // Венгры и Европа. Сборник эссе / пер. с венг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 360–370.
6. Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие / пер. с англ. А. Ю. Кабалкина. СПб.: Евразия, 2001.
7. Ийеш Д. Шандор Петефи / пер. с венг. Е. И. Малыхиной. М.: Художественная литература, 1972.
8. Чайковская А. Триумф красной герани. Книга о Будапеште. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
9. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. А. В. Михайлова; отв. ред. А. В. Гулыга. М.: Наука, 1977.

Информация об авторе.

Мальцева Юлия Михайловна – кандидат философских наук (2015), доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: современная культура, авангард, театральный авангард, семиотика города, имперские города.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.05.2022; принята после рецензирования 05.07.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Foucault, M. (1977), *Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines*, Progress, Moscow, USSR.
2. "Gesta Hungarorum" of magister P., who is named Anonymous Author" (2007), Transl. by Matuzova, V.I., comment. Yurasov, M.K., *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1/2, pp. 87–98.
3. Sharyi, A. and Shimov, Ya. (2011), *Korni i korona. Ocherki ob Avstro-Vengrii. Sud'ba imperii* [Roots and crown. Essays on Austria-Hungary. The fate of the empire], KoLibri, Moscow, RUS.
4. Kontler, L. (2002), *A history of Hungary: millennium in Central Europe*, Transl. by Oleinik, V.T., Ves' Mir, Moscow, RUS.
5. Mészöly, M. (2002), "Competition of Literature: Equality of Chance or Handicap? (View from Central Europe)", *Vengry i Evropa. Sbornik esse* [Hungary and Europe. Essay collection], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS, pp. 360–370.
6. Koestler, A. (2001), *The Thirteenth tribe. The Khazar Empire and its Heritage*, Transl. by Kabalkin, A.Yu., Evrazija, SPb., RUS.
7. Jlyes, G. (1972), *Petőfi Sándor*, Transl. by Malykhina, E.I., Hudozhestvennaja literatura, Moscow, USSR.
8. Chaikovskaya, A. (2016), *Triumf krasnoi gerani. Kniga o Budapeshte* [The triumph of red geranium. A book about Budapest], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
9. Herder, I.G. (1977), *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, Transl. by Mikhailov, A.V., Gulyga, A.V. (ed.), Nauka, Moscow, USSR.

Information about the author.

Yulia M. Maltseva – Can. Sci. (Philosophy) (2015), Associate Professor at the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, 5 Mendelevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: modern culture, avant-garde, theatrical avant-garde, urban semiotics, imperial cities.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.05.2022; adopted after review 05.07.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья
УДК 168 (30)
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-28-41>

Миросистемные основания наддисциплинарного синтеза: наброски к программе исследования динамики обществ на постсоветском пространстве

Анна Анатольевна Изгарская

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия,
aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Введение. Исследование процессов в обществах на постсоветском пространстве выходит за рамки любой отдельно взятой научной дисциплины. Существующие попытки междисциплинарного синтеза не позволяют преодолеть раздробленность научного знания. На основе идей И. Валлерстайна в статье описана структура оснований наддисциплинарного синтеза и с целью последующего синтеза с миросистемным подходом проведен анализ евразийской концепции – наиболее влиятельного в современной отечественной социальной науке междисциплинарного направления, исследующего процессы на постсоветском пространстве.

Методология и источники. Основаниями наддисциплинарного синтеза стали концепция миросистемного подхода И. Валлерстайна, характеристики макро-, мезо-, микросоциетальных уровней Дж. Тернера и идея четырех сфер социально-исторического бытия Н. С. Розова.

Результаты и обсуждение. Полученная структура наддисциплинарного синтеза является инструментом, который позволит: систематизировать имеющиеся наработки в области миросистемного подхода; обнаруживать существующие пробелы и восполнять их путем синтеза с направлениями, чьи результаты не противоречат миросистемному подходу; осуществлять критический анализ теорий, конкурирующих с миросистемным анализом парадигм, путем сравнения их эмпирических областей; планомерно расширять эмпирическую область миросистемной концепции. Традиция, заложенная евразийской историософией, является культуроцентричным направлением, имеющим дополнительные акценты в биотехносфере, социосфере и психосфере, что на современном этапе способствует его развитию как междисциплинарной области. В евразийстве отсутствует онтология мира как системы, включающей общества в структуры интерсоциетальных связей и выполняющей роль «сдерживающей среды» их развития. На основе евразийской концепции, имеющей антисистемное идеологическое основание, затруднительно объяснить стремление постсоветских государств встроиться в мировую систему, их взаимную конкуренцию и военные конфликты.

Заключение. Наддисциплинарный синтез с миросистемным анализом позволит евразийству преодолеть имеющиеся лакуны в онтологии и усилить объяснительный потенциал. Миросистемная интерпретация накопленного евразийством эмпирического багажа послужит расширению эмпирического поля миросистемного подхода.

Ключевые слова: наддисциплинарный синтез, сферы социально-исторического бытия, миросистемный подход, евразийство, постсоветское пространство

© Изгарская А. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Изгарская А. А. Миросистемные основания наддисциплинарного синтеза: наброски к программе исследования динамики обществ на постсоветском пространстве // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-28-41.

Original paper

World-systems Foundations of Supradisciplinary Synthesis: Program Outlines for Studying the Dynamics of Societies in the Post-Soviet Space

Anna A. Izgarskaya

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia,
aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Introduction. The study of processes in societies in the post-Soviet space exceeds the scope of any single scientific discipline. All the existing attempts at interdisciplinary synthesis do not allow to overcome the fragmentation of scientific knowledge. The article describes the structure of the foundations of the supradisciplinary synthesis based on the ideas of I. Wallerstein. An analysis of the concept of Eurasianism (which, in the author's opinion, is the most influential interdisciplinary direction in modern domestic social science that studies processes in the post-Soviet space) was carried out with the aim of subsequent synthesis with the world-systems approach.

Methodology and sources. The foundations of the supradisciplinary synthesis are the concept of the world-systems approach by I. Wallerstein, the characteristics of macro-, meso-, microsocietal levels by J. Turner, and the idea of four spheres of socio-historical existence by N. S. Rozov (biotechnosphere, psychosphere, cultural sphere, sociosphere).

Results and discussion. The resulting structure of the supradisciplinary synthesis is a tool that will allow: to systematize the existing developments in the field of the world-systems approach; to discover existing gaps and fill them by synthesis with directions that do not contradict the world-systems approach; to carry out a critical analysis of theories of competing paradigms with world-systems analysis by comparing their empirical areas; systematically expand the empirical field and develop the world-systems theory. The tradition laid down by the historiography of Eurasianism is a culture-centered direction with additional accents in the biotechnosphere, sociosphere and psychosphere. At the present stage this contributes to its development as an interdisciplinary field of research. In Eurasianism, there is no ontology of the world as a system that includes societies in the structures of intersocietal ties and acts as a "containment environment" for their development. The Eurasian concept has an antisystemic ideological basis, and for this reason it is difficult to explain on its basis the desire of the post-Soviet states to integrate into the world system, their mutual competition and military conflicts.

Conclusion. The supradisciplinary synthesis with world-systems analysis will allow Eurasianism to overcome the existing gaps in ontology and strengthen the explanatory potential. The empirical baggage accumulated by Eurasianism will receive a world-systems interpretation of processes in the post-Soviet space, which will serve to expand the empirical field of the world-systems approach.

Keywords: supradisciplinary synthesis, socio-historical existence, world-systems approach, Eurasianism, post-Soviet space

For citation: Izgarskaya, A.A. (2022), "World-systems Foundations of Supradisciplinary Synthesis: Program Outlines for Studying the Dynamics of Societies in the Post-Soviet Space", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-28-41 (Russia).

Если ученые не наведут порядок в своем доме, это
сделают за них администраторы, если не политики.
Я не очень верю в ученых, но в данный момент я ду-
маю, что политики сделают свою работу еще хуже.

*И. Валлерстайн «What Are We Bounding,
and Whom, When We Bound Social Research?»*

Введение. Исследования процессов в постсоветских обществах активно ведутся в разных социальных и гуманитарных дисциплинах, однако такие исследования являются изолированными и разрозненными. Разделенные политическими границами, рамками дисциплин и различиями онтологических оснований своих концепций группы ученых часто представляют собой замкнутые интеллектуальные анклавы. При этом очевидным является факт: исследование последовавших после распада СССР процессов выходит за рамки любой отдельно взятой научной дисциплины. Изолированность часто пытаются преодолеть на основе междисциплинарного синтеза. Однако сторонники междисциплинарных подходов похожи на перебежчиков, которые на территории чуждых им дисциплин порой выглядят в глазах аборигенов малограмотными маргиналами, коверкающими принятую терминологию и не имеющими понятия о существовании нормализованных научных данных. Существуют также коллективные проекты, привлекающие для исследования процессов на постсоветском пространстве специалистов из разных научных отраслей (например, [1]). Научные результаты таких исследований, несомненно, оказываются весомее, каждый ученый описывает проблему в рамках своей дисциплины. Однако общность проблематики не обеспечивает единства онтологических и теоретических оснований, следовательно задача междисциплинарного синтеза не может быть решена.

Проблема синтеза научного знания не нова, она имеет солидную историю в философии науки. Например, эта идея присутствует в трудах основоположников марксизма, а также О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, в концепции тотальной истории школы «Анналов». Вклад в проблему внесли неопозитивисты, которые «стремились заложить фундамент эпистемологического монизма, “монизма без метафизики”» [2, р. 397]. В начале 1990-х гг. И. Валлерстайн призвал социологов встать на путь наддисциплинарного преодоления раздробленности знания (цит. по [3, с. 7]). Поставив задачу, он, однако, ее не решил, а лишь указал на существующие проблемы и возможный вариант их решения. Используя идеи Валлерстайна о состоянии современных социальных наук, попробуем сформулировать основные идеи наддисциплинарного синтеза. Подобные обобщения, как отметил Дж. Тернер, «в наше время немодно предлагать» [4, р. VII], но в качестве интеллектуального эксперимента, претендуя исключительно на обсуждение и конструктивную критику, предпримем попытку разработать наддисциплинарный теоретический инструментарий и на его основе в качестве примера провести анализ евразийской концепции – наиболее влиятельного в отече-

ственной социальной науке и политике направления, которое невозможно игнорировать при составлении программы исследования динамики постсоветских обществ.

Методология и источники. Основаниями наддисциплинарного синтеза стали концепция миросистемного подхода И. Валлерстайна, характеристики макро-, мезо-, микросоциальных уровней Дж. Тернера [4–6] и идея четырех сфер социально-исторического бытия Н. С. Розова [7, с. 150–151]. Миросистемный подход выбран в качестве основания, задающего общий дискурс наддисциплинарного синтеза. В работах Валлерстайна предложена общая модель становления современного мира как системы, описаны основные ее характеристики, принципы функционирования и противоречия развития. Преимуществами концепции И. Валлерстайна являются, во-первых, наличие онтологии мира как системы, которая позволяет осуществлять сравнительный анализ включенных в нее подсистем и локальных обществ. Во-вторых, предложенная им теоретическая модель является инструментом анализа динамики конструируемых «извне внутрь» социальных единиц, структур и институтов разных социетальных уровней. В-третьих, в миросистемном подходе есть средства анализа факторов власти и социальных конфликтов.

Опора на миросистемный анализ может вызвать некоторые возражения. Есть мнение, что наддисциплинарный подход не может исходить из одного дискурса. Так утверждают, например, Дж. М. Бейер и С. Л. Арнольд: «Идея наддисциплинарных исследований означает подход, заимствованный из целого ряда дискурсов, но не принадлежащий ни одному из них» [8, р. 60]. Не отрицая такой возможности, отметим, что в социальных науках этого добиться чрезвычайно сложно и не только из-за огромного количества научных дисциплин, но и по причине существования конкурирующих парадигм, а следовательно, и конкурирующих дискурсов. Помимо этого, со времен Т. Куна принято считать, что «нормальная наука» развивается в рамках парадигмы, а научная деятельность подобна игре-головоломке с известными правилами. Следовательно, и в наддисциплинарном подходе должна быть парадигма и единые правила игры, такие правила возьмем в миросистемном подходе. Вариант, предложенный Дж. М. Бейером и С. Л. Арнольдом, обрекает наддисциплинарный подход в социальных науках на допарадигмальное состояние.

Еще одним возражением может быть идеологическая нагруженность марксизма, парадигмы, к которой принадлежит миросистемный подход. В этом отношении следует отметить, что идеологическая нейтральность в социальных науках – явление редкое. Научная теория, независимо от ее идеологической нагруженности, как инструмент познания эффективнее там, где теория получает развитие. Именно это мы можем констатировать, сравнивая судьбы марксизма в отечественной науке и за рубежом. На Западе марксизм стал одним из теоретических оснований начавшегося с середины 1960-х гг. «золотого века макросоциологии» [9, с. 75–78]. Способность интегрировать багаж разных направлений и дисциплин в целях исследования процессов социальной динамики является одним из главных достоинств миросистемного подхода. Эта способность объясняется тем, что, как отметил Н. Кадулиас в комментариях к статье Э. М. Шортман и П. А. Урбан «Жизнь на окраине: отношения ядра и периферии в древней юго-восточной Мезоамерике», «миросистемная концепция И. Валлерстайна, включая различные ее вариации, оказалась достаточно гибкой конструкцией» [10, р. 416]. В качестве теоретического основания она оказалась востребованной

в теории международных отношений, истории, географии, археологии, этнографии, экологии, сравнительном образовании, критической педагогике, социальной психологии. Существуют попытки синтеза миросистемного и цивилизационного подходов [11]. Сегодня уверенно можно говорить, что миросистемный подход де-факто становится основанием наддисциплинарного синтеза, и может быть поставлена задача систематизировать результаты этого процесса.

Следует отметить, что идея интерпретации наследия евразийцев на основе современного уровня социальной науки ранее была высказана О. В. Плебанек. В своей статье «Есть ли шанс у евразийского симулякра?» она указывала на «возможность рассмотреть эту концепцию исходя из новых подходов, включая весь методологический арсенал современного социально-гуманитарного знания» [12, с. 231].

Результаты и обсуждение. Прежде всего ответим на вопрос, почему И. Валлерстайн предлагал использовать наддисциплинарный, а не междисциплинарный синтез. Его основной тезис заключается в том, что социальные науки и междисциплинарные границы являются продуктом исторического развития миросистемы. На современном этапе социальная наука должна преодолеть заложенные в прошлом разделяющие ее дисциплинарные границы и создать новые, наиболее соответствующие современному состоянию мира и задачам, которые стоят перед учеными. В статье «What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research?» (1995) И. Валлерстайн в общих чертах описывает, как, начиная с 1850-х гг., формировались междисциплинарные границы в науках об обществе. Создание границ и формирование отдельных дисциплин в соответствии с его идеей – это «социальное решение, чреватое как краткосрочными, так и долгосрочными последствиями для распределения власти и ресурсов, и поддержания легитимности социальных институтов» [13, р. 840]. Валлерстайн указал на три мегаразлома, которые сформировали большую часть современной западной мысли: «прошлое/настоящее; Запад/не-Запад; государство/рынок/гражданское общество» [ibid.].

Дихотомия «прошлое/настоящее» сформировала водораздел между историей и социологией. Прочность данной границы была обусловлена процессом национального строительства в пяти странах: Великобритании, Франции, Германии, Италии и Соединенных Штатах. Национальные государства нуждались в легитимации и сдерживании «опасных классов». История была полезна, поскольку «ориентация на прошлое, на историю, основанную на идеографических предубеждениях, превосходно подходила для создания национальной идентичности», а социология с ее «номотетической предвзятостью превосходно адаптировалась к планированию политики – необходимому инструменту рационального реформизма» [13, р. 844]. Продиктованная уникальной социально-исторической ситуацией становления национальных государств, дихотомия «прошлое/настоящее» в современных условиях оказывает негативное влияние на развитие науки. Будучи президентом Международной ассоциации социологов и определяя основную тематику конгресса в Монреале (1998 г.) И. Валлерстайн писал о единстве социологии и истории: «И как я не могу представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных внутрь исторического контекста, точно так же я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы называли социологией» [14, с. 126–127].

Следующая дихотомия «Запад/не-Запад» обусловила границы между номотетическими социальными науками и такими дисциплинами, как антропология и востоковедение. Дихотомия «прошлое/настоящее» здесь не работала, не западные народы рассматривались как внеисторичные. Однако их изучение было полезным, поскольку облегчало контроль над колонизируемыми народами. Антропология специализировалась на изучении «первобытных групп», характеристиками которых были «малочисленность, низкий уровень техники, отсутствие письменности» [13, р. 847]. «Высокие цивилизации», такие, как Китай, Индия, Персия, арабо-исламский мир, стали областью востоковедения, древней, имевшей корни в Средневековой европейской культуре, но обновленной в конце XIX в. дисциплины [ibid.]. Разграничение номотетических социальных наук в соответствии с триадой «государство/рынок/гражданское общество» сформировало три дисциплины для изучения «цивилизованного мира» – политологию, экономику и социологию [13, р. 848–851]. Следует также отметить, что разграничение по разлому «Запад/не-Запад» вносит еще одну общую характеристику в номотетические социальные дисциплины – европоцентризм¹. Он составляет основу геокультуры современного мира, идеологию глобального господства Запада. В утверждении глобальных стандартов геокультуры авторитет науки имеет большое значение, он придает им характер универсальных и транснациональных.

Поскольку границы дисциплин устарели, существующий междисциплинарный подход не вызывает у И. Валлерстайна одобрения. «Мультидисциплинарность по определению предполагает осмысленность существующих границ и опирается на них. Но меняющийся реальный мир и меняющийся интеллектуальный мир серьезно подорвали легитимность этих границ. Таким образом, мультидисциплинарность – это строительство на песке» [13, р. 853]. Выход из сложившейся ситуации ученый видел, во-первых, в изменении принципов и механизмов научной, а также образовательной деятельности в университетах. Во-вторых, выражая некоторые сомнения в эпистемологической оправданности, он видел перспективы в отказе от существующих дисциплинарных границ в пользу способа, который «на протяжении последних двадцати лет стал использоваться де-факто как вполне реальный раскол в социальных науках» [ibid.]. Таковым, по мнению Валлерстайна, является деление исследований между макро – микро или глобальным – локальным.

Примером преодоления раздробленности знания на основе границ между глобальным и локальным, но с сохранением междисциплинарного подхода может быть попытка, принятая сторонниками исторического анализа миросистем² П. Мэннингом и С. Рави [16]. Данная попытка подтверждает мысль И. Валлерстайна о том, что междисциплинарный подход укрепляет устаревшие границы социальных дисциплин. П. Мэннинг и С. Рави конструируют сложное многомерное социальное пространство как основание для разработки всемирно-исторического архива данных. Для этого они соотносят четыре социальные области, а именно население, экономику, общество и политику, с соответствующими им символичес-

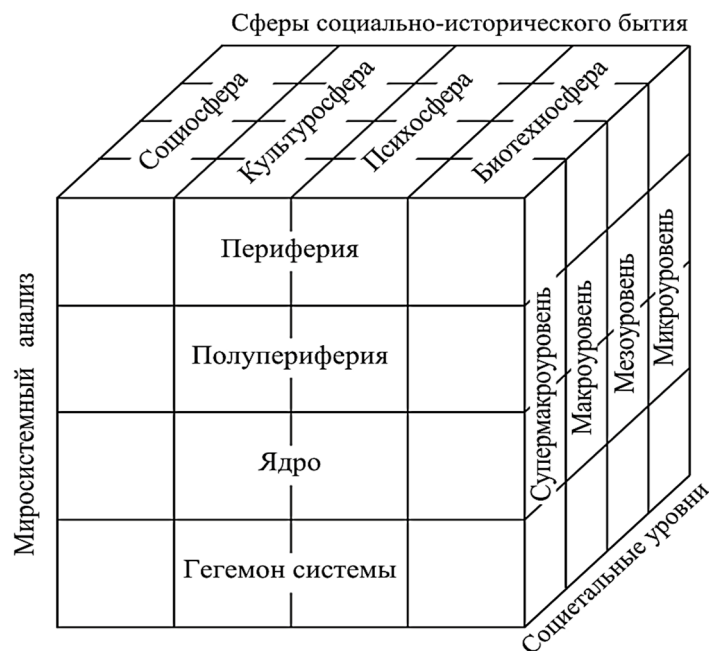
¹ И. Валлерстайн осуществил критику европоцентризма в статье «Eurocentrism and its Avatars: the Dilemmas of Social Science» (1997) [15].

² Одно из направлений миросистемного подхода, распространяющее предложенную И. Валлерстайном модель миросистемы на докапиталистические общества. П. Мэннинг в своих работах делает ссылки на труды таких представителей данного направления, как К. Чейз-Данн и Т. Холл.

Миросистемные основания наддисциплинарного синтеза: наброски к программе исследования динамики...
World-systems Foundations of Supradisciplinary Synthesis: Program Outlines for Studying the Dynamics of Societies...

кими системами анализа – дисциплинами: демографией, экономикой, социологией и политологией. Для упорядочивания взаимосвязей между дисциплинами они устанавливают их границы, указывая «цель, объем, основные переменные, измерения..., ключевые переходы, процессы и институты для каждой дисциплины, и то, как основные входы и выходы дисциплинарных систем связаны друг с другом» [16, р. 24]. П. Мэнинг и С. Рави выражают надежду, что их модель будет общепринятой, и что их «усилия по объединению широкого диапазона современных теорий и практик социальных наук существенно продвинули теорию всемирно-исторических изменений и взаимодействия» [16, р. 23]. Однако предложенная ими модель обнаруживает существенные пробелы при попытке ответить на ряд вопросов. Во-первых, остается неясным, почему из всего многообразия существующих на сегодняшний день дисциплин эти ученые выбрали демографию, экономику, социологию и политологию? Разве данные таких дисциплин, как антропология, культурология, теория международных отношений, психология и других, не имеют существенного содержания для всемирно-исторического архива? Во-вторых, каждая из дисциплин содержит конкурирующие парадигмы и соответствующие различия в теоретической нагруженности фактов. В связи с этим остается непонятным, как эти различия будут отражены или устранены в конструируемом всемирно-историческом архиве данных. На эти вопросы нет ответов, так как проект построения такого архива не получил развития.

Опишем последовательно три основания наддисциплинарного синтеза и проведем анализ потенциала евразийской концепции для последующего его использования в исследовании динамики обществ на постсоветском пространстве (см. рисунок).

Структура оснований наддисциплинарного синтеза
The structure of the foundations of the supradisciplinary synthesis

Каждое основание включает соответствующие его содержанию четыре характеристики. В социально-историческом бытии выделены такие сферы, как биотехносфера, психосфера, культуросфера, социосфера. Социетальные уровни подразделяются на супермакро-,

макро-, мезо- и микроуровни. Общие свойства миросистемы описывают супермакроуровень, поэтому в миросистемном анализе использованы следующие четыре структуры: гегемон системы, ядро, полупериферия, периферия. Сочетание этих характеристик формируют шестьдесят четыре взаимосвязанных области исследования социально-исторического бытия. Полученный инструмент, во-первых, позволит систематизировать имеющиеся наработки в области миросистемного подхода. Такая систематизация может быть начата с анализа статей в *Journal of World-Systems Research*. Во-вторых, соотнесение результатов систематизации с разработанной структурой наддисциплинарного синтеза позволит обнаружить существующие пробелы и восполнить их путем синтеза с направлениями, чьи результаты миросистемному подходу не противоречат. В-третьих, полученный инструментарий даст возможность осуществлять критический анализ теорий, конкурирующих с миросистемным анализом парадигм, путем сравнения их эмпирических областей. К таковым следует отнести и концепцию «Россия–Евразия». В-четвертых, появится возможность планомерно расширять эмпирическую область и развивать теоретические основания миросистемной концепции.

В качестве одного из оснований наддисциплинарного синтеза выступила идея Н. С. Розова о четырех сферах социально-исторического бытия, которые он описывает следующим образом: «Биотехносфера (материальный мир) – биологическая природа индивида и популяции, окружение живой и неживой природы, часто материальные аспекты техники, производства и их последствий... Психосфера – все психические свойства, процессы, неотчуждаемые от человека компоненты менталитета... Включает в себя неосознанные установки, мотивы, потребности, страхи, влечения, причем не только индивидуальные, но также групповые и массовые, объективную реальность устной речи. <...> Культуросфера – пространство образов (в смысле Кребера), отчуждаемых от человека и передающихся из поколения в поколение. <...> Социосфера – объединяет социальные, политико-правовые и экономические сущности и процессы» [7, с. 150]. Четыре сферы социально-исторического бытия задают самую общую онтологию для синтеза и позволяют видеть акценты и отсутствующие области в онтологических основаниях синтезируемых направлений и теорий. Например, онтологические основания цивилизационных концепций, антропологии, культурологии, искусствоведения имеют акцент в культуросфере; теоретические построения политологии и социология – в социосфере. При этом разные парадигмы, теории, существующие в рамках одной дисциплины, могут иметь дополнительные акценты в разных сферах. Так, например, классический марксизм делает акцент на социосферу и биотехносферу, веберизм акцентирует социосферу, биотехносферу и культуросферу. Традиция, заложенная евразийской историософией, является культуроцентричным направлением, имеющим дополнительные акценты в биотехносфере, социосфере и психосфере, что на современном этапе способствует его развитию как междисциплинарной области.

Следующее основание в соответствии с идеей И. Валлерстайна должно отражать имеющийся в современной науке раскол на макро/микро. На сегодняшний день наиболее полное, поражающее грандиозностью замысла описание макро-, мезо-, микросоциетальных уровней осуществлено Дж. Тернером [4–6]. Привлекательность его теоретических построений заключается в том, что он не только описал социетальные уровни, но и обозначил их структурные связи, таким образом создав довольно стройную и одновременно простую

систему. Однако макроуровень Дж. Тернера представляет собой уровень общества в рамках национального государства, имеющего внешние связи. Так, он пишет: «Общества состоят из институциональных областей и систем стратификации... Общества также являются геополитическими единицами, которые регулируются институциональными доменами, в частности государством и законом, в пределах определенной территории» [4, р. 38]. В макроуровень Тернер включает связи между обществами, но наличие «межсоциальных связей» недостаточно для описания свойств миросистемы. В связи с этим введем супермакроуровень – уровень мира как глобальной системы, в основных своих характеристиках представленный в концепции И. Валлерстайна.

Супермакроуровень социальной реальности состоит: из международной системы разделения труда в процессе производства и распределения капитала; системы международных институтов (финансовых, безопасности, правовых и др.); системы средств геоэкономической и геополитической конкуренции за господство (или более благоприятную нишу в системе разделения труда); «геокультуры» (системы либеральных ценностей, обеспечивающих свободу передвижения капитала и товаров в миросистеме). Основные динамические силы супермакроуровня: расширение миросистемы, формирование международного порядка, конкуренция, интеграция, дезинтеграция, глобальные войны.

Макроуровень социальной реальности, по Дж. Тернеру, состоит из выделившихся в процессе эволюции институциональных связей (экономики, государственного устройства, права, религии, родства, образования, науки и др.); систем стратификаций, состоящих из групп, которые получают различные по уровням и типам ресурсы и обнаруживают поведенческие и организационные сходства; регулируемых центрами власти и занимающих некоторую территорию обществ; «интерсоциетальных систем, состоящих из отношений между обществами, ...когда субъекты внутри институциональных областей в двух или более обществах формируют социальные отношения» [4, р. 12–13]. Основные динамические силы макроуровня: население, производство, распределение, регулирование, воспроизводство.

Мезоуровень социальной реальности составляют корпоративные и категориальные единицы. Корпоративные единицы – «структурные единицы, выявляющие разделение труда для реализации по-разному определяемых целей». Среди основных корпоративных единиц Дж. Тернер выделяет группы, организации и сообщества [4, р. 15]. Под категориальными единицами он понимает «структурные единицы, созданные членами популяции, составляющие различия между людьми, предположительно имеющими идентифицирующие характеристики» [ibid.]. Наиболее значимыми Дж. Тернер называет те, что сформированы на основе различий по полу, возрасту, этнической принадлежности, социальному классу. Это могут быть любые другие различия, которые помещают людей в особую категорию.

Микроуровень социальной реальности – уровень взаимодействия личностей «лицо к лицу», включающий эпизоды взаимного осознания и управления без прямого личного контакта [4, р. 16]. В качестве микродинамических сил Дж. Тернер называет эмоции, мотивации, культуру (нормативизация ожиданий); роли; статусы; демографические характеристики и экологию (границы, части и характеристики пространств и соответствующие им символические значения) [4, р. 17].

Будем полагать, что процессы и состояние миросистемы создают «сдерживающую среду» для макроуровня, т. е. включенных в миросистему обществ. Институциональные области и система стратификации макроуровня действуют как «сдерживающая среда» для системных корпоративных и категориальных единиц мезоуровня и косвенным образом ограничивают микродинамику [4, р. 18].

Анализ евразийства с позиции социетальных уровней показывает, что основным предмет исследования «Россия–Евразия» является образование макроуровня. При этом внимание представителей данного направления, как правило, сосредоточено на преобразовании интерсоциетальной системы отношений между двумя исторически сложившимися системами институциональных связей, а именно «лесом» и «степью», в единую евразийскую социокультурную общность. Супермакроуровень как определяющая развитие и «сдерживающая среда» здесь не представлен. Дело в том, что в работах основоположников евразийства, как и в большинстве исследований современных ученых данного направления, присутствуют свойственные их общим предшественникам, славянофилам, неприятие и критика всего «европейского». При этом «европейское» трактуется не как историческое основание способной к расширению глобальной системы, а как локальное – цивилизационное образование, тождественное «евразийскому», при этом последнее, если следовать идеям Н. Я. Данилевского, представляет собой более качественный и перспективный «культурно-исторический тип».

На мезо- и микроуровнях евразийство устанавливает соответствующие идентифицирующие характеристики для тех групп и индивидов, которые должны быть у носителей евразийской идеологии. Супермакроуровень в идентифицирующих характеристиках, как правило, отсутствует. Приведем пример: современные представители евразийского направления А. В. Иванов и С. М. Журавлева отмечают, что «человек чаще всего представляет собой целый ансамбль (или “матрешку”) идентичностей, которые формируются у него постепенно в ходе социализации, при исполнении своих профессиональных и гражданских обязанностей» [17, с. 338]. При этом евразийская идентичность, которая может быть основанием национально-культурной, гражданской и локально-цивилизационной идентичности, здесь резко противопоставляется космополитизму. Космополитизм, «провозглашение себя “гражданином мира”» данными авторами рассматривается как «вырожденный случай национальной самоидентификации» [17, с. 346]. Иными словами, в эпоху глобализации и роста глобальных проблем, существования международных институтов и систем космополитизм как «провозглашение себя “гражданином мира”» исключается из евразийского «ансамбля (или “матрешки”) идентичностей». В методологическом плане процессы и явления супермакроуровня являются слабым местом евразийской концепции. Такие вопросы как, что есть мир, является ли он системой, как евразийская общность встроена в мир, здесь не акцентируются. Возникнув как направление русской историософской мысли в 1920-е гг., евразийская концепция оказалась востребованной политическими и интеллектуальными элитами обществ на постсоветском пространстве. Однако в отличие от марксизма, который имел на уровне теории представление о мире как о системе, что нашло отражение в монографии Р. Люксембург «Накопление капитала» (1913) и в работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917), в евразийской концепции такая онтология отсутствовала.

В качестве следующего основания наддисциплинарного синтеза использована структура миросистемы, которая отражена в иерархии социальных отношений «ядро–полупериферия–периферия». Данная иерархия представляет собой структуру социальных ниш выживания включенных в миросистему обществ и отражает место общества в системе производства и распределения капитала. Общества ядра, как правило, имеют многоотраслевую, передовую для своего времени экономику, реализуют на мировом рынке высокотехнологичные товары и аккумулируют большую часть мировых богатств. Ядро неоднородно. Одно из государств ядра играет роль гегемона. Такое государство наиболее четко обнаруживает себя после мирового военного конфликта, поскольку на новом уровне восстанавливает разрушенный войной международный порядок. Оно обладает экономическим, финансовым и военным превосходством, служит для государств и обществ миросистемы образцом развития, способно длительное время поддерживать финансовую и осуществлять территориальную экспансию на глобальном уровне.

Полупериферийными на современном этапе являются общества, которые специализируются на трудоемких производствах товаров массового потребления. Полупериферийные государства способны аккумулировать значительный капитал. При благоприятных условиях они могут расширять территорию своего влияния за счет периферии. Территориально обширные полупериферии имеют возможность частично разрывать связи с ядром и существовать относительно автономно. Как правило, на уровне полупериферийных обществ формируется государство-челленджер, способное оспорить существующий мировой порядок. Характерной чертой такого государства является формирование идеологии противостояния гегемону и ядру – антисистемной идеологии. Периферии являются источниками сырья и/или дешевой рабочей силы. Периферии могут быть внешними, такие общества имеют свою государственность, и внутренними, т. е. включенными в пространство государств ядра или полупериферии.

В терминах миросистемного подхода евразийская концепция может быть рассмотрена, с одной стороны, как описание представителями конкурирующего направления процесса территориального расширения конкретного полупериферийного государства и конвергенции целого ряда культур и социальных систем в единую социально-политическую общность. Наиболее значимым результатом здесь является то, что представителям этого направления удалось обобщить огромную базу данных по истории и этнографии народов России. С другой стороны, сама евразийская концепция должна быть отнесена к типу антисистемных идеологий. Ее возникновение может быть понято как реакция славянофильского направления историософии на процессы периферизации России, начавшиеся в послепетровскую эпоху и обострившиеся к началу Первой мировой войны. При этом миросистемный анализ позволяет видеть противоречия, которые обнаруживаются у евразийской концепции при столкновении с фактами.

Евразийская концепция была принята на вооружение политическими и интеллектуальными элитами ряда бывших советских республик после распада СССР, однако ее антисистемное содержание оказалось невостребованным, поскольку бывшие советские республики активно встраивались в международную систему разделения труда. Это обстоятельство порождало попытки реформирования идей евразийства и превращения его в просистемную идеологию. Например, авторы монографии «Евразийство: ключевые идеи, ценно-

сти, политические приоритеты» (2007) утверждают, что «укореняясь в своей евразийской культурно-национальной почве и храня свое евразийское достоинство, мы гораздо более нужны и важны Западу, чем в роли подражателя» [18, с. 33]. После 2014 г. антисистемное содержание евразийской концепции снова оказывается востребованным у российской политической элиты. Однако появляется другое противоречие: конвергенция разных культур и обществ в евразийское пространство трактовалось основоположниками как мирный процесс «братания» народов на основе многовековой исторической общности, а не как результат военного насилия. Иными словами, с позиции аутентичной евразийской концепции затруднительно объяснить и стремление постсоветских государств встроиться в мировую систему, и их взаимную конкуренцию, и тем более военные конфликты между ними. Эти недостатки теоретической конструкции евразийства уверенно решаются на основе миросистемного подхода.

Заключение. Следует признать, что основания наддисциплинарного синтеза описаны в самых общих чертах, а в качестве результата может быть предложена лишь заявка на будущие исследования. Однако и сейчас очевидно, что полученная модель позволит создать более полную базу всемирно-исторического архива, чем теоретическая конструкция П. Мэннинга и С. Рави. Помимо этого, проведенный анализ евразийской концепции дает возможность утверждать, что наддисциплинарный синтез с миросистемным анализом даст возможность современному евразийству преодолеть имеющиеся лакуны в онтологии и усилить объяснительный потенциал. В евразийской концепции отсутствует онтология мира как включающей общества системы. Объяснения встраивания в мировую систему, а также конкуренции и военных конфликтов между евразийскими обществами приводят или к отказу от базовых идей евразийства, или к их трансформации в соответствии с политической конъюнктурой. Синтез будет полезен и для представителей миросистемного подхода. Область территориальной динамики России и судеб ее внутренних и внешних периферий продолжает оставаться слабым местом миросистемного анализа. Поэтому накопленный евразийством эмпирический багаж, а также анализ генезиса и развития самой концепции, как в ее историософском, так и в идеологическом ключе, могут быть полезными в целях интерпретации процессов на постсоветском пространстве и могут послужить устранению белых пятен эмпирического поля миросистемного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: в 2 т. СПб.: Ун-т при МПА ЕврАзЭС, 2017.
2. Alvargonzalez D. Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, Transdisciplinarity, and the Sciences // *International Studies in the Philosophy of Science*. 2011. Vol. 25, № 4. P. 387–403. DOI: 10.1080/02698595.2011.623366.
3. Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик (вступ. ст.) // Валлерстайн И. *Миросистемный анализ: введение* / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 5–42.
4. Turner J. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 1. Macrodynamics. NY: Springer, 2010. DOI: 10.1007/978-1-4419-6228-7.
5. Turner J. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 2. Microdynamics. NY: Springer, 2010. DOI: 10.1007/978-1-4419-6225-6.

6. Turner J. Theoretical Principles of Sociology. Vol. 3. Mesodynamics. NY: Springer, 2012. DOI: 10.1007/978-1-4419-6221-8.
7. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М.: Логос, 2002.
8. Beier J. M., Arnold S. L. Becoming Undisciplined: Toward the Supradisciplinary Study of Security // *International Studies Review*. 2005. Vol. 7, iss. 1. P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2005.00457.x>.
9. Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // *Время мира*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. С. 72–89.
10. Schortman E. M., Urban P. A. Living on the edge: core/periphery relations in ancient southeastern Mesoamerica // *Current Anthropology*. 1994. Vol. 35, № 4. P. 401–430. DOI: 10.1086/204293.
11. Wilkinson D. Civilizations Are World Systems! // *Civilizations and World Systems: Studying World-Historical Change* / ed. by S. K. Sanderson. Walnut Creek: AltaMira Press, 1995. P. 248–260.
12. Плебанек О. В. Есть ли шанс у евразийского симулякра? // *Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век* / под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022. С. 230–292.
13. Wallerstein I. What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research? // *Social Research*. 1995. Vol. 62, № 4. P. 839–856.
14. Валлерстайн И. Социология и история: призыв Эмиля Дюркгейма // *Время мира*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. С. 124–127.
15. Wallerstein I. Eurocentrism and its Avatars: the Dilemmas of Social Science // *Sociological Bulletin*. 1997. Vol. 46, № 1. P. 21–39.
16. Manning P., Ravi S. Cross-Disciplinary Theory in Construction of a World-Historical Archive // *J. of World-Historical Information*. 2013. Vol. 1, № 1. P. 15–39. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwhi.2013.3>.
17. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / под ред. А. В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022.
18. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. Барнаул: Азбука, 2007.

Информация об авторе.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 95 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.08.2022; принята после рецензирования 14.09.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.*

REFERENCES

1. *Eurasian integration: origins, problems, prospects* (2017), in 2 vol., Univ. associated with IA EAEC, SPb., RUS.
2. Alvargonzalez, D. (2011), "Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, Transdisciplinarity, and the Sciences", *International Studies in the Philosophy of Science*, vol. 25, no. 4, pp. 387–403. DOI: 10.1080/02698595.2011.623366.

3. Derlugian, G. (2018) "The most inconvenient theorist (introductory article)", *Wallerstein I. World-system analysis: Introduction*, Transl. by Tyukina, N., Moscow, LENAND, RUS, pp. 5–42.
4. Turner, J. (2010), *Theoretical Principles of Sociology*, vol. 1. Macrodynamics, Springer, NY, USA. DOI: 10.1007/978-1-4419-6228-7.
5. Turner, J. (2010), *Theoretical Principles of Sociology*, vol. 2. Microdynamics, Springer, NY, USA. DOI: 10.1007/978-1-4419-6225-6.
6. Turner, J. (2012), *Theoretical Principles of Sociology*, vol. 3. Mesodynamics, Springer, NY, USA. DOI: 10.1007/978-1-4419-6221-8.
7. Rozov, N.S. (2002), *Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 1. Prolegomeny* [Philosophy and theory of history. Book. 1. Prolegomena], Logos, Moscow, RUS.
8. Beier, J.M. and Arnold, S.L. (2005), "Becoming Undisciplined: Toward the Supradisciplinary Study of Security", *International Studies Review*, vol. 7, iss. 1, pp. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2005.00457.x>.
9. Collins, R. (1998), "The Golden Age of Macrohistorical Sociology", *The World Time 1, The Historical Macrosociology in the 20-th Century*, in Rozov, N.S. (ed.), Izd-vo NGU, Novosibirsk, RUS, pp. 72–89.
10. Schortman, E.M. and Urban, P.A. (1994), "Living on the edge: core/periphery relations in ancient southeastern Mesoamerica", *Current Anthropology*, vol. 35, no. 4, pp. 401–430. DOI: 10.1086/204293.
11. Wilkinson, D. (1995), "Civilizations Are World Systems!", *Civilizations and World Systems: Studying World-Historical Change*, Sanderson, S.K. (ed.), Walnut Creek, AltaMira Press, pp. 248–260.
12. Plebanek, O.V. (2022), "Does the Eurasian simulacrum stand a chance?", *Sovetskaya tsivilizatsiya i evraziyskaya ideya: dve istorii dlinnoyu v vek* [Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories], in Kefeli, I.F. (ed.), Petropolis, SPb., RUS, pp. 230–292.
13. Wallerstein, I. (1995), "What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research", *Social Research*, vol. 62, no. 4, pp. 839–856.
14. Wallerstein, I. (1998), "Sociology and history: the call of Emile Durkheim", *The World Time 1, The Historical Macrosociology in the 20-th Century*, in Rozov, N.S. (ed.), Izd-vo NGU, Novosibirsk, RUS, pp. 124–127.
15. Wallerstein, I. (1997), "Eurocentrism and its Avatars: the Dilemmas of Social Science", *Sociological Bulletin*, vol. 46, no. 1, pp. 21–39.
16. Manning, P. and Ravi, S. (2013), "Cross-Disciplinary Theory in Construction of a World-Historical Archive", *J. of World-Historical Information*, vol. 1, no. 1, pp. 15–39. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwhi.2013.3>.
17. *Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoi k dukhovno-ekologicheskoi strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development] (2022), in Ivanov, A.V. (ed.), Novyi format, Barnaul, RUS.
18. Ivanov, A.V., Popkov, Yu.V., Tyugashev, E.A. and Shishin, M.Yu. (2007), *Evrasiistvo: klyuchevye idei, tsennosti, politicheskie priority* [Eurasianism: key ideas, values, political priorities], Azbuka, Barnaul, RUS.

Information about the author.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy) (2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 95 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.08.2022; adopted after review 14.09.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья
УДК 159.9.01
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-42-54>

О теории личностной модели А. Невена

Андрей Игоревич Пономарёв¹, Константин Геннадьевич Фролов^{2✉}

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹aiponomarev@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-4336>

²kgfrolov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9071-6138>

Введение. Стратегии понимания другой личности, играющие важную роль в социальных взаимодействиях, ориентированы на распознавание ментальных состояний, в которых пребывает личность, выступающая объектом познания. Такие стратегии, взятые в своем разнообразии, нуждаются в общей теоретической концептуализации. Одна из попыток такой концептуализации осуществляется в рамках теории личностной модели А. Невена, которая является предметом исследования в данной статье. Цель его – критический анализ теории личностной модели А. Невена и демонстрация ее преимуществ и недостатков по сравнению с иными имеющимися в литературе подходами.

Методология и источники. Сопоставляется подход А. Невена с тремя конкурирующими подходами: теорией народной психологии, теорией симуляции А. Голдмана и теорией взаимодействия Ш. Галлахера. Концептуальный анализ показывает, что эти теории сталкиваются с рядом серьезных трудностей, которые и рассмотрены в статье.

Результаты и обсуждение. На основании проведенного анализа сделан вывод, что ни одна из трех указанных теорий не может быть признана универсальной. В свою очередь, теория личностной модели А. Невена настаивает на множественной стратегии понимания личности и стремится включить достоинства других теорий. Как следствие, основным преимуществом данного подхода является то, что он позволяет рассматривать процесс понимания другой личности не в качестве предзаданного, а в качестве вариативного динамического процесса. Кроме того, данный подход дает возможность рассматривать в качестве личности не только отдельного взрослого человека, но и коллектив людей, а также искусственный интеллект, что имеет большое прикладное значение для дальнейшего совершенствования моральных практик.

Заключение. Теория личностной модели также не лишена недостатков, однако, если их преодолеть, она способна представить наиболее полный механизм понимания личности.

Ключевые слова: тождество личности, теория личностной модели, теория симуляции, репрезентационализм, восприятие, философия восприятия, расширенное содержание восприятия

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук (проект МК-703.2021.2 «Натуралистическая эпистемология агентности и моральной ответственности при разработке и использовании технологий дополненного интеллекта»).

© Пономарёв А. И., Фролов, К. Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Пономарёв А. И., Фролов, К. Г. О теории личностной модели А. Невена // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 42–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-42-54.

Original paper

On the Newen's Person Model Theory

Andrei I. Ponomarev¹, Konstantin G. Frolov²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Higher School of Economics, Moscow, Russia*

¹*aiponomarev@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-4336>*

²*kgfrolov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9071-6138>*

Introduction. Strategies for understanding another person, which play an important role in social interactions, are focused on recognizing the mental states of the person who is under consideration. These various strategies require a general theoretical conceptualization. One of attempts of this kind of conceptualization is carried out by A. Neven's person model theory. This theory is a subject of our investigation and the aim of this study is to critically analyze A. Neven's person model theory and demonstrate its advantages and disadvantages in comparison with other approaches.

Methodology and sources. A. Neven's approach is compared with three competing approaches: folk psychology theory, A. Goldman's simulation theory, and S. Gallagher's interaction theory. Conceptual analysis shows that these theories face a number of serious difficulties, which are discussed in article.

Results and discussion. Based on our analysis, we conclude that none of these three theories can be accepted as universal. At the same time, A. Newen's person model theory suggests a multiple strategy for understanding another person and seeks to incorporate the merits of other theories. Thus, the main advantage of this approach is that it allows us to consider the process of understanding another person not as a predetermined one, but as a variable dynamic process.

Conclusion. This approach allows considering as a person not only an adult, but also a collective of people, as well as artificial intelligence, which has a great importance for the further improvement of moral practices. At the same time, the person model theory is not devoid of weaknesses; however, when overcoming them, it is able to present the most complete mechanism for understanding the personality.

Keywords: personal identity, person model theory, simulation theory, representationalism, rich-content view, perception, philosophy of perception

Source of financing: the work was supported by a grant of the President of the Russian Federation (project MK-703.2021.2 "Naturalistic epistemology of agency and moral responsibility in the development and use of augmented intelligence technologies").

For citation: Ponomarev, A.I. and Frolov, K.G. (2022), "On the Newen's Person Model Theory", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 42–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-42-54 (Russia).

Введение. Одной из важнейших особенностей всякой сознательной личности является то, что она способна определять себя во взаимодействии с другими личностями, а также понимать личностные особенности окружающих, в том числе при вынесении моральных оценок их действий и поведения. В связи с этим проблематика эпистемологии личности оказывается весьма актуальной и востребованной в контексте дискуссий о моральной ответственности.

Существует ряд теорий, которые объясняют, как происходит понимание другой личности: теория народной психологии [1], теория симуляции [2], теория взаимодействия [3] и теория личностной модели [4].

Целью данной статьи является анализ теории личностной модели А. Невена и демонстрация ее преимуществ по сравнению с иными указанными выше подходами.

В первой части рассмотрены теория народной психологии, теория симуляции А. Голдмана и теория взаимодействия Ш. Галлахера. Эти теории представляют собой значимые попытки объяснить механизмы понимания другой личности. Во второй части представлена концепция прямого восприятия эмоциональных состояний А. Невена, опирающаяся, в свою очередь, на концепцию расширенного содержания восприятия С. Сигель. Проанализированы и предъявлены сильные и слабые стороны данного подхода. В заключении приводятся выводы.

Методология и источники. Теория народной психологии (folk theory) полагает, что для того чтобы понять других агентов, познающий субъект прежде распознает их ментальные состояния, в первую очередь убеждения и желания, а затем делает предсказания об их дальнейшем поведении [1, 5]. В рамках данного подхода утверждается, что заключения о ментальных состояниях другой личности производятся путем рационального вывода на основе полученной информации о ее поведении. Несмотря на кажущуюся очевидность данного тезиса, существует много примеров против такого подхода. В частности, далеко не всегда можно построить и в явном виде выразить рациональные рассуждения, приведшие агента к убеждению о ментальном состоянии другой личности. Порой можно понять намерения другого человека без каких-либо стереотипных сигналов с его стороны: например, перед тем, как встать со своего места в автобусе, человек застегивает куртку. Выполнение этого действия не является критерием человека, собирающегося встать со своего места, однако оно может позволить окружающим понять его намерение. Разнообразие таких косвенных инструментов понимания агентами интенций друг друга столь велико, что в общем случае их довольно сложно концептуализировать.

В ряде случаев понимание другого вообще не строится на знании о его убеждениях. В частности, младенцы в очень раннем возрасте могут распознавать эмоции родителей: если у родителя при общении с малышом радостное лицо, ребенок отвечает смехом, если же лицо родителя грустное или эмоционально нейтральное, то младенец отвечает плачем [6, 7]. Данный феномен объясняется деятельностью так называемых зеркальных нейронов: когда человек видит эмоциональное выражение лица, в его мозге работают нейроны, которые активны, когда он сам испытывает те же эмоции [8]. Данный механизм распознавания эмоций есть не только у людей, но и у животных. Соответственно, так же как невозможно приписывать способность к рациональному выводу животным, мы вынуждены сделать вывод о том, что распознавание эмоций не основывается на рациональном выводе.

Другой подход к пониманию личности получил название «теория симуляции» (simulation theory) [2]. Согласно этой теории, понимание другой личности возможно благодаря тому, что познающий субъект ставит себя на место другого и пытается представить, что бы он испытывал. Объяснение здесь базируется на работе зеркальных нейронов: познающий субъект видит эмоциональное выражение лица другого человека, испытывающего

гнев, после чего в его сознании возникает аналогичное ментальное состояние, которое вызывают зеркальные нейроны. В результате познающий субъект приходит к пониманию, что другой человек находится именно в этом эмоциональном состоянии (гневе). Например, младенцы действуют так, как будто им известно об эмоциональных состояниях окружающих людей несмотря на то, что младенцы не способны к полноценным теоретическим выводам.

С точки зрения Голдмана, такое «чтение» переживаний другой личности состоит из трех этапов: 1) зеркальные нейроны создают в сознании познающего субъекта копию эмоции, которую испытывает другая личность; 2) субъект осознает себя в том же эмоциональном состоянии, что и другая личность; 3) субъект проецирует свое эмоциональное состояние на сознание другого с помощью формирования убеждения, что другая личность находится в том же состоянии. Важно подчеркнуть, что второй и третий этапы невозможно приписать досознательной деятельности, поскольку осознание своих ментальных состояний и вынесение суждений требует мыслительной деятельности. Данный вывод противоречит исходной установке теории симуляции, которая была нацелена на то, чтобы предложить механизм понимания ментальных состояний другой личности без использования мышления.

В то же время обнаруживается явная проблема с третьим этапом симуляции эмоционального состояния, заключающаяся в смешении перспективы первого и третьего лица: далеко не всегда с помощью симуляции можно достичь ментального состояния, аналогичного ментальному состоянию другой личности. Убеждение о том, в каком состоянии находится другая личность, может быть ложным, даже если зеркальные нейроны оказались активны. В сложных ситуациях, когда несколько факторов могут вызвать похожие эмоциональные состояния, невозможно точно понять эмоциональное состояние другого. Например, человек с лицом, выражающим радость, находится в контакте с двумя событиями, способными вызвать это чувство: играющая кошка и виляющая хвостом собака. Если личность равнодушна к одному из животных, то познающий субъект должен с помощью симуляции понять, от какого события познаваемая личность находится в радостном состоянии, иначе понимание будет неточным. Если познающий субъект сам испытывает радость от наблюдения за радостным поведением собаки, то он будет склонен приписывать другим людям такое же эмоциональное состояние в аналогичных ситуациях.

Таким образом, становятся понятны ограничения теории симуляции. Во-первых, несмотря на стремление перевести понимание другой личности на досознательный уровень, теория симуляции все-таки апеллирует к убеждениям, что является противоречием по отношению к изначальной тенденции, направленной против теории народной психологии. Во-вторых, ментальные состояния каждого человека являются уникальными и индивидуальными, поэтому никакие два человека не могут находиться в одном и том же состоянии, полное понимание оказывается принципиально недостижимо. В-третьих, теория симуляции не применима в случаях, когда нужно понимание сильно отличающихся по психическому состоянию личностей. Человек психически здоровый с трудом может представить и испытать ментальные состояния психически больного. В-четвертых, в обычных социальных взаимодействиях далеко не всегда нужно симулировать у себя в сознании ментальные состояния другого, поэтому такой подход к пониманию другой личности не может быть единственным и исключительным.

Теория взаимодействия (interaction theory) [3] в свою очередь утверждает, что для понимания других агентов необходимо не только наблюдать за ними, но и взаимодействовать с ними. Восприятие не является пассивным процессом, оно требует активных действий от воспринимающего субъекта. У младенцев распознавание эмоций родителей происходит не при пассивном наблюдении, а при активном взаимодействии с родителями. Младенцы своим поведением показывают, каких эмоций они ждут от родителей, и их плач вызван во многом недовольством тем, что родители «неправильно» реагируют на их «требования» [6]. Этот пример показывает, что при распознавании ментальных состояний другой личности необходимо иногда ее спровоцировать на определенное поведение. Кроме того, наличие такого поведения у младенцев, как и в случае теории симуляции, демонстрирует, что стратегия понимания ментальных состояний другой личности с помощью провокации или другого взаимодействия является базовой стратегией, развивающейся до формирования когнитивных способностей.

Данный подход также сталкивается с рядом затруднений, связанных с тем, что в социальном взаимодействии существуют определенные правила. Когда люди вовлечены в совместные действия, они вынуждены действовать по этим правилам, иначе общество перестанет существовать. Например, когда два человека несут по лестнице стол, их действия должны быть хорошо согласованы, чтобы результат был положительным. Каждый из тех, кто несет стол, наблюдает за действиями своего напарника и мгновенно, без осознания на них реагирует. Однако этого очевидно недостаточно, чтобы заключить, что каждый из участников совместных действий понимает ментальные состояния другого человека. Из подобных ситуаций следует только то, что каждый из них знает общие правила поведения в данном контексте обстоятельств. Безусловно, младенцы не владеют правилами поведения и поэтому не могут требовать от родителей правильного поведения, они просто действуют в соответствии с инстинктами. Основные правила поведения являются результатом обучения и воспитания, поэтому социальное взаимодействие не может в целом относиться к немислительным процессам.

Галлахер настаивает, что независимо от мыслительного или немислительного характера социального взаимодействия данный подход является базовой стратегией понимания другой личности. И все же нам представляется, что далеко не всегда такое взаимодействие присутствует или даже требуется. В отдельных случаях простое стороннее наблюдение особенностей поведения индивида способно предоставить достаточное количество информации для понимания его ментального состояния. Например, по нахмуренным бровям человека, как правило, можно понять, что он сердит. В простых ситуациях, когда вызвать это состояние может не так много событий, легко определить, чем рассержен человек. Социальное взаимодействие может являться только дополнительным инструментом, когда в сложных ситуациях остаются неясными ментальные состояния другой личности. Поэтому, как и другие рассмотренные теории (теория народной психологии и теория симуляции), теория взаимодействия не может считаться единственной стратегией понимания другой личности, поскольку далеко не во всех ситуациях требуется взаимодействие или какая-либо провокация другой личности на поведение [9].

Результаты и обсуждение. В рамках теории взаимодействия существует представление о том, что активные действия и провокации познающего агента в конечном итоге спо-

собны приводить к прямому восприятию ментальных состояний другой личности. В связи с этим требуется сделать несколько пояснений.

Традиционно считается, что с помощью чувственного восприятия человеку доступны сравнительно немногие свойства предметов. Так, в случае зрения в качестве таковых обычно указывают цвет, форму и размер предметов. Однако в последнее время активно развивается концепция расширенного содержания ментальных состояний (в англоязычной литературе она получила название *rich content view* или *liberal-content view*). Согласно разным версиям данного подхода познающему агенту посредством восприятия могут быть доступны такие качества, как, например, принадлежность воспринимаемого объекта к классу [10] или причинно-следственные связи между объектами [11, 12]. Данная концепция развивается в рамках репрезентационализма, согласно которому феноменальные качества являются частью репрезентируемого содержания.

Можно продемонстрировать эту позицию на примере восприятия свойства принадлежности к классу «знакомые предметы». Так, при взгляде на знакомый предмет человек испытывает перцептивные переживания, несколько отличные от тех переживаний, которые он испытывал при первом взгляде на тот же предмет. Сам предмет при этом не изменился, перцептивные переживания в первом и во втором случаях отличаются только феноменальными качествами. В рамках репрезентационалистского подхода разница в феноменальных качествах может быть объяснена только разницей в репрезентируемом содержании. В данном случае разница в содержании восприятия состоит в том, что при первичном восприятии объекта он не мог быть отнесен агентом к классу «знакомые предметы», поскольку никакие связи с ранее воспринимавшимися предметами и воспоминаниями о них не могли быть прослежены. Тогда как при повторном восприятии дополняется содержание восприятия: помимо цвета, размера и формы предмета агент способен распознать то, как этот предмет соотносится с ранее уже воспринимавшимися им предметами. Следовательно, принадлежность объекта к классу «знакомые предметы» действительно может ощущаться человеком на чувственном уровне [13, 14].

А. Невен (в русскоязычной литературе его иногда именуют Ньюэн [15, 16]) утверждает, что эмоциональные состояния другого человека также являются частью расширенного содержания перцептивных переживаний [17].

Концепцию Невена о непосредственном восприятии эмоциональных состояний другого можно свести к нескольким положениям. Во-первых, распознавание эмоций другого возможно не только у младенцев, но и у животных, например, собак. Это означает, что распознавание эмоций является важным эволюционным фактором, доступным живым организмам с достаточно развитой когнитивной системой. Во-вторых, восприятие эмоций построено на распознавании конкретных поведенческих паттернов, свидетельствующих об эмоциональном состоянии. Когда человек смотрит на лицо другого, он видит не только выражение лица, но и конкретные детали (паттерны), такие как нахмуренные брови или расширенные зрачки, которые свидетельствуют о конкретных эмоциональных состояниях, например, гнев или страх. В-третьих, восприятие эмоций подвергается влиянию когнитивной системы воспринимающего субъекта (*cognitive-perceptual penetration* или *CPP*). Так, страдающему от болезни Паркинсона человеку очень трудно контролировать выражение лица. Если воспри-

нимающий субъект будет знать, что смотрит на человека с болезнью Паркинсона, он не будет видеть гнев глядя на нахмуренные брови [18].

Эмоции не зря попадают в центр эпистемологической дискуссии о личности. Отличительной особенностью эмоциональных состояний является их прямая связь с эмоциональным поведением. Даже если эмоциональное поведение можно имитировать, то сделать это довольно непросто. Так, если человек смотрит театральную постановку или фильм, то у него есть ряд оснований не доверять страдающему выражению лица актера, поскольку общеизвестно, что актеры умеют контролировать свое эмоциональное поведение и учатся этому достаточно долго. Люди с болезнью Паркинсона не могут контролировать свое эмоциональное поведение, но знание о болезни также является поводом не доверять выражению лица. При знании контекста полная имитация эмоционального поведения невозможна. Поэтому прямое восприятие эмоциональных состояний другого человека является одним из главных механизмов идентификации личности этого человека. Личность представляет собой набор ментальных состояний, а эмоциональные состояния являются при этом наиболее характеристичными.

Помимо этого, понимание эмоционального состояния другой личности является важным условием моральной ответственности. Любое теоретизирование о морали так или иначе включает в себя эмоциональность, в частности страдание. Так, современный теоретик П. Сингер строит свою систему вокруг того, что моральная оценка действий должна строиться только на основании страданий, которые приносят действия [19, с. 70]. Это представление приводит к тому, что возможна моральная оценка действий в отношении животных, поскольку животные также могут страдать. Система Сингера позволяет включить животных в список объектов моральных действий, который традиционно ограничивается только разумными существами. Однако, как нам представляется, моральная ответственность не должна ограничиваться страданиями и причинением боли. Вызов других эмоций (радости, грусти, гнева и т. д.) в определенных обстоятельствах также может быть действием, подвергающемуся моральной оценке.

Включение животных в список объектов морально оцениваемых действий возможно только при том условии, что мы способны понимать эмоции животных. Как кажется, в общем случае это условие выполнено, однако механизмы такого понимания человеком эмоциональных состояний животных изучены пока недостаточно. Если руководствоваться упомянутыми выше традиционными подходами, то вряд ли возможно обоснованно утверждать, что животные обладают убеждениями, на основании которых они принимают рациональные решения, поэтому теория народной психологии в данном случае оказывается неприменима. С другой стороны, можно ли поставить себя на место животного и с помощью зеркальных нейронов спровоцировать у себя в сознании аналогичное эмоциональное состояние, как утверждает теория симуляции? По-видимому, это возможно только в отношении тех эмоциональных состояний, которые являются общими и у людей, и у животных, в противном случае человек не способен понять животное. В свою очередь, с точки зрения теории взаимодействия, которая предполагает прямое восприятие эмоциональных состояний другой личности, возможно понимание даже тех эмоциональных состояний животных, которыми человек не способен обладать. Прямое восприятие эмоциональных состояний

построено на определенных поведенческих паттернах, при этом некоторые поведенческие паттерны животных (например, оскал у собак) являются похожими на паттерны эмоционального понимания людей, тогда как другие (например, размахивание хвостом у тех же собак) не похожи. Тем не менее человек способен распознавать эмоциональное состояние животных даже в тех случаях, когда их эмоциональное поведение сильно отличается от эмоционального поведения людей, что свидетельствует о недостаточности средств теории взаимодействия для объяснения механизмов такого познания.

А. Невен предлагает теорию личностной модели (*person model theory*), в рамках которой стремится дать исчерпывающее объяснение механизма познания другой личности [4]. С точки зрения Невена, из представленных ранее подходов (теория народной психологии, теория симуляции и теория взаимодействия) невозможно выбрать единственно правильный или предпочтительный, все подходы к познанию другой личности имеют и преимущества, и ограничения. Ученый полагает, что все три подхода применяются в разных жизненных ситуациях. При этом непосредственное восприятие эмоциональных состояний другой личности остается в рамках данной концепции одной из базовых стратегий понимания, поэтому теорию Невена можно считать в определенном смысле модификацией теории взаимодействия [3]. В целом этот примирительный подход является полезным, поскольку позволяет не терять силы на поиск такой стратегии, которая вытеснит все остальные, а вместо этого сконцентрировать внимание на описании сложного целостного механизма понимания другой личности.

Познание личности в рамках теории личностной модели Невена сводится к двум структурным элементам: формирование схемы личности (*person schema*) и формирование образа личности (*person image*). Схема личности представляет собой информацию о внутренних ментальных процессах. Познающему субъекту неизвестны напрямую большинство ментальных состояний познаваемой личности, поэтому в рамках схемы личности возможно приписывание ей убеждений, эмоциональной реакции, психологических особенностей, привычек и т. д. Такое приписывание может быть источником ошибок, когда в схему личности познающий субъект включает качества, которыми личность не обладает. Образ личности, в свою очередь, представляет собой единство всей эмпирической информации о ней в конкретный момент времени. В отличие от схемы личности, образ личности формируется из доступных внешнему наблюдателю данных, поэтому в рамках образа личности нет приписывания ей каких-то качеств, которыми она не обладает. Однако в рамках образа личности также существует возможность ошибок, поскольку не все поведение личности напрямую связано с ментальными процессами. Существуют инстинктивные, автоматические и несознательные действия, а также действия, для данной личности совсем не характерные, которые она никогда сознательно не совершила бы и причину которых не всегда способна объяснить. Преодоление этих проблем возможно в рамках динамического характера всех представлений о личности. Никакое представление о личности, ни схема личности, ни образ личности не являются окончательными и постоянно дополняются с поступлением новой информации.

Невен полагает, что перцептивные процессы заканчиваются созданием личностного впечатления (*person impression*), которое затем может влиять и на схему личности, и на образ

личности, конструируемые познающим агентом. Кроме того, личностное впечатление может влиять и на нижние уровни: на восприятие тождества личности, эмоций, интенций и социального поведения. Эти уровни, в свою очередь, формируются при участии сенсорных сигналов, которые делятся на три категории: биологические особенности (форма тела, половые, возрастные особенности и черты лица), ситуативные особенности (конкретные движение и поза тела, выражение лица) и культурные особенности (поведенческий стиль, манеры поведения, одежда).

Одной из сильных сторон теории Невена является объяснение познания других личностей и познание агентом своей собственной личности в одних и тех же терминах. В рамках данной теории личность познающего субъекта похожа на другие личности, поэтому процесс познания своей личности строится аналогичным способом: познающий субъект формирует схему своей личности и образ своей личности. Отличие познания своей личности состоит в том, что у каждого субъекта есть привилегированный доступ к собственным ментальным состояниям, поэтому ему значительно проще составить схему своей личности. Однако с образом личности могут возникнуть трудности, поскольку субъект сам себя со стороны не видит. Таким образом, познание своей личности, так же, как и познание других личностей, не лишено недостатков и может приводить к ошибкам.

Теория Невена заключается в том, что познание других личностей во многом определяется знанием своей личности, и, с другой стороны, знание других личностей в определенной степени влияет на представления познающего субъекта о себе самом. Кроме того, в рамках теории Невена возможно описание личности коллективного субъекта, т. е. группы людей [20]. Если группа индивидов демонстрирует сознательное поведение, то для нее можно сформировать и схему личности, и образ личности [4].

Другой сильной стороной теории Невена является то, что обладание человеческим телом не является необходимым условием для того, чтобы быть личностью. Однако с точки зрения данного подхода необходимым условием личности является обладание ментальными механизмами, которые формируют у нее в сознании схемы и образы других личностей. Как следствие, теория личностной модели не позволяет признать искусственный интеллект личностью только на основании рационального поведения (например, умения играть в шахматы). Собака, в свою очередь, также не может быть признана личностью только на основании ее эмоционального поведения (например, виляния хвостом). Тем не менее и искусственный интеллект, и животные вполне могли бы быть признаны личностями, если бы у них были обнаружены соответствующие механизмы. Таким образом, теория Невена не закрывает вопрос о том, какая сознательная система может быть личностью, а, скорее, дает основания для новых исследований в психологии животных и проектировании искусственного интеллекта.

Одним из важных проблемных мест теории Невена является опора на восприятие эмоциональных состояний. Несмотря на то, что эмоциональное поведение непосредственно связано с эмоциональными состояниями, существует ряд проблем с пониманием другой личности исходя из эмоционального поведения. Является ли эмоциональное поведение характеристичным для личности? Интуитивно кажется очевидным, что актеры способны имитировать эмоции, например, они могут выглядеть грустно, сами при этом не испытывая

грусти. Поведенческие паттерны актера или человека с психическими отклонениями такие же, как и у других людей, а эмоциональные состояния отличаются, таким образом сами поведенческие паттерны не могут быть свидетельством эмоционального состояния. Невен апеллирует здесь к проникновению сознания в восприятие (CPR): воспринимая грустное лицо актера и зная при этом, что перед нами актер, мы уже не будем делать никаких заключений о его ментальных состояниях. Расширенное содержание перцептивных переживаний связано с тем, что познающий субъект воспринимает не только поведенческие паттерны познаваемой личности, но и ситуацию в целом, в том числе и то, что эта личность относится к числу актеров или людей с психическими отклонениями. Чтобы правильно понимать эмоциональные состояния других личностей, оказывается критически важным изначально знать, к какой группе относится та или иная личность.

Вторая проблема подхода Невена связана с самим проникновением сознания в восприятие. Такое проникновение ставит в зависимость восприятие от других ментальных процессов. В частности, зависимость восприятия от желаний (*wishful seeing*) может вести к уменьшению доверия восприятию и, в конечном итоге, к скептицизму [21]. Существует ряд вариантов преодоления данной проблемы. Например, А. Рафтопулос полагает, что на раннем этапе обработки зрительной информации (*early vision*) не существует проникновения сознания в восприятие, поэтому оно не ведет к скептицизму [22]. Однако в концепции Невена сознание проникает на самые ранние этапы восприятия, оно может влиять на то, как воспринимаются и выражение лица, и жесты, и цвет кожи и т. д. Если сознательные процессы, в том числе желание, способны проникать на самые ранние этапы восприятия, то можно ли доверять выводам, построенным на основании восприятия? Вполне представима ситуация, когда именно желание познающего субъекта повлияло на вывод о ментальном состоянии другой личности. Таким образом, для подхода Невена остается по-прежнему в высшей степени актуальным исследование того, как сознание познающего субъекта может искажать восприятие ментальных состояний познаваемой личности.

Третьим уязвимым местом подхода Невена является отождествление личности с совокупностью ее ментальных состояний. Даже если кажется интуитивно приемлемой позиция Невена, согласно которой личностью является весь набор ментальных состояний за все время его существования, то остается непонятным решение проблемы тождества личности. Так, в течение жизни у человека может меняться манера поведения, интонации голоса, черты лица и множество других качеств, определяющих личность для познающего ее субъекта, в том числе и типичные эмоциональные реакции. Одни элементы набора параметров, определяющих личность, уходят в небытие, а их место занимают другие. Соответственно, в рамках данного подхода остается востребованным дополнительный анализ того, как в сознании познающего субъекта формируется представление о тождестве познаваемой личности. Ведь, как уже было отмечено, в рамках подхода Невена оценка тождества познаваемой личности оказывает прямое влияние на восприятие ее отдельных поведенческих особенностей.

Заключение. Подход Невена, представленный в данной статье, является перспективной альтернативой существующим теориям познания личности. Прежде всего, преимуществом данного подхода является то, что он позволяет преодолеть различия между разными

подходами и свести понимание личности не к однозначному, а к вариативному процессу. В рамках теории Невена описан механизм формирования представлений о личности, как внутренних ментальных процессов познаваемой личности (схема личности), так и внешних проявлений ее качеств (образ личности). Теория личностной модели Невена позволяет рассуждать о признании личностью и взрослого человека, и младенца, и коллектива людей, и искусственного интеллекта, и животных. Дальнейшее развитие и совершенствование подхода Невена способно привести к существенному прогрессу в исследовании того, как устроено понимание другой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gopnik A. How We Know Our Minds: The Illusion of First-person Knowledge of Intentionality // Behavioral and Brain Sciences. 1993. Vol. 16, iss. 1. P. 1–14. DOI: 10.1017/S0140525X00028636.
2. Goldman A. I. Simulating Minds. The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2006. DOI: 10.1093/0195138929.001.0001.
3. Gallagher S. Direct Perception in the Intersubjective Context // Consciousness and Cognition. 2008. Vol. 17, iss. 1. P. 535–543. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.003.
4. Newen A. Understanding Others - The Person Model Theory // Open MIND / ed. by T. Metzinger, J. M. Windt. Frankfurt am Main: MIND Group, 2015. DOI: 10.15502/9783958570320.
5. Baron-Cohen S. Mindblindness. An essay on Autism and Theory of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
6. Griffiths P. E. What Emotions Really Are. The Problem of Psychological Categories. Chicago, IL: Chicago Univ. Press, 1997.
7. Nagy E. Innate Intersubjectivity: Newborn's Sensitivity to Communication Disturbance // Developmental Psychology. 2008. Vol. 44, no. 6. P. 1779–1784. DOI: 10.1037/a0012665.
8. Both of Us Disgusted in My Insula: the Common Neural Basis of Seeing and Feeling Disgust / B. Wicker, C. Keysers, J. Plailly et al. // Neuron. 2003. Vol. 40, iss. 3. P. 655–664. DOI: 10.1016/S0896-6273(03)00679-2.
9. Newen A., Schlicht T. Understanding Other Minds. A Criticism of Goldman's Simulation Theory and an Outline of the Person Model Theory // Grazer Philosophische Studien. 2009. Vol. 79, iss. 1. P. 209–242. DOI: 10.1163/18756735-90000865.
10. Siegel S. Which Properties are Represented in Perception // Perceptual Experience / ed. by T. Gendler, J. Hawthorne. NY: Oxford Univ. Press, 2006. P. 481–503. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199289769.003.0015.
11. Butterfill S. A. Seeing Causing and Hearing Gestures // Philosophical Quarterly. 2009. Vol. 59, iss. 236. P. 405–428. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.585.x.
12. Siegel S. The Visual Experience of Causation // Philosophical Quarterly. 2009. Vol. 59, iss. 236. P. 519–540. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.607.x.
13. Siegel S. The Contents of Visual Experience. NY: Oxford Univ. Press, 2010. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195305296.001.0001.
14. Пономарёв А. И. Можем ли мы видеть свойства высокого порядка? // Дискурс. 2017. № 3. С. 44–51.
15. Прись И. Е. О двух подходах Дэвида Папино к феноменальным концептам // Философская мысль. 2014. № 9. С. 84–149. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.9.13310.
16. Кузьмина Т. И. К вопросу об использовании концепта «воплощенное Я» в специальной психологии личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 1. С. 92–107.
17. Newen A. Defending the Liberal-content View of Perceptual Experience: Direct Social Perception of Emotions and Person Impressions // Synthese. 2017. Vol. 194. P. 761–785. DOI: 10.1007/s11229-016-1030-3.

18. Newen A. The Person Model Theory and the Question of Situatedness of Social Understanding // *The Oxford Handbook of 4E Cognition* / ed. by A. Newen, L. de Bruin, S. Gallagher. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 469–492. DOI: 10.1093/oxfordhob/9780198735410.013.25.

19. Сингер П. О вещах действительно важных. Моральные вызовы двадцать первого века // пер. с англ. Е. Фотьяновой. М.: Синдбад, 2019.

20. Tuomela R. *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. NY: Oxford Univ. Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199978267.001.0001.

21. Siegel S. How Is Wishful Seeing Like Wishful Thinking? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017. Vol. 95, no. 2. P. 408–435. DOI: 10.1111/phpr.12273.

22. Raftopoulos A. The Cognitive Impenetrability of Perception and Theory-ladenness // *J. for General Philosophy of Science*. 2015. Vol. 46, iss. 1. P. 87–103. DOI: 10.1007/s10838-015-9288-6.

Информация об авторах.

Пономарёв Андрей Игоревич – ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия восприятия, философия сознания.

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук (2017), научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ «Высшая школа экономики», Покровский бул., д. 11, Москва, 109028, Россия; научный сотрудник кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия восприятия, философия сознания.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 07.09.2022; принята после рецензирования 10.10.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Gopnik, A. (1993), "How We Know Our Minds: The Illusion of First-person Knowledge of Intentionality", *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 16, iss. 1, pp. 1–14. DOI: 10.1017/S0140525X00028636.

2. Goldman, A.I. (2006), *Simulating Minds. The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI: 10.1093/0195138929.001.0001.

3. Gallagher, S. (2008), "Direct Perception in the Intersubjective Context", *Consciousness and Cognition*, vol. 17, iss. 2, pp. 535–543. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.003.

4. Newen, A. (2015), "Understanding Others – The Person Model Theory", *Open MIND*, Metzinger, T., Windt, J.M. (eds.), MIND Group, Frankfurt am Main. DOI: 10.15502/9783958570320.

5. Baron-Cohen, S. (1995), *Mindblindness. An Essay on Autism and Theory of Mind*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.

6. Griffiths, P.E. (1997), *What Emotions Really Are. The Problem of Psychological Categories*, Chicago Univ. Press, Chicago, IL, USA.

7. Nagy, E. (2008), "Innate Intersubjectivity: Newborn's Sensitivity to Communication Disturbance", *Developmental Psychology*, vol. 44, no. 6, pp. 1779–1784. DOI: 10.1037/a0012665.

8. Wicker, B., Keysers, C., Plailly, J., Royet, J.-P., Gallese, V. and Rizzolatti, G. (2003), "Both of Us Disgusted in My Insula: the Common Neural Basis of Seeing and Feeling Disgust", *Neuron*, vol. 40, iss. 3, pp. 655–664. DOI: 10.1016/S0896-6273(03)00679-2.

9. Newen, A. and Schlicht, T. (2009), "Understanding Other Minds. A Criticism of Goldman's Simulation Theory and an Outline of the Person Model Theory", *Grazer Philosophische Studien*, vol. 79, iss. 1, pp. 209–242. DOI: 10.1163/18756735-90000865.

10. Siegel, S. (2006), "Which Properties are Represented in Perception", *Perceptual Experience*, Gendler, T. and Hawthorne, J. (eds.), Oxford Univ. Press, NY, USA, pp. 481–503. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199289769.003.0015.
11. Butterfill, S.A. (2009), "Seeing Causes and Hearing Gestures", *Philosophical Quarterly*, vol. 59, iss. 236, pp. 405–428. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.585.x.
12. Siegel, S. (2009), "The Visual Experience of Causation", *Philosophical Quarterly*, vol. 59, iss. 236, pp. 519–540. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.607.x.
13. Siegel, S. (2010), *The Contents of Visual Experience*, Oxford Univ. Press, NY, USA. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195305296.001.0001.
14. Ponomarev, A.I. (2017), "Could We See Properties of a High Order?", *Discourse*, no. 3, pp. 44–51.
15. Pris, I.E. (2014), "On the Two Approaches to David's Phenomenal Concepts", *Philosophical Thought*, vol. 9, pp. 84–149. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.9.13310.
16. Kuzmina, T.I. (2020), "About the Concept "Embodied Self" in Special Psychology of Personality", *Theoretical Experimental Psychology*, vol. 13, no. 1, pp. 92–107.
17. Newen, A. (2017), "Defending the Liberal-content View of Perceptual Experience: Direct Social Perception of Emotions and Person Impressions", *Synthese*, vol. 194, pp. 761–785. DOI: 10.1007/s11229-016-1030-3.
18. Newen, A. (2018), "The Person Model Theory and the Question of Situatedness of Social Understanding", *The Oxford Handbook of 4E Cognition*, Newen, A., de Bruin L. and Gallagher, S. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 469–492. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.25.
19. Singer, P. (2016), *Ethics in the Real World: 82 Brief Essays on Things That Matter*, Transl. by Fot'yanova, E., Princeton Univ. Press, Princeton, USA.
20. Tuomela, R. (2013), *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*, Oxford Univ. Press, NY, USA. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199978267.001.0001.
21. Siegel, S. (2017), "How is Wishful Seeing Like Wishful Thinking?", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 95, no. 2, pp. 408–435. DOI: 10.1111/phpr.12273.
22. Raftopoulos, A. (2015), "The Cognitive Impenetrability of Perception and Theory-ladenness", *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 46, iss. 1, pp. 87–103. DOI: 10.1007/s10838-015-9288-6.

Information about the authors.

Andrei I. Ponomarev – Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: philosophy of perception, philosophy of consciousness.

Konstantin G. Frolov – Can. Sci. (Philosophy) (2017), Research Officer at the International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, Higher School of Economics, 11 Pokrovsky blvd., Moscow 109028, Russia; Research Officer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: philosophy of perception, philosophy of consciousness.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.09.2022; adopted after review 10.10.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья

УДК 316.74

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-55-67>

Профессиональные практики методической работы в сфере высшего образования

Надежда Васильевна Казаринова^{1✉}, Валерия Александровна Суханова²

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}NVKazarinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-0022>

²vasukhanova@itmo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5846-3126>

Введение. На материале анализа деятельности методического сообщества ИТМО.Expert рассмотрены особенности научно-коммуникационных практик методистов при взаимодействии с преподавателями университета.

Методология и источники. Методологическая рамка исследования – институциональный и структурно-функциональный подходы изучения деятельности университета. Метод сбора представленных в статье эмпирических данных – контент-анализ сообщений, отправленных участниками онлайн-интенсива «Технологии персонифицированного обучения» на платформе конференц-видеосвязи Zoom, проходившего 23–27 августа 2021 г. Проверяемая исследовательская гипотеза: инициированное университетскими методистами обсуждение новых педагогических практик и новых форматов проектирования вызывает у преподавателей скептическое отношение, недоверие и сопротивление; преподаватели могут демонстрировать уязвимость в обсуждении новых подходов в образовании.

Результаты и обсуждение. Проверка гипотезы о том, что обсуждение новых педагогических практик и подходов вызовет скептическое отношение и недоверие со стороны преподавателя, не получила подтверждения. Паттерны недоверия составили менее 5 % от общего массива сообщений. Сопротивление новой информации, поиск аргументов «против» или поиск несостоятельности информации носили единичный характер. Гипотеза об уязвимости преподавателей (особенно начинающих) при обсуждении новых подходов, проявлением которой признавались отказ от обсуждения собственного педагогического опыта и возникающих проблем, частично получила подтверждение. Вместе с тем благодаря организационным и коммуникативным действиям методистов – организаторов интенсива была сформирована атмосфера доверия и безопасности, участники могли делиться опытом или задавать вопросы без осуждения со стороны коллег.

Заключение. Деятельность педагогического дизайнера предстает одновременно как просветительская, нацеленная на обучение и продвижение новых образовательных технологий в преподавании, и организационно-управленческая, нацеленная на стимулирование активностей самих преподавателей по разработке и моделированию

© Казаринова Н. В., Суханова В. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

знания в разнообразных форматах. Неслучайно исследователи предлагают характеризовать педагогический дизайн как социокультурную деятельность, а педагогических дизайнеров наделяют статусом агентов изменений в межличностных, профессиональных, социальных и институциональных сферах: при проектировании образовательного опыта и новых образовательных продуктов методист способствует развитию педагогических традиций и переосмыслению нормативов.

Ключевые слова: педагогический дизайн, методист высшей школы, паттерны коммуникативного взаимодействия

Для цитирования: Казаринова Н. В., Суханова В. А. Профессиональные практики методической работы в сфере высшего образования // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 55–67. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-55-67.

Original paper

Professional Practices of Methodical Work in Higher Education

Nadezhda V. Kazarinova^{1✉}, Valeria A. Sukhanova²

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*ITMO University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*NVKazarinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-0022>*

²*vasukhanova@itmo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5846-3126>*

Introduction. In the article the peculiarities of scientific and communication practices of the methodologists in interaction with the university teachers are considered on the material of the analysis of the ITMO.Expert methodological community activity.

Methodology and sources. The theoretical framework of the research is institutional and structural-functional approaches to the study of university activities. The method used for collecting empirical data presented in the article is a content analysis of the co-messages sent by the participants of the online intensive “Personalized Learning Technologies” on the Zoom-conference, which was held on August 23–27, 2021. The research hypotheses are the following: discussions of new pedagogical practices and new design formats initiated by university methodologists provoke teachers' skepticism, distrust, and resistance. Also teachers may demonstrate vulnerability in discussing new approaches in education.

Results and discussion. Testing the hypothesis that discussing new pedagogical practices and approaches will cause skeptical attitudes and distrust on the part of teachers was not confirmed. The patterns of distrust accounted for less than 5 % of the total array of messages. The hypothesis of teachers (especially beginners) being vulnerable when discussing new approaches, a manifestation of which was their refusal to discuss their own pedagogical experience and the problems encountered, was partially confirmed. At the same time due to the organizational and communicative actions of the methodologists-organizers of the intensive there was formed an atmosphere of trust and safety, so the participants had an opportunity to share their experience or ask questions without being judged by their colleagues.

Conclusion. The activity of the pedagogical designer is both an educational activity, aimed at teaching and promoting new educational technologies in teaching, and an organizational and managerial activity, aimed at stimulating the activity of teachers in developing and modeling a variety of knowledge formats. Many researchers suggest characterizing pedagogical design as a sociocultural activity. When designing educational experience and new educational products, methodologists help develop pedagogical traditions and reconsider norms.

Keywords: pedagogical design, higher school methodologist, patterns of communicative interaction

For citation: Kazarinova, N.V. and Sukhanova, V.A. (2022), "Professional Practices of Methodical Work in Higher Education", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 55–67. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-55-67 (Russia).

Введение. Современное образование во всем мире переживает этап трансформации. Развитие междисциплинарных коллабораций, цифровых технологий и сервисов требует от высшей школы «перепридумать» способы обучения. Образовательная среда высшей школы – сложная социокультурная сфера, построенная на взаимодействии различных стейкхолдеров. Долгое время создателем и планировщиком процесса обучения выступал профессорско-преподавательский состав, но постиндустриальная эпоха поставила новые вопросы о форме и процедурах создания образовательных программ [1, 2], о характере сложившихся отношений внутри университетских коллективов, а также вызвала появление новых участников планирования и организации учебного процесса. Нетривиальность задачи новой концептуализации высшего образования обусловлена необходимостью согласовывать интересы всех акторов, вовлеченных в ее решение, – преподавателей, студентов, экспертов, методистов, методологов, дизайнеров, программистов-разработчиков, исследователей и др., а также потребностью в новых обучающих продуктах, а именно в образовательных программах по новым дисциплинам, программах дополнительного образования и переквалификации, разработке ранее не существовавших микроформатов обучения и т. д.

Происходящие изменения затрагивают такие фундаментальные (и потому кажущиеся вневременными) аспекты педагогической деятельности, как мотивация и вовлеченность студентов в процесс обучения; системы оценивания и обратной связи; верификация знаний в условиях информационной интенсивности; координация с рынком труда; условия, воспроизводящие ценность профессионального саморазвития преподавателей; внутриуниверситетские коммуникации. Вместе с тем все более очевидным становится поистине тектонический сдвиг в понимании и реализации организационно-методической работы в вузах: методист в современном университете становится востребованным не столько как субъект процедурно-организаторской деятельности, сколько как педагогический дизайнер и научный коммуникатор. Все чаще организационно-методическая деятельность в университетах нацелена на решение таких задач, как выстраивание коммуникации в разных форматах между преподавателями, транслирование лучших с точки зрения доказательной педагогики образовательных практик, формирование среды, вовлекающей преподавателей в диалог о своей профессиональной деятельности.

Беспрецедентный рост востребованности профессии методиста высшей школы стимулирован стремительным развитием дистанционного и онлайн-образования, изменением технологической составляющей учебного процесса и появлением рынка образовательных технологий (educational technologies, EdTech). Не менее значимое воздействие на восприятие деятельности методиста как проектировщика образования оказало укоренение в университетской среде тренда на «непрерывное обучение» (life long learning). «Атлас новых профессий» (проект «Форсайт компетенций», реализованный при поддержке Агентства стратегических инициатив) включает широкий диапазон специальностей, связанных с проектированием и организацией образовательной деятельности [3]. Конструируя эффективный

образовательный процесс, в котором качество обучения принципиально зависит от коммуникации студентов с преподавателями, другими студентами, административными службами, методист заинтересован в осмыслении своей собственной деятельности, ее возможностей, практических ролей и компетенций, выступая тем самым одним из ключевых носителей социальных изменений («agents of social change»). Посредством коллаборации в проектировании образовательного опыта и новых образовательных продуктов он способствует изменению социальных практик преподавателя, трансформации педагогических традиций и нормативов [4].

Методология и источники. Хотя, на первый взгляд, концепты «педагогический дизайн» и «научная коммуникация» отнесены к разным исследовательским областям, вместе с тем они фиксируют принципиальный момент вовлеченности субъектов в человеческую деятельность. Подобно научным коммуникаторам, сместившим фокус своего внимания к диалоговому взаимодействию экспертов и общественности, педагогические дизайнеры исходят из ценности построения прозрачного и вовлекающего диалога внутри учебного процесса.

В статье описывается коммуникативная составляющая компетентностной модели методиста, а также анализируется опыт проведения онлайн-интенсива «Технологии персонализированного обучения» на платформе конференц-видеосвязи Zoom для профессорско-преподавательского состава Университета ИТМО, проходившего 23–27 августа 2021 г., как пример возможной интерпретации деятельности методиста с использованием фрейма «научная коммуникация» или «педагогический дизайн».

Термин «педагогический дизайнер» (instructional designer) в англоязычной литературе нередко используется как эквивалентный понятиям learning designer, learning experience designer (LX designer), teachers' trainer, educationalist, instructional specialist, instructional developer и др. Исследователи отмечают, что в области проектирования образования терминологический аппарат постоянно эволюционирует, что неизбежно обнаруживается и в связи с интересующими нас понятиями «педагогический дизайн» и «педагогический дизайнер» [5, 6]. Подобная терминологическая неопределенность объясняется стремительным развитием технологий и цифровизацией образовательного процесса [7]. Обсуждая профиль специалиста, который проектирует образовательный продукт, мы будем использовать термины «методист» и «педагогический дизайнер» как синонимы.

Результаты и обсуждение. Начиная с середины XX в. авторы работ, изучающие образовательную среду, для описания процесса конструирования образовательного контента начали активно использовать концепт педагогического дизайна (instructional design) в значении «научная дисциплина, занимающаяся разработкой наиболее эффективных, рациональных и комфортных способов, методов и систем обучения, которые могут быть использованы в сфере профессиональной педагогической практики» [8]. Развернувшаяся интеллектуальная дискуссия по содержательному уточнению данного термина подтверждала неслучайность заявившего о себе аналитического поиска. Так, Лесли Бригс предложил определять педагогический дизайн как «целостный процесс анализа потребностей и целей обучения и разработку системы способов передачи знаний для удовлетворения этих потребностей» [9]; Рита Ричи подчеркивала, что речь идет о науке «подробного описания условий разработки, оценки и реализации ситуаций, способствующих обучению» [10]. Очевидным

был поиск исследователями концепта, который позволил бы реализовать системный подход к построению учебного процесса и разработать модели эффективного обучения и производства обучающихся ресурсов.

Нужно признать, что сама концепция педагогического дизайна не предлагает революционно нового решения того, как выстраивать учебный процесс. Ключевые принципы организации эффективного обучения можно обнаружить в работах великого средневекового педагога Яна Амоса Коменского. Толкуя идеи Коменского в контексте стремительного развития технологий и современной цифровизации, исследователи педагогического дизайна выстраивают современную парадигму построения учебного процесса.

К основным принципам педагогического дизайна Р. Ганье относит следующие [11]:

- Привлечение внимания.
- Четкое позиционирование цели обучения.
- Обращение к уже имеющимся знаниям обучающихся.
- Различные формы презентации изучаемого материала (текст, визуальные материалы, видео и т. д.).

- Руководство обучением и четкие инструкции.
- Проверка получаемых знаний в практической работе.
- Организация обратной связи.
- Организация сохранения знаний обучающихся.

К. Г. Кречетников делает акцент на следующих функциях [12]:

- Научность. Учебные материалы должны быть подобраны в соответствии с актуальным состоянием науки.

– Наглядность. Учебные материалы должны быть адекватны учебной ситуации, а сам процесс обучения должен быть деятельностным.

– Непрерывность и последовательность. Образовательный курс должен быть выстроен логично и последовательно, должна сохраняться последовательность между используемыми в учебном процессе методами и практиками.

– Доступность. Необходимо учитывать эргономичность восприятия, т. е. нацеленность воспринимающего на поиск информации, соответствующей поставленной задаче.

Несмотря на некоторые различия функционального описания, очевидно, что оба автора рассматривают в качестве важнейшей характеристики педагогического дизайна вовлеченность обучающихся в учебный процесс.

К числу моделей проектирования образовательного опыта, получивших признание в профессиональном педагогическом сообществе, относят модель ADDIE (Analysis. Design. Development. Implementation. Evaluation), которая была разработана в 1975 г. в национальном университете Флориды (США) и включала пять обязательных этапов [13]:

1. Анализ: изучение обучающей среды и потребностей будущих учащихся.
2. Проектирование: определение учебных целей с опорой на потребности и запрос целевой аудитории, планирование системы оценивания, заданий, подбор материалов и образовательных технологий.
3. Разработка: составление целостной тематической программы.
4. Внедрение: инструктаж ведущих курса, экспертов, преподавателей и слушателей, реализация курса преподавателем.

5. Оценка: формирующая обратная связь на каждом этапе, суммарная обратная связь в конце курса.

В предложенной канадскими исследователями Р. Тамблином и Г. Барроузом модели «The Pebble in the Pond» акцент был сделан на проектировании образовательного продукта, следуя принципу «обучение на основе решения реальных проблем» [14]. Согласно этой модели обучение включает следующие этапы:

- 1) фаза активации имеющихся знаний;
- 2) фаза демонстрации для обучающихся умений и навыков, которыми планируется овладеть;
- 3) фаза применения нового знания;
- 4) фаза интеграции нового знания в контекст знаний и навыков обучающегося.

Наконец, напомним еще одну популярную образовательную модель 4C/ID (four-component instructional design), разработанную профессорами из Нидерландов Е. В. Марриенбоером и П. Киршнером, методическая установка которой также ориентирована на проектирование образовательного опыта, максимально близкого к реальной жизни. Согласно этой модели для эффективного образования студенту недостаточно освоить комплекс знаний и навыков, но важно видеть их системную взаимосвязь и способы практического применения. Авторы выделяют четыре ключевых элемента [15]:

1. Обучающие задания-проблемы, решая которые слушатели овладевают нужными навыками.
2. Сопровождающая информация, необходимая для связи новых знаний с существующей системой знаний обучающегося.
3. Своевременная информация для решения задач во время занятий.
4. Частичная практика для отработки навыков.

Рассмотренные принципы и модели педагогического проектирования образовательного процесса можно применять к обучению любого типа, включая дистанционное или онлайн-обучение.

Разнообразие рассмотренных моделей и уверенность разработчиков в необходимости их внедрения в реальный учебный процесс проблематизировали задачу профессионализации деятельности по проектированию образовательного продукта. Иначе говоря, все более ясной становилась потребность в формировании профессионального поля методической работы. Сформулированы конкретные направления профессиональной деятельности педагогического дизайнера, включая управление профессиональной коммуникацией, редактирование методических материалов, развитие университетских медиа, графический дизайн, управление проектами, командообразование, обучение преподавателей и студентов образовательным технологиям [16]. М. Пацифьеро, описывая функционирование команды преподавателя-эксперта и методиста при подготовке цифрового образовательного продукта, задачи методиста определял следующим образом [17]:

- Подготовка дизайна курса и предоставление помощи в организации онлайн-преподавания.
- Проектный менеджмент и мониторинг этапов развития проекта.
- Контроль качества разработанного педагогического дизайна.

– Помощь преподавателю-эксперту в выборе образовательных инструментов для организации онлайн-обучения.

– Подготовка ресурсов и материалов для обучения (ссылки на подключение, презентации и т. д.).

В 2015 г. С. Миллер и Г. Стейн обратились к группе педагогических дизайнеров онлайн-обучения с просьбой определить решаемые ими профессиональные задачи. Были получены следующие результаты [18]:

– Организация тренингов по образовательным технологиям и онлайн-преподаванию.
– Менеджмент курсов на LMS-платформах, перенос курса на другую платформу при необходимости.

– Разработка онлайн-курсов вместе с экспертами в данной области.

– Создание видео- и мультимедиаконтента.

– Техническая поддержка курса на LMS-платформах.

– Обучение преподавателей эффективным техникам преподавания.

– Поддержка обучающихся на LMS-платформах.

– Контроль качества разработанного курса.

– Помощь преподавателям в разработке системы оценивания.

Как видим, деятельность педагогического дизайнера оказывается одновременно просветительской, нацеленной на обучение и продвижение новых образовательных технологий в преподавании, и организационно-управленческой, нацеленной на стимулирование активности самих преподавателей по разработке и моделированию знания в разнообразных форматах. Неслучайно К. Кэмпбелл и ее коллеги предлагают характеризовать педагогический дизайн как социокультурную деятельность, а педагогических дизайнеров наделяют статусом агентов изменений в межличностных, профессиональных, социальных и институциональных сферах [4].

Интенсивное обсуждение методического аспекта высшего образования привело к созданию компетентностной модели методиста или педагогического дизайнера, в основе которой лежат профессиональные роли и задачи, решаемые методистами. Специалисты семинара EduTech «Педагогический дизайн в условиях Agile» предложили следующий перечень ключевых компетенций, составленный на основе данных, предложенных Ассоциацией по развитию таланта (Association for Talent Development) [19]:

1. Оценка потребностей в обучении. Выбор и анализ целевой аудитории, определение пробелов в знаниях и выявление необходимых образовательных результатов.

2. Выбор подхода к обучению. Анализ педагогической деятельности помогает сформировать понимание того, какое решение необходимо использовать, но оно не всегда должно быть обучающим.

3. Разработка образовательной программы. Умение проектировать для разных форматов (дистанционный, очный, смешанный форматы), разных целевых аудиторий с использованием различных подходящих образовательных инструментов.

4. Разработка учебно-методических материалов. Умение разрабатывать вовлекающие материалы и задания, мотивирующие обучающихся.

5. Взаимодействие со стейкхолдерами. Коммуникация с заказчиком обучения (который часто может быть представлен разными стейкхолдерами), выбор наиболее эффективного

решения, коллаборация и сотрудничество, умение вести переговоры о принятии необходимых решений.

Международный совет по стандартам обучения, приобретенного знания и исполнения (International Board of Standards for Training, Performance and Instruction) с 1986 г. публикует информацию о компетентностной модели педагогического дизайнера, выделяя так называемые основные, продвинутые и руководящие стандарты педагогической деятельности, представляющие собой индикаторы деятельности и поведения на рабочем месте [20]:

Основные компетенции:

1. Эффективная коммуникация в устной, визуальной или письменной формах.
2. Регулярное обновление и улучшение знаний, навыков и понимания педагогического дизайна.
3. Умение в своей работе идентифицировать этические, юридические и политические особенности проектирования и действовать соответственно.
4. Умение определять целевую аудиторию проектирования и ее характеристики.
5. Умение осуществлять выбор и использование инструментов анализа для определения педагогического содержания курса.
6. Анализ характеристик существующих образовательных технологий.
7. Использование соответствующего ситуации педагогического дизайна.
8. Умение организовать педагогический дизайн продукта или курса.
9. Организация педагогического решения.
10. Умение создавать, выбирать и модифицировать педагогические материалы.
11. Разработка педагогических материалов для обучения.
12. Использование технологии больших данных для ревизии существующих обучающих материалов.

Продвинутые компетенции:

1. Умение применять исследовательские методы и теории для проектирования образовательного продукта.
2. Умение применять собранные данные и аналитические инструменты в проектах педагогического дизайна.
3. Умение провести оценку потребностей пользователей и других стейкхолдеров для рекомендации соответствующего решения в области педагогического дизайна.
4. Умение искать и подбирать решения, не связанные с педагогическим дизайном или обучением.
5. Проектирование системы оценивания.
6. Умение характеризовать и оценивать учебные и внеучебные решения.
7. Умение применять и комбинировать учебные и внеучебные решения.
8. Умение планировать и управлять проектами в области педагогического дизайна.

Руководящие компетенции:

1. Умение применять предпринимательское мышление и ориентироваться на запросы рынка при управлении педагогическим дизайном.
2. Управление коммуникацией и процессами коллаборации.

Важнейшим следствием сложносоставного профессионального профиля методиста, его вовлеченности в систему профессиональных отношений со всеми университетскими

акторами – от преподавателя и студента до административных и финансовых служб – становится высокий риск появления проблемных коммуникативных зон. Работа педагогического дизайнера не может избежать, например, сознательного или бессознательного сопротивления слушателей при освоении нового, недоверия или отсутствия навыка диалогической коммуникации. По существу, на педагогического дизайнера неявно возлагается миссия по организации комфортного и безопасного взаимодействия между вовлеченными в учебный процесс сторонами, формированию партнерства. Несоответствие институциональных требований администрации и личных профессиональных желаний преподавателей нередко выражается в общем сопротивлении проектированию или коммуникации.

Нами было проведено исследование, в котором, в частности, проверялась следующая гипотеза: инициированное университетскими методистами обсуждение среди преподавателей новых педагогических практик и новых форматов проектирования вызывает у преподавателей скептическое отношение, недоверие и сопротивление. Преподаватели могут демонстрировать уязвимость в обсуждении новых подходов в образовании.

Объектом эмпирического исследования стала коммуникация участников онлайн-интенсива профессорско-преподавательского состава Университета ИТМО на платформе Zoom. Предметом исследования стали паттерны коммуникативного поведения участников интенсива при обсуждении предложенных методическим сообществом дискуссионных тем.

Методом сбора эмпирических данных стал контент-анализ сообщений, отправленных участниками онлайн-интенсива «Технологии персонифицированного обучения» на платформе конференц-видеосвязи Zoom, проходившего 23–27 августа 2021 г. Первые четыре дня были посвящены отдельным темам построения образовательного процесса, последний день проводился в формате проектной лаборатории, когда участники представляли разработанные командные проекты. Всего в интенсиве приняли участие 180 человек. Единицей анализа выбрано индивидуальное сообщение-высказывание, отправленное в чат платформы участником. Каждый участник мог отправить неограниченное количество сообщений. В организационной части онлайн-интенсива участникам было предложено маркировать свои высказывания с помощью системы хэштегов (#):

#эмоция;
#инсайт;
#лайфхак;
#вопрос;
#help.

Всего было проанализировано 3317 контентных единиц.

Подводя итоги проведенного контент-анализа, отметим структурное и тематическое разнообразие сообщений, представленных в собранном корпусе. Общие результаты исследования можно охарактеризовать следующим образом.

Гипотеза о том, что обсуждение темы новых педагогических практик и подходов вызовет скептическое отношение и недоверие со стороны преподавателей, не получила подтверждения. И хотя были выявлены паттерны недоверия в том, как участники реагировали на сообщения, однако подобные сообщения составляли менее 5 % общего массива на протяжении всех дней. Сообщения, маркированные как сопротивление новой информации, поиск

аргументов «против» или поиск несостоятельности информации, действительно, были обнаружены, хотя, как и в случае с предыдущей гипотезой, нельзя говорить о массовости такого явления. Гипотеза об уязвимости преподавателей (особенно начинающих) при обсуждении новых подходов, проявлением которой признавались отказ от публичного обсуждения собственного педагогического опыта и возникающих проблем, частично получила подтверждение. Вместе с тем именно организационные и коммуникативные действия методистов-организаторов интенсива оказали решающее действие на трансформацию данного паттерна, а именно была сформирована атмосфера доверия и безопасности, участники могли поделиться своим опытом или задать вопросы без осуждения со стороны коллег. Во всем корпусе зафиксированных сообщений коммуникационная конфронтация не была доминирующим форматом. Если же подобные сообщения и появлялись, они почти никогда не были направлены на личность, а относились, скорее, к общей теме, общему контексту, общим проблемам. Исключением можно признать критику личности докладчика, тогда как посты, размещенные участниками чата, не критиковались. Разумеется, на характер коммуникативного взаимодействия между участниками интенсива существенное влияние оказывала закрытость данного сообщества: коммуникация происходила в среде коллег, в большинстве хорошо знакомых друг с другом.

Заключение. Современное образование, основываясь на больших данных и стремясь включить аналитику в проектирование образовательного продукта, остро нуждается в методистах (педагогических дизайнерах), которые смогут верифицировать лучшие педагогические решения и искать способы для их эффективной коммуникации. Рассмотрение деятельности методиста как научного коммуникатора может помочь систематизировать разноуровневые задачи данной деятельности и свести в единую интегрированную модель разные подходы к построению компетентностной модели методической деятельности. Трансляция изменений и построение коммуникации между преподавателями, студентами, администрацией обуславливают высокий запрос на специалистов, владеющих широким спектром инструментов коммуникации. Деятельность методиста – это сложный социокультурный процесс, характеризующийся богатым разнообразием ролей, задач и возможностей для профессиональной самоидентификации, включая умение создавать доступные и понятные обучающие материалы, использовать инструменты популяризации для трансляции изменений и лучших практик доказательной педагогики.

Противоречивость и сложность профессиональных задач, решаемых методистами, становятся факторами потенциальной конфликтной коммуникации в университете. С одной стороны, стремительное развитие сферы образования на всех его уровнях создает разрыв между профессиональным самоопределением и завышенными ожиданиями от деятельности педагогических дизайнеров. С другой стороны, существующий нередко в образовательных организациях разрыв между административными задачами и личными профессиональными целями преподавателей способен спровоцировать у последних чувство неприятия нового. Педагогический дизайнер в этих условиях призван играть деликатную роль агента социальных изменений, который через взаимодействие и коммуникацию способствует глубокой трансформации образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ширинкина Е. В. Проектирование педагогического дизайна образовательной среды университета // Вестн. СПбГИК. 2021. № 1 (46). С. 156–162. DOI 10.30725/2619-0303-2021-1-156-162.
2. Клячко Т. Л. Вызовы профессионального образования. М.: Дело, 2014.
3. «Форсайт компетенций» и «Атлас новых профессий» // Сколково. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/sedec-research-new-jobs/> (дата обращения: 26.05.2022).
4. Campbell K., Schwier R. A., Kenny R. F. The critical, relational practice of instructional design in higher education: An emerging model of change agency // Educational Technology Research and Development. 2009. Vol. 57, iss. 5. P. 645–663. DOI: 10.1007/s11423-007-9061-6.
5. Wagner E. D. Becoming a Learning Designer // Design for Learning. 2021. URL: https://open.byu.edu/id/learning_designer (дата обращения: 26.05.2022).
6. Ren X. The undefined figure: Instructional designers in the open educational resource (OER) movement in higher education // Education and Information Technologies. 2019. Vol. 24, iss. 6. P. 3483–3500. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-019-09940-0>.
7. Rubley J. Instructional designers in higher ed: Changing the course of next-generation learning // Chronicle of Higher Education. 2016. URL: https://interactive.holoniq.com/reports/2016_Instructional%20Designers_v9_Pearson_Interactive%20Final.pdf (дата обращения: 26.05.2022).
8. Reclaiming instructional design / M. D. Merrill, L. Drake, M. J. Lacy, J. Pratt // Educational Technology. 1996. Vol. 36, no. 5. P. 5–7.
9. Briggs L. J., Gustafson K. L., Tillman M. H. Instructional Design, Principles and Application. Englewood Cliffs, NJ: Educational Technology Publications, 1991.
10. Badley G. The theoretical and conceptual bases of instructional design by Richey R.: Review // British J. of Educational Studies. 1988. Vol. 36, no. 1. P. 86–88. DOI: <https://doi.org/10.2307/3121609>.
11. Gagne R. M., Briggs L. J. Principles of instructional design. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1974.
12. Кречетников К. Г. Педагогический дизайн и его значение для развития информационных образовательных технологий. URL: <http://window.edu.ru/resource/930/55930/files/conf05p1.pdf> (дата обращения: 25.06.2022).
13. Interservice procedures for instructional systems development. Executive summary and model / R. K. Branson, G. T. Rayner, J. Lamarr Cox et al. Tallahassee: Florida State Univ., 1975.
14. Merrill D. M. A task-centered instructional strategy // J. of Research on Technology in Education. 2007. Vol. 40, iss. 1. P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/15391523.2007.10782493>.
15. Van Merriënboer J. J. G., Clark R. E., de Croock M. B. M. Blueprints for complex learning: The 4C/ID-model // Educational technology research and development. 2002. Vol. 50, iss. 2. P. 39–61. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02504993>.
16. A review of what instructional designers do: Questions answered and questions not asked / R. Kenny, Z. Zhang, R. Schwier, K. Campbell // Canadian J. of Learning and Technology. 2005. Vol. 31, iss. 1. DOI: <https://doi.org/10.21432/T2JW2P>.
17. Puzziferro M., Shelton K. A model for developing high-quality online courses: Integrating a systems approach with learning theory // J. of Asynchronous Learning Networks. 2008. Vol. 12, iss. 3–4. P. 119–136. DOI:10.24059/olj.v12i3.58.
18. Miller S., Stein G. Finding our voice: Instructional designers in higher education // Educause Rev. 2016. URL: <https://er.educause.edu/articles/2016/2/finding-our-voice-instructional-designers-in-higher-education> (дата обращения: 26.05.2022).
19. Педагогический дизайн в условиях Agile // YouTube. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wtkL76GseH4> (дата обращения: 24.05.2022).
20. Halupa C. Differentiation of Roles: Instructional Designers and Faculty in the Creation of Online Courses // International J. of Higher Education. 2019. Vol. 8, no. 1. P. 55–68. DOI: 10.5430/ijhe.v8n1p55.

Информация об авторах.

Казаринова Надежда Васильевна – кандидат философских наук (1986), доцент (1992), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор и соавтор 7 монографий и более 90 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального знания, межличностная и межгрупповая коммуникация.

Суханова Валерия Александровна – ведущий инженер отдела образовательных технологий Национального исследовательского университета ИТМО, Кронверкский пр., д. 49, Санкт-Петербург, 197101, Россия. Сфера научных интересов: научная коммуникация, педагогический дизайн.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.07.2022; принята после рецензирования 03.09.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Shirinkina, E.V. (2021), "Designing the pedagogical design of the educational environment of the university", *Bulletin of Saint Petersburg State Univ. of Culture*, no. 1 (46), pp. 156–162. DOI: 10.30725/2619-0303-2021-1-156-162.
2. Klyachko, T.L. (2014), *Vyzovy professional'nogo obrazovaniya* [Challenges of professional education], Delo, Moscow, RUS.
3. "Foresight of competencies" and "Atlas of new professions", *Skolkovo*, available at: <https://www.skolkovo.ru/researches/sedec-research-new-jobs/> (accessed 26.05.2022).
4. Campbell, K., Schwier, R.A. and Kenny, R.F. (2009), "The critical, relational practice of instructional design in higher education: An emerging model of change agency", *Educational Technology Research and Development*, vol. 57, iss. 5, pp. 645–663. DOI: 10.1007/s11423-007-9061-6.
5. Wagner, E.D. (2021), "Becoming a Learning Designer", *Design for Learning*, available at: https://open.byu.edu/id/learning_designer (accessed 26.05.2022).
6. Ren X. (2019), "The undefined figure: Instructional designers in the open educational resource (OER) movement in higher education", *Education and Information Technologies*, vol. 24, iss. 6, pp. 3483–3500. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-019-09940-0>.
7. Rubley, J. (2016), "Instructional designers in higher ed: Changing the course of next-generation learning", *Chronicle of Higher Education*, available at: https://interactive.holoniq.com/reports/2016_Instructional%20Designers_v9_Pearson_Interactive%20Final.pdf (accessed 26.05.2022).
8. Merrill, M.D., Drake, L., Lacy, M.J. and Pratt, J. (1996), "Reclaiming instructional design", *Educational Technology*, vol. 36, no. 5, pp. 5–7.
9. Briggs, L.J., Gustafson, K.L. and Tillman, M.H. (1991), *Instructional Design, Principles and Application*, Educational Technology Publications, Englewood Cliffs, NJ, USA.
10. Badley, G. (1988), "The theoretical and conceptual bases of instructional design by Richey R.: Review", *British J. of Educational Studies*, vol. 36, no. 1, pp. 86–88. DOI: <https://doi.org/10.2307/3121609>.
11. Gagne, R.M. and Briggs, L.J. (1974), *Principles of instructional design*, Holt, Rinehart & Winston, NY, USA.
12. Krechetnikov, K.G. (2005), *Pedagogical design and its importance for the development of informational educational technologies*, available at: <http://window.edu.ru/resource/930/55930/files/conf05p1.pdf> (accessed 25.06.2022).
13. Branson, R.K., Rayner, G.T., Lamarr Cox J. et al. (1975), *Interservice procedures for instructional systems development. Executive summary and model*, Florida State Univ., Tallahassee, USA.

14. Merrill, D.M. (2007), "A task-centered instructional strategy", *J. of Research on Technology in Education*, vol. 40, iss. 1, pp. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/15391523.2007.10782493>.
15. Van Merriënboer, J.J.G., Clark, R.E. and de Croock, M.B.M. (2002), "Blueprints for complex learning: The 4C/ID-model", *Educational technology research and development*, vol. 50, iss. 2, pp. 39–61. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02504993>.
16. Kenny, R., Zhang, Z., Schwier, R. and Campbell, K. (2005), "A review of what instructional designers do: Questions answered and questions not asked", *Canadian J. of Learning and Technology*, vol. 31, iss. 1. DOI: <https://doi.org/10.21432/T2JW2P>.
17. Puzziferro, M. and Shelton, K. (2008), "A model for developing high-quality online courses: Integrating a systems approach with learning theory", *J. of Asynchronous Learning Networks*, vol. 12, iss. 3–4, pp. 119–136. DOI:10.24059/olj.v12i3.58.
18. Miller, S. and Stein, G. (2016), "Finding our voice: Instructional designers in higher education", *Educause Review*, available at: <https://er.educause.edu/articles/2016/2/finding-our-voice-instructional-designers-in-higher-education> (accessed 26.05.2022).
19. "Pedagogical Design in the Conditions of Agile" (2020), *YouTube*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=wtkL76GseH4> (accessed 24.05.2022).
20. Halupa, C. (2019), "Differentiation of Roles: Instructional Designers and Faculty in the Creation of Online Courses", *International J. of Higher Education*, vol. 8, no. 1, pp. 55–68. DOI:10.5430/ijhe.v8n1p55.

Information about the authors.

Nadezhda V. Kazarinova – Can. Sci. (Philosophy) (1986), Docent (1992), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author and coauthor of 7 monographs and more than 90 scientific publications. Area of expertise: methodology of social knowledge, interpersonal and intergroup communication.

Valeria A. Sukhanova – Leading Engineer, Department of Educational Technologies, ITMO University, 49 Kronverksky pr., St Petersburg 197101, Russia. Area of expertise: scientific communication, pedagogical design.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.07.2022; adopted after review 03.09.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья

УДК 316.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80>

Ценности студентов различных профилей подготовки в условиях цифровизации общества: результаты эмпирического исследования

Павел Петрович Дерюгин^{1✉}, Олеся Сергеевна Баннова²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²bannova-o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-3286>

Введение. Наступающая цифровизация своеобразно влияет на целенаправленность поведения студентов, обеспечивая переход в новую стадию развития постиндустриального общества. Подвергаются изменениям социальные нормы, ценности и ценностные ориентации, которые формируются в новую группу цифровых ценностей студенчества, по-разному складывающихся у студентов различных профессиональных профилей подготовки. Эти новые явления предполагают поиск новых методологических и методических подходов к проведению эмпирических социологических исследований, поиск актуальных подходов измерения цифровых ценностей студентов различных профилей подготовки, выявления особых характеристик и содержательных признаков этих ценностей.

Методология и источники. Методология исследования формируется как смешанная, на основе положений о ценностях и их специфических формах проявления, в частности, цифровых ценностях (М. Вебер, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, Э. Тоффлер). Цифровое общество – новая перспектива, характер которой противоречиво согласуется с некоторыми принципами традиционного подхода исследования ценностей, сложившимися в теоретических концепциях ранее. Также были использованы концепции современных авторов: М. Tomasello, F. Warneken, R. Hogan, B. W. Roberts, E. F. Zeer, R. Kadakal, Nguyen Hoang Huu.

Результаты и обсуждение. Обобщены методологические подходы к изучению ценностей цифрового общества, раскрыта актуальность системного подхода. Показаны отличия исследования традиционных ценностей и ценностей цифрового общества, в результате анализа которых главной ценностью цифрового общества можно считать накопление человеческого капитала студентами с особыми (цифровыми) характеристиками. В этих условиях студенты гуманитарного направления (журналисты, социологи) чаще определяют для себя как наиболее важные ценности-цели и ценности-результаты, а студенты-программисты – ценности-средства.

Заключение. В исследовании использован системный подход к построению методики диагностики цифровых ценностей, который позволяет выявлять основные ценностные предпочтения студентов различных профилей подготовки. Сделан вывод о том, что студенты различных профилей подготовки по-разному понимают цифровое общество, что предполагает различные методические подходы к изучению и диагностике этих ценностей.

© Дерюгин П. П., Баннова О. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: социодинамика, цифровые ценности, цифровизация, информационное общество

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”»).

Для цитирования: Дерюгин П. П., Баннова О. С. Ценности студентов различных профилей подготовки в условиях цифровизации общества: результаты эмпирического исследования // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 68–80. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80.

Original paper

Students' Values of Various Training Profiles in the Digitalization of Society Context: Results of an Empirical Study

Pavel P. Deryugin^{1✉}, Olesya S. Bannova²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

²*bannova-o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-3286>*

Introduction. The upcoming digitalization has a peculiar effect on the purposefulness of students' behavior, ensuring the transition to a new stage in the development of a post-industrial society. Social norms, values, and value orientations are subject to change. All this is formed into a new group of student digital values, which are shaped differently among students of various professional training profiles. These new phenomena involve the search for new methodological and methodological approaches to conducting empirical sociological research, the search for relevant approaches to measuring the digital values of students of various training profiles, and identifying special characteristics and meaningful features of these values.

Methodology and sources. The research methodology is mixed, and is based on provisions about values and their specific forms of manifestation, particularly digital values (M. Weber, F. Znanetsky, T. Parsons, E. Durkheim, A. Toffler). The digital society is a new perspective, the nature of which is inconsistently consistent with some of the principles of the traditional approach to the study of values that have developed in theoretical concepts earlier. The concepts of modern authors were used, such as M. Tomasello, F. Warneken, R. Hogan, B.W. Roberts, E.F. Zeer, R. Kadakal, and Nguyen Hoang Huu.

Results and discussion. The methodological approaches to the study of the values of the digital society as an object of study are generalized, in particular, the relevance of the system approach. The differences between the study of traditional values and the values of the digital society are shown, as a result of the analysis of which the accumulation of human capital by students with special (digital) characteristics could be considered as a main value of the digital society. Under these conditions, students of the humanitarian direction (journalists, sociologists) more often define for themselves value-goals as the most important values, and programming students define value-means as such.

Conclusion. The study used a systematic approach to building a methodology for diagnosing digital values, which allows identifying the main value preferences of students of various training profiles. It is concluded that students of different training profiles

understand the digital society differently, which implies different methodological approaches to the study and diagnosis of these values.

Keywords: sociodynamics, digital values, digitalization, information society

Source of financing: the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07443 "Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers in accordance with the Decree of the President "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation until 2024").

For citation: Deryugin, P.P. and Bannova, O.S. (2022), "Students' Values of Various Training Profiles in the Digitalization of Society Context: Results of an Empirical Study", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 68–80. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-68-80 (Russia).

Введение. Ценности составляют базовый объект многочисленных социологических исследований, по результатам анализа которых социологи могут судить об обществе в целом, определять тренды развития социума, оценивать его нынешнее состояние и делать заключение о его прошлом [1]. В этом смысле становится актуальным анализ нынешнего исторического этапа, когда информационно-цифровые технологии проникают во все области жизни современного российского общества, формируя новые ценности, ценности новых профессиональных групп и организаций, студентов различных профилей подготовки и социума в целом. Прежде всего под влиянием информатизации и цифровизации возникают новые ценностно-нормативные модели, отражающие особенность современного периода, когда на основе аналитики «big data», методов машинного обучения и искусственного интеллекта происходят революционные изменения в производстве: растет скорость производства, повышается производительность труда, оптимизируются издержки. В социальном отношении такие качественные трансформации, инициируемые формированием цифрового пространства, отражаются на состоянии всех общественных систем, где формируются не только позитивные тренды и тенденции развития общества, но также и множество коллизий и конфликтов во всех элементах социальной структуры и социальных институтов общества.

Становление информационного общества неизменно связывается с цифровыми технологиями, которые в свою очередь предполагают появление и развитие особых ценностей. В значительной степени эти ценности носят рациональный характер. По оценкам специалистов развитие технических и технологических возможностей затрагивает не только производственную сферу общества, но неизбежно – самые основания и конфигурацию ценностей. В таком ключе рассматривается трансформация ценностей в новом информационном мире, а именно ценностей студентов различных профилей подготовки.

Естественно, что информационное общество возникает и развивается на основании тех ценностей, которые нехарактерны для традиционного общества. Можно говорить, что информационное общество формирует иную, новую техногенную цивилизацию, строится на совершенно новых социальных и коммуникативных практиках, создавая особую социальную среду, окружая человека такими ценностями и такими ориентациями, которые с трудом воспринимаются в современных условиях. Прежде всего интенсивно изменяются все сферы и уровни образования, в которых ценности складываются на основе интеллектуальных систем и цифровых технологий. Уже становится очевидным: технические и технологические

основания цифровой цивилизации связываются не столько с самой наукой, сколько с готовностью общества воспринимать новые ценностные порядки и встраиваться в новые глобальные контуры информационного общества.

Цель работы – теоретическая концептуализация подходов к измерению цифровых ценностей студентов различных профессиональных ориентаций, сложившихся под влиянием цифровизации, и выявление основного содержания и особенностей социодинамики этих цифровых ценностей.

Методология и источники. Интересы эмпирического исследования изучения цифровых ценностей студентов различных профессиональных групп предполагали методологическую базу, основанную на принципах интегративной парадигмы. Основными позициями, на основании которых осуществлялось исследование, стали идеи и положения, позволившие сформировать научную платформу диагностической процедуры:

- ценности рассматриваются как источник всякой деятельности человека [2];
- осознание личностью базисных экзистенциальных потребностей побуждает к самоактуализации внутренних импульсов и мотивов личности, благодаря чему неизбежно формируются векторы внешней самореализации, складывающиеся в решения и выбор стратегии этой самореализации в самых разнообразных сферах деятельности [3];
- экзистенциальные смыслы ценностей неизбежно проявляются и реализуются в социуме, актуализируя различные грани социальной направленности – коммуникации, групповую деятельность, самоутверждение и множество других социальных феноменов. Всякая самореализация личности непременно включена в социокультурный контекст и выражает социальные смыслы и социальные интересы [4];
- ценности как социально-объективные идеалы рассматриваются в качестве ключевой основы взаимодействия личности и общества [4–7];
- человек влияет на направление развития техники в соответствии не только с экономическими и социальными потребностями, но и социальными ценностными ориентирами [8];
- используются общие подходы к классификации ценностей Д. С. Леденцова, В. А. Барыдаевой и С. О. Елишева [9, 10, 1], классификация личностных ценностей Е. Г. Кузнецовой, В. А. Маровой [11, 12];
- ценности влияют как на выбор, так и на связанное с ними поведение [13];
- ценности – продукт мотивационного и культурно-когнитивного процесса [14].

В западных исследованиях ценности рассматриваются как часть более широкого процесса социального взаимодействия. М. Tomasello исследует ценности как продукт мотивационного и культурно-когнитивного процесса [14]. Группы людей могут создавать уникальные социальные механизмы для роста и сохранения профессиональной мотивации. Например, ценности лидерства и сотрудничества помогают в решении проблем социальной координации [15]. Согласно R. Hogan и B. Roberts развитые коммуникационные навыки помогают социальной адаптации, что делает коммуникационные качества человека важными в структуре цифровых ценностей [16].

По мнению Э. Ф. Зеера, анализ личности специалиста той или иной профессии, его отношения к миру невозможен без изучения системы их ценностных ориентаций как центральных личностных образований [17]. Ценностные ориентации выражают сознательное

отношение человека к социальной действительности и конкретизируют мотивацию поведения, существенно влияющую на все аспекты профессиональной деятельности. Структура ценностных ориентаций личности, сочетание и степень предпочтения других ценностей позволяют определить цели, на достижение которых направлена профессиональная деятельность человека [18].

Подытоживая результаты анализа, определение понятия «ценности» можно выразить следующим образом. Ценности – это любые факты материальной или духовной природы (цели, средства, результаты), имеющие важное и актуальное – ценное значение, играющие решающую роль при выборе альтернатив и определяющие поведение и деятельность личности и общества [5]. На уровне личности ценности являются системным образованием, которое выражается в установках, убеждениях и ориентациях. На уровне общества и его социальных институтов ценности проявляются в виде норм, принципов и правил, ориентирующих направленность и характер развития социума. Стратегическими направлениями формирования ценностей выступают знания в совокупности с практическим опытом [19].

Обобщая приведенные выше представления о видах и типах ценностей, можно объединить упомянутые классификации и по функциональному значению разделить ценности на три основные группы: цель (К. Клахон) – средство (М. Рокич) – результат (В. П. Бранский) [20].

Э. Э. Тоффлер в своих трудах отмечает, что переход общества к индустриализации влечет за собой новые ценности, отношения, институты [8]. Человек влияет на направление развития техники в соответствии не только с экономическими и социальными потребностями, но и социальными ценностными ориентирами. Происходят изменения в обществе, возникшие вследствие технического развития и соответствующих изменений в техносфере: творческие и интеллектуальные возможности становятся главной ценностью, приходя на смену материальным и вещественным. Именно ценности являются ядром важнейших направляющих компонентов политической, экономической, социальной, технической и информационной сфер деятельности.

На наш взгляд, для интересов системного подхода в изучении цифровых ценностей студентов различных профилей подготовки наиболее продуктивной можно считать теоретическую рамку, где ценности определяются по предмету или содержанию объектов, на которые они направлены [21]: социальные, политические, моральные, экономические, материальные, а также ценности в зависимости от направленности на личностное развитие [22, 23].

Такой подход дает возможность представить цифровые ценности студентов различных профилей подготовки всесторонне: как материальное и духовное явление, как социальную норму и установки личности. Ценность может раскрывать ее «значимость» для осуществления выбора из совокупности альтернатив, а также выделить некоторую структуру, отражающую специфику человеческой деятельности в качестве классификатора ценностей.

Исследование проводилось в феврале 2022 г. Выборка – студенты: журналисты, социологи и программисты. Всего в опросе приняли участие 400 чел. – представителей гуманитарных специальностей: журналистов – 105 чел., социологов – 30 чел.; представителей технических дисциплин, программистов, – 265 чел. Важно отметить, что развитие цифровых технологий и цифровых компетенций как актуальная потребность в зафиксированной выборке отмечена как значимая для программистов, а результат цифровой деятельности,

выраженной в цифровом продукте, значим для студентов гуманитарного направления. Студенты-программисты больше вовлечены в цифровые процессы и являются производителями цифровых продуктов, в то время как студенты-журналисты и социологи являются их потребителями.

Стратегия эмпирического исследования выявления цифровых ценностей студентов различных профилей подготовки основывалась на количественном методе – онлайн-опросе: респондентам необходимо было выразить мнение о цифровых ценностях современного общества. Ответ на вопрос позволял оценивать представления респондентов различных профессиональных ориентаций об изменениях в обществе с наступлением цифровизации, их личных предпочтениях и новых ценностях.

По аналогии с классификацией ценностей в методике М. Рокича и В. П. Бранского цифровые ценности в настоящем случае классифицировались на три группы: ценности-цели (такие представления о своих цифровых ценностях, которые раскрывают их смысловые характеристики), ценности-средства (позволяющие на уровне технологий и методов достигать этих целей) и ценности-результаты [20].

Цифровая трансформация прежде всего – это трансформация осведомленности, т. е. понимание происходящих изменений, компетентность, эрудиция, ориентированность, информированность, определенные знания и навыки, подготовленность и цифровая грамотность. Общая модель «цифрового общества» включает в себя такие компоненты, как «цифровая экономика», «цифровая политика», «цифровая культура» и «цифровая личность» [24].

В результате эмпирического исследования цифровые ценности выстроились в шесть подгрупп в зависимости от направленности: социальные, политические, моральные, экономические, материальные, личностные. Такая классификационная модель объединяет в себе несколько различных классификаций, отразившихся ранее в трудах Э. Шпрангера, Д. А. Леонтьева, Г. Выжлецова, В. П. Тугаринова, Э. Э. Тоффлера [8, 21–23, 25].

Результаты и обсуждение. Результаты исследования в целом нашли ряд научных подтверждений в публикациях других авторов по проблемам измерения цифровых ценностей студентов различных профилей подготовки в условиях становления информационного общества. Ниже представлены наиболее значимые результаты и характеристики цифровых ценностей студенчества в цифровом обществе.

Результат 1. Осознание студентами достоинств и преимуществ цифровизации, которые ложатся в основу ценностных ориентиров, отражает их основательную включенность в трансформацию социокультурной реальности. В настоящем исследовании большинство респондентов (58 %) имеют представление о наступающей цифровизации (табл. 1).

Таблица 1. Понимание студентами цифровых ценностей
Table 1. Students' understanding of digital values

Измеряемые индикаторы	Социологи	Журналисты	Программисты	Всего
Имеют представление о цифровых ценностях	74	46	52	58
Смешанное представление о цифровых ценностях	23	30	26	26
Не имеют представления о цифровых ценностях	3	24	22	16

При этом только 16 % респондентов указывают на важность традиционных ценностей, которые, безусловно, являются актуальными, однако не отражают тренды меняющегося мира.

Статистический анализ ответов респондентов позволяет сделать некоторые выводы о трендах формирования цифровых ценностей студентов в информационном обществе (табл. 2).

Таблица 2. Представления респондентов о ценностях цифрового общества
Table 2. Respondents' perceptions of the values of the digital society

№ п/п	Наименование ценности цифрового общества	Количество респондентов, указавших данную ценность
1	Доступность информации	171
2	Коммуникация с помощью сети Интернет	82
3	Криптовалюты, NFT	73
4	Цифровые продукты	69
5	Цифровая грамотность	67
6	Безопасность цифровой среды	58
7	Цифровая этика, вежливость и взаимоуважение в сети	49
8	Быстрый обмен информацией	48
9	Свобода в сети	46
10	Развитие технологий	44
11	Возможность дистанционной работы и учебы	44
12	Автоматизация и оптимизация деятельности, социальная мобильность	42
13	Конфиденциальность и анонимность в сети	41
14	Навыки работы с информацией	40
15	Способность к быстрой адаптации	40
16	Гибкость мышления	33
17	Необходимость в защите персональных данных и интеллектуальной собственности	32
18	Критическое мышление	27
19	Доступ к технологиям и продуктам	26
20	Творчество	24
21	Способность обучаться новому	23
22	Комфорт и высокое качество жизни	23
23	Сохранение индивидуальности в цифровой среде	22
24	Ответственность	20
25	Популярность в социальных сетях	16
26	Клиентоориентированность цифровых услуг/продуктов	16
27	Интерес к ИКТ	15
28	Навык быстро принимать решения	13
29	Принятие решений, основанных на данных	10
30	Лояльность к другим социальным группам	7

Главной ценностью цифрового общества студенты считают информацию как ключевой фактор накопления человеческого капитала. При этом значимыми критериями являются ее открытость и доступность. Для студентов-программистов навыки работы с информацией являются наиболее значимыми (ценности-средства), для журналистов преимуществом является достоверная, качественная информация (ценности-цели).

Ориентация на знания, цифровая грамотность, межсетевое взаимодействие в киберпространстве, цифровые продукты, трансформация социальных отношений – все эти перемены

являются глобальными по охвату и разнообразными по формам проявления и содержанию. Важно заметить, что современные студенты не называют важности развития коммуникативных навыков, при этом выделяют в категории «ценности-цели» сетевую коммуникацию. Виртуальное пространство в цифровом обществе делает взаимодействие «более свободным», чем когда-либо. Как отмечают многие респонденты, современные люди на пути трансформации чувствуют себя более одинокими, уставшими и более напряженными, несмотря на многообразие общения, удобство связи и открытость. С другой стороны, именно удобство и простота социального взаимодействия в виртуальной среде «упрощают» традиционные ценности, такие как дружба, семья и др.

Студенты-журналисты делают акцент на необходимости контроля цифровой среды и улучшении практик кибербезопасности. Кроме того, они отмечают важность расширения экономических связей и производственных возможностей, обеспечения устойчивости digital-среды, которая улучшает качество взаимоотношений в социуме.

В отличие от студентов гуманитарного направления, для студентов-программистов ценностями являются интерес к ИКТ, информация и знания, хранящиеся в сети. Отмечается важность в цифровом обществе таких качеств, как развитие эмоционального интеллекта, вежливость и доброжелательность в цифровом пространстве, стремление к лидерству, рисковость, открытость новому, многозадачность, высокая концентрация, смелость и любознательность.

Результат 2. Студенты гуманитарного направления чаще называют ценности-цели и ценности-результаты, программисты – ценности-средства. Цифровые ценности студентов-гуманитариев и студентов-программистов в самых различных сферах деятельности складывались с некоторыми особенностями.

Прежде всего существенным стало увеличение инструментальных ценностей студентов-программистов. Как отмечали сами респонденты, с ростом скорости обмена данными появляется необходимость в знаниях и методах работы с информацией. В значительной степени интенсивное освоение новых цифровых технологий и компьютерная грамотность являются вынужденной мерой, без которой не обойтись в цифровом мире.

Таблица 3. Динамика цифровых ценностей студентов по функциональному значению
Table 3. Dynamics of digital values of students by functional value

Измеряемые индикаторы	Социологи	Журналисты	Программисты	Всего
Ценности-цели	56	135	353	544
Ценности-средства	47	74	354	475
Ценности-результаты	22	86	211	319

Несмотря на то, что студенты-программисты являются производителями цифровых продуктов, для них значим не столько результат их деятельности в цифровом обществе, сколько сам процесс разработки продукта. На этом фоне значительное увеличение ценностей-средств среди студентов технического направления указывает на их большую вовлеченность и осведомленность о цифровизации.

Результат 3. В условиях развития цифровых технологий, связанных с характеристиками жизни и деятельности студентов, цифровые ценности будут затрагивать такие сферы направленности, как политическая, материальная и личностная.

Вся совокупность цифровых ценностей (цели, средства, результаты) по своей направленности делилась на шесть групп, показанных в табл. 4. Каждая группа включала набор ценностей, которые реализовывались в данном направлении.

Таблица 4. Социодинамика направленности ценностей в зависимости от содержательных характеристик
Table 4. Sociodynamics of the orientation of values depending on the content characteristics

Сфера направленности ценностей	Социологи	Журналисты	Программисты	Всего
Политическая	34	69	244	347
Экономическая	8	25	49	82
Моральная	7	17	31	55
Социальная	14	36	126	176
Материальная	45	89	255	389
Личностная	26	59	211	296

Наиболее часто цифровые ценности проявляются в материальной сфере. Студенты отмечают, что результатом успешного цифрового общества являются высокотехнологичные продукты, NFT, криптовалюты, цифровые активы, виртуальные кошельки.

Цифровые ценности, направленные на политическую сферу, связаны с обеспечением прав человека в регулируемом цифровом пространстве, гражданских прав и с характером политического режима. С одной стороны, технологии и цифровые медиа внесли важные изменения во многие основные ценности свободы, справедливости, демократии, социальной солидарности, социального обеспечения. Цифровое общество создает комфортную, новую современную жизнь, однако угрожает самым элементарным правам и безопасности самих себя. В связи с ростом высокотехнологичной преступности появляется необходимость в кибербезопасности и сохранении конфиденциальности информации.

Наименьший интерес для студентов представляет моральная направленность цифровых ценностей. Несмотря на это, студенты-программисты говорят о важности сохранения традиционных моральных норм, которые подвергаются значительным изменениям в виртуальной среде, где фактическая «обезличенность» пользователя дает свободу действий и выражений. Они отмечают, что крайне важно формировать экологичное цифровое пространство, основываясь на новой, так называемой «цифровой», этике, а также формировать чувства ответственности и взаимоуважения.

Заключение. Обобщающие выводы исследования следующие:

1. Представление о цифровых ценностях студентов различных профилей подготовки как объект социологического исследования предполагает выявление существенных изменений и предпочтений в политической, экономической, социальной, моральной, материальной и личностной направленностях. Ценности цифрового общества – тема, которая имеет большую привлекательность в исследованиях и является относительно новым вопросом как в восприятии, так и в практике ученых по всему миру. Стремительные социальные изменения затронули все сферы жизни людей и с трудом поддаются описанию в рамках существующих социологических теорий.

2. Измерение цифровых ценностей студентов различных профилей подготовки основывается на диагностике таких индикаторов, которые фиксируют изменения в освоении цифровых технологий, характер направленности и интенсивности происходящих изменений, особенности социальных изменений, характер и степень включенности студентов в цифровое

общество, их цифровую компетентность. Большинство студентов различных профилей подготовки имеют представления о наступающей цифровизации, кроме того, студенты гуманитарного направления чаще называют ценности-цели и ценности-результаты, программисты – ценности-средства.

3. Цифровое общество создает новые качественные изменения в системе социальных ценностей, социальной культуре и этике, появляются новые тенденции: социальная коммуникация, социальное взаимодействие и среда обитания приобретают статус виртуальных. Для эффективного взаимодействия в цифровой среде студенты различных профилей подготовки должны обладать цифровой грамотностью и пониманием цифровой трансформации, иметь представления о построении цифрового общества и обладать высокой адаптивностью к нему. Также необходимо практиковать новые стандарты и принципы поведения в цифровой среде.

Опыт социологического изучения цифровых ценностей студентов различных профилей подготовки подтвердил свою актуальность и целесообразность. Результаты использования количественного метода, анализ результатов исследования и обобщения данных о направленности цифровых ценностей позволяют охарактеризовать социальные изменения нового времени и показать уникальные особенности формирования ценностных предпочтений студентов различных профилей подготовки респондентов – в нашем случае студентов гуманитарного (социологи, журналисты) и технического (программисты) направлений. В настоящем исследовании предпринята попытка обозначить цифровые ценности и выявить особенности их формирования у специалистов различных профилей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елишев С. О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 82–96.
2. Кокоева Р. Т. Экзистенциальная ценность в ее социологическом аспекте // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. Т. 18, № 7. С. 165–166.
3. Ялом И. Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы / пер. с англ. А. Б. Фенько. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
4. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения: пер. с фр. А. Б. Гофмана // Социол. исслед. 1991. № 2. С. 106–114.
5. Integration of human and social capital: the experience of Russian, Chinese and European corporations / P. Deriugin, O. Yarmak, E. Strashko et al. // SHS Web of Conferences. 2022. Vol. 134: 00140. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400140>.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. И. Бакштейн, Г. Беляевой, Л. Седова и др. М.: Академический Проект, 2000.
7. Ярина Е. В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Ученые записки Орлов. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 160–162.
8. Toffler A. The Third Wave. NY: William Morrow, 1980.
9. Леденцов Д. С. Классификация ценностей // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2007. № 1 (29). С. 229–230.
10. Барьядаева В. А. К вопросу о ценностях и их классификации // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 6. С. 84–88.
11. Кузнецова Е. Г. Личностные ценности: понятие, подходы к классификации // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2010. № 10 (116). С. 20–24.

12. Марова В. А. Личностные ценности: понятия, подходы к классификации // Вопросы науки и образования. 2018. № 8 (20). С. 178–181.
13. Bardi A., Schwartz S. H. Values and behavior: Strength and structure of relations // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29, iss. 10. P. 1207–1220. DOI: 10.1177/0146167203254602.
14. Tomasello M. Origins of human communication. Cambridge: MIT Press, 2008.
15. Warneken F., Tomasello M. Helping and cooperation at 14 months of age // Infancy. 2007. Vol. 11, iss. 3. P. 271–294. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1532-7078.2007.tb00227.x>.
16. Hogan R., Roberts B. W. A socio analytic perspective on person-environment interaction // Person-environment psychology: new directions and perspectives, in W. B. Walsh, K. H. Craik, R. H. Price (eds.). NY: Psychology Press, 2000. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410605771>.
17. Зеер Э. Ф., Павлова А. М. Психология профессионального образования: практикум. М.: Академия, 2008.
18. Kadakal R. Truth, Fact, and Value: Recovering Normative Foundations for Sociology // Society. 2013. Vol. 50. P. 592–597. DOI: 10.1007/s12115-013-9716-3.
19. Рассказов С. В., Рассказова А. Н., Дерюгин П. П. Корпоративное управление. М: ИНФРА-М, 2020. DOI: 10.12737/1022769.
20. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
21. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
22. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопр. филос. 1996. № 4. С. 15–26.
23. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 55–60.
24. Nguyen Hoang Huu. "Digital Society": History, Nature, Overall Model, Problems In Leadership, Management and Study on Vietnamese Society Today. URL: <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2021.pdf> (дата обращения: 16.03.2022).
25. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Баннова Олеся Сергеевна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.03.2022; принята после рецензирования 28.04.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.*

REFERENCES

1. Elishev, S.O. (2011), "The study of the concepts of "value", "value orientations" in the interdisciplinary aspect", *Values and meanings*, no. 2 (11), pp. 82–96.

2. Kokoeva, R.T. (2016), "Existential value in its sociological aspect", *Health and education millennium*, vol. 18, no. 7, pp. 165–166.
3. Yalom, I. (2001), *Love's executioner and Other Tales of Psychotherapy*, Transl. by Fen'ko, A.B., Nezavisimaya firma "Klass", Moscow, RUS.
4. Durkheim, E. (1991), "Value and "real judgments"", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 106–114.
5. Deriugin, P., Yarmak, O., Strashko, E., Kamyshina, E. and Bannova, O. (2022), "Integration of human and social capital: the experience of Russian, Chinese and European corporations", *SHS Web of Conferences*, vol. 134: 00140. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400140>.
6. Parsons, T. (2000), *Structura of Social Action*, Transl. by Bakshtein, I., Belyaeva, G., Sedov, L. et al., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
7. Yarina, E.V. (2014), "Theoretical analysis of "values" and "valuable orientations" concepts", *Scientific notes of Orel State Univ.*, vol. 5, no. 61, pp. 160–162.
8. Toffler, A. (1980), *The Third Wave*, William Morrow, NY, USA.
9. Ledentsov, D.S. (2007), "Classification of values", *Proceedings of Irkutsk State Technical Univ.*, no. 1 (29), pp. 229–230.
10. Baryadaeva, V.A. (2009), "On the issue of values and their classification", *Bulletin of BSU*, no. 6, pp. 84–88.
11. Kuznetsova, E.G. (2010), "Personal values: concept, approaches to the classification", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 10 (116), pp. 20–24.
12. Marova, V.A. (2018), "Personal values: concepts, approaches to classification", *Problems of Science and Education*, no. 8 (20), pp. 178–181.
13. Bardi, A. and Schwartz, S.H. (2003), "Values and behavior: Strength and structure of relations", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 29, iss. 10, pp. 1207–1220. DOI: 10.1177/0146167203254602.
14. Tomasello, M. (2008), *Origins of human communication*, MIT Press, Cambridge, USA.
15. Warneken, F. and Tomasello, M. (2007), "Helping and cooperation at 14 months of age", *Infancy*, vol. 11, iss. 3, pp. 271–294. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1532-7078.2007.tb00227.x>.
16. Hogan, R. and Roberts, B.W. (2000), "A socio analytic perspective on person-environment interaction", *Person-environment psychology: new directions and perspectives*, in Walsh, W.B., Craik, K.H. and Price, R.H. (eds.), Psychology Press, NY, USA, pp. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410605771>.
17. Zeer, E.F. and Pavlova, A.M., (2008), *Psikhologiya professional'nogo obrazovaniya: praktikum* [Psychology of vocational education: practical work], Moscow, Academy, RUS.
18. Kadakal, R. (2013), "Truth, Fact, and Value: Recovering Normative Foundations for Sociology", *Society*, vol. 50, pp. 592–597. DOI: 10.1007/s12115-013-9716-3.
19. Rasskazov, S.V., Rasskazova, A.N. and Deryugin, P.P. (2020), *Korporativnoe upravlenie* [Corporate governance], INFRA-M, Moscow, RUS. DOI: 10.12737/1022769.
20. Rokich, M. (1973), "The Nature of Human Values", *Svobodnaya pressa* [Free Press], no. 5, pp. 20–28.
21. Tugarinov, V.P. (1968), *Teoriya tsennostei v marksizme* [Theory of values in Marxism], Izd-vo LGU, Leningrad, USSR.
22. Leont'ev, D.A. (1996), "Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction", *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 15–26.
23. Spranger, E. (1982), "Lebensformen", *Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Psychology of personality. Texts], in Gippenreiter, Yu.B. and Puzirea, A.A. (eds.), Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 55–60.
24. Nguyen Hoang Huu (2021), "Digital Society": History, Nature, Overall Model, Problems In Leadership, Management and Study on Vietnamese Society Today", available at: <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2021.pdf> (accessed 16.03.2022).
25. Vyzhletsov, G.P. (1996), *Aksiologiya kul'tury* [Axiology of culture], Izd-vo SPb. un-ta, SPb., RUS.

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology) (2002), Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Olesya S. Bannova – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.03.2022; adopted after review 28.04.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья
УДК 32.019.51; 316.775.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-81-90>

Искусственный интеллект как стратегический компонент технологического суверенитета

Алексей Юрьевич Колянов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
aikolianov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>*

Введение. В статье рассматриваются научные, политические и социальные направления развития технологий с использованием искусственного интеллекта в контексте глобальной цифровой гонки на фоне общемирового кризиса. Анализируются стратегии достижения технологического суверенитета, взятые на вооружение крупнейшими странами мира, а также место и роль искусственного разума в этих стратегиях. Отдельное внимание уделено анализу статистических показателей достижений государств – мировых лидеров в области цифровых технологий, в частности, в сфере искусственного интеллекта. Исследуются также научные, политико-экономические, нормативные и социальные ресурсы Российской Федерации, позволяющие стране войти в число глобальных лидеров цифрового и технологического развития.

Методология и источники. Теоретико-методологическими основаниями работы послужили классические социально-экономические концепции технологического и инновационного развития (К. Маркс, Т. Веблейн, Й. Шумпетер и др.). В практической части исследования использовались анализ документов (докладов Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации и Центра компетенции НТИ «Искусственный интеллект» МФТИ, аналитических статей Российского совета по международным делам, исследовательских компаний Oxford Insights, Tortoise и др.) и сравнительный анализ статистических данных из открытых источников. Эмпирическую базу составили данные анализа опыта Китая, США, Индии и Российской Федерации по разработке собственных стратегий развития технологий искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждение. В результате исследования нам удалось проследить, каким образом активные действия стран – крупнейших мировых лидеров в концептуализации шагов по развитию искусственного разума отражаются на конструировании технологического суверенитета государства. Проведенный анализ позволил описать российскую модель поддержки развития технологий с использованием искусственного интеллекта как «московский консенсус», характеризующийся социальной направленностью результатов.

Заключение. В структуре технологического суверенитета искусственный интеллект играет важную роль как стратегический компонент, способствующий достижению цифрового суверенитета. В обозримой перспективе очевидно критическое влияние зависимости научно-технического развития России от импортных решений и прочих внешних факторов, что требует тщательной экспертизы ситуации и публичного обсуждения любых действий по переходу российской промышленности к Индустрии 4.0. При этом важно осознание того, что перспективы технологий с использованием ИИ туманны без политических решений и финансовой поддержки.

© Колянов А. Ю., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологический суверенитет, цифровой суверенитет, информационные технологии, Индустрия 4.0

Для цитирования: Колянов А. Ю. Искусственный интеллект как стратегический компонент технологического суверенитета // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 81–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-81-90.

Original paper

Artificial Intelligence as a Strategic Component of Technological Sovereignty

Alexey Yu. Kolianov

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
aikolianov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>*

Introduction. The article analyzes the scientific, political and social directions of technology development using artificial intelligence in the context of the global digital race. The strategies for achieving technological sovereignty, adopted by the largest countries of the world, and the place and role of artificial intelligence in them are analyzed. Special attention is paid to the analysis of statistical indicators of the achievements of the world's leading states in the field of digital technologies. The scientific, political, economic, regulatory and social resources of the Russian Federation are also being explored, allowing them to become one of the global leaders in digital and technological development.

Methodology and sources. The theoretical and methodological base of the study were the classical socio-economic concepts of technological and innovative development (K. Marx, T. Veblein, J. Schumpeter etc.). In the practical part of the study, we used such methods as analysis of documents (reports of the Analytical Center for the Government of the Russian Federation and the Competence Center of the NTI "Artificial Intelligence" of the Moscow Institute of Physics and Technology, analytics from the the Russian International Affairs Council, Oxford Insights, Tortoise etc.) and comparative analysis. The empirical base was data from an analysis of the experience of China, the United States, India and the Russian Federation in developing their own strategies for the development of artificial intelligence technologies.

Results and discussion. As a result of the study, we were able to trace how the active actions of the world's largest countries in the conceptualization of steps to develop artificial intelligence are reflected in the construction of the state's technological sovereignty. The analysis made it possible to describe the Russian model of supporting the development of technologies using artificial intelligence as a "Moscow consensus", characterized by a social orientation of the results.

Conclusion. In the structure of technological sovereignty, artificial intelligence plays an important role as a strategic component that contributes to the achievement of digital sovereignty. In the foreseeable future, the critical impact of the dependence of Russia's scientific and technological development on imported solutions and other external factors is obvious, which requires a thorough examination of the situation and a public discussion of any actions for the transition of Russian industry to Industry 4.0. At the same time, it is important to realize that the prospects for technologies using AI are vague without political decisions and financial support.

Keywords: artificial intelligence, technological sovereignty, digital sovereignty, information technology, industry 4.0

For citation: Kolianov, A.Yu. (2022), "Artificial Intelligence as a Strategic Component of Technological Sovereignty", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 81–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-81-90 (Russia).

Введение. Ускорение развития цифровых технологий в границах национальных государств является симптомом распада складывавшейся десятилетиями международной системы научных, политических и экономических отношений. Глобальный мир вступает в период очередного «осевого времени», которое Карл Ясперс понимал как этап смены предшествующих мифоцентричных форм сознания рациональным и философским мышлением [1, с. 32]. В условиях чередующихся политико-экономических кризисов для руководства мировых государств приоритетными становятся установки на обеспечение экономической стабильности, которую связывают в том числе с достижением самодостаточности в отдельных областях науки и промышленности. Одним из признаков желаемого уровня стабильности является технологический суверенитет, демонстрирующий способность государства и общества справляться с давлением извне, осуществляемым с помощью цифровых и информационных ресурсов, а также отсечением от мировых рынков и последующим разрывом логистических цепочек, сложившихся в процессе глобализации.

Концепт технологического суверенитета в узком смысле понимается в связи с аппаратными ресурсами, однако представление этого понятия как более широкого, включающего весь спектр информационно-коммуникативных технологий, представляется более уместным. При этом технологическая независимость рассматривается не как изоляция от внешнего мира, а как шаг к обретению полноценной субъектности самостоятельного игрока в диалоге с себе подобными. Важность технологического суверенитета подчеркивал в июне 2021 г. на встрече с молодыми предпринимателями президент России Владимир Путин, говоря о четырех составляющих суверенитета: военно-политической, экономической, технологической и общественной [2].

Ставка на технологии с использованием искусственного интеллекта (ИИ) стратегически значима для развитых государств и транснациональных корпораций, занимающих лидирующие позиции в мире по уровню научно-технологического развития, поскольку в реалиях постиндустриального общества искусственный разум позволяет анализировать гигантские массивы информации, а также высвобождать и переориентировать человеческие ресурсы, вовлеченные в рутинную деятельность. Согласно некоторым оценкам, использование ИИ позволяет повысить скорость, качество и другие показатели деятельности организации в 5–6 раз [3, с. 157]. Об экономических масштабах вовлечения общемировой науки и бизнеса всего мира в развитие этой технологии свидетельствуют среднегодовые темпы прироста венчурных инвестиций, связанных с искусственным интеллектом, которые в период с 2012 по 2020 г. составляли 51 %. Анализ экономических данных показывает, что как в указанный период, так и в настоящее время по числу инвестиций в развитие технологий ИИ с большим отрывом лидируют США и Китай. Последний, в частности, в 2010-е гг. ежегодно увеличивал размеры инвестиций на 91 % [4]. США в 2021 г. возглавили Government AI Readiness Index, ежегодно составляемый исследовательской компанией Oxford Insights по трем критериям, включающим готовность государства поддерживать развитие ИИ, уровень развития технологического сектора, а также качество информации и инфраструктуры. Помимо США в десятку лидеров данного рейтинга входят Сингапур, Великобритания,

Финляндия, Нидерланды, Швеция, Канада, Германия, Дания и Южная Корея. Российская Федерация находится в этом списке на 38-м месте, между Латвией и Словакией [5]. США, Китай и Великобритания возглавили также The Global AI Index компании Tortoise. В этом рейтинге данные 62-х государств систематизированы по трем аналитическим блокам: инвестиции, инновации и внедрение. Россия занимает в этом списке 32-ю позицию, после Италии и Новой Зеландии [6].

В Российской Федерации первые шаги по концептуализации стратегии развития технологий с использованием ИИ были предприняты даже раньше, чем в некоторых развитых странах. Так, национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. была принята в 2019 г., а кодекс этики ИИ появился в 2021 г., когда на мировом уровне ЮНЕСКО только подготовила общее видение этического регулирования использования данной технологии. Пандемия и мировой геополитический кризис 2022 г. внесли существенные коррективы в темпы систематизации общих усилий государства, науки, бизнеса и общества по обсуждению, разработке и внедрению цифровых технологий. Особенно актуально объединение общих усилий выглядит на фоне принятого руководством российского государства курса на суверенизацию различных сфер деятельности общества и, в частности, достижение технологического суверенитета. В этом свете развитие технологий с использованием ИИ является стратегически значимой, если не ключевой задачей. Однако необходима аналитическая оценка готовности России к созданию и внедрению собственных технологий ИИ. Можно констатировать наличие политического, экономического и научно-образовательного потенциала при наличии проблем структурного характера и межинституционального взаимодействия. Все это требует тщательной экспертизы ситуации и публичного обсуждения любых действий по переходу российской промышленности к Индустрии 4.0.

Методология и источники. Концепция технологического суверенитета получила распространение во второй половине XX в., однако предпосылки ее появления стоит искать в классических теоретико-методологических установках социально-экономических наук и, в частности, в технологическом детерминизме, в рамках которого сложилось представление о технологии как о специфическом способе восприятия окружающего мира и взаимодействия с ним. Истоки технологического детерминизма лежат в идеях Карла Маркса, утверждавшего, что технологии, изменяясь, преобразуют производство, а это в свою очередь играет решающую роль в формировании новых типов общественных отношений. Последние, таким образом, определяются технологической и материальной базой конкретного социума [7, р. 146].

Собственно, понятие «технологический детерминизм» возникло в работах американского социолога Торстейна Веблена в 1920-е гг. Появлению данного термина способствовали существенные результаты науки того времени и растущий уровень техники, а также масштабное использование достижений научно-технического прогресса в промышленности. Веблен считал, что техника может изменять поведенческие привычки человека, а повлиять на это могут руководители, принимающие политические управленческие решения [8, р. 213]. Экономический срез технологического детерминизма выражен в классической инновационной теории Йозефа Шумпетера и популяризированном им понятии «творческого разрушения», или «индустриальной мутации», проявляющейся в уничтожении прежней экономической структуры и создании новой, что наглядно демонстрируют актуальные процессы внедрения и использования технологий ИИ [9, р. 81].

Постепенное разочарование в научно-техническом прогрессе в середине XX в. привело человечество на путь постепенного ограничения развития технологий и создания своего рода ограничивающих рамок безопасности для социальных, политических и экономических институтов с целью предохранить их от необратимых изменений. С 1970-х гг. начинает использоваться термин «технологический суверенитет», который первоначально был предложен Научным советом Канады в качестве стратегии, позволяющей контролировать развитие технологий для сохранения национального суверенитета, что обеспечивалось среди прочего ориентацией канадских компаний на собственные технологические разработки.

Таким образом, с самого начала использования термин «технологический суверенитет» носил националистическую окраску. С. Кутюр и С. Тоупин замечают, что интерес к суверенитету вообще и цифровому суверенитету в частности является последствием повышенного внимания к категории суверенитета в социальных и гуманитарных науках, где сам термин прямо связан с историей западного колониализма и полноценно используется в международном праве. Суверенитетом интересуются также в связи с «геополитическим контекстом, в рамках которого государства остаются важнейшими акторами, несмотря на распространенное убеждение в том, что происходит размытие государственных границ и упадок национальных государств» [10, с. 63].

Серьезность намерений государств в отношении развития технологий с использованием ИИ подтверждает и тот факт, что из 160 государств, включенных в рейтинг, 30 % опубликовали собственные национальные стратегии развития ИИ, а 9 % инициировали разработку таких документов [5]. Стимулом стремительного развития послужила практика социального дистанцирования в период пандемии коронавируса COVID-19. Карантинные меры вызвали стремительную цифровизацию политических, экономических и социальных процессов. Вместе с тем национальные стратегии развития ИИ активно разрабатывают и внедряют в подавляющем большинстве северные страны, что свидетельствует о перспективах возникновения глобального технологического неравенства. Исследовательская задача – проследить, каким образом активные действия стран – крупнейших мировых лидеров в концептуализации шагов по развитию технологий с использованием ИИ отражаются на конструировании технологического суверенитета государств.

Эмпирическую базу исследования составляют данные анализа опыта Китая, США и Индии по разработке собственных стратегий развития технологий ИИ, которые легли в основу достижений в сфере научно-технического прогресса и вывели эти страны в число мировых технологических лидеров. Условные «вашингтонский консенсус», «пекинский консенсус» и «дельский консенсус» можно назвать моделями развития ИИ, которые имплементируются в структуру технологического суверенитета данных государств. Также будут изучены опыт и текущий потенциал Российской Федерации в области концептуализации развития ИИ и его дальнейшие перспективы.

Результаты и обсуждение. С 2013 г. в Китае появилось несколько национальных программ, связанных с разработками в области ИИ. Это, например, официальный документ национального уровня, определяющий социально-экономическое развитие страны на тринадцать лет, а также масштабная стратегия МКС 2025 («Сделано в Китае 2025»), определяющая технологическое развитие китайской промышленности вплоть до 2049 г. и включающая

в качестве одной из стратегических инициатив развитие компаниями умного производства. В 2017 г. Китай обнародовал программу развития искусственного интеллекта нового поколения, содержание которой, помимо информации о государственных и экономических средствах поддержки, включало три ключевые цели. Первая цель заключается в достижении к 2020 г. уровня стран – мировых лидеров по разработке и внедрению ИИ. Следующая – выход к 2025 г. на мировой уровень развития отдельных технологий с использованием ИИ, который должен стать главным драйвером обновления не только китайской промышленности, но и общества в целом. И, наконец, третьей целью является превращение Китая к 2030-му г. в мирового инновационного лидера в области искусственного интеллекта, что станет фундаментом экономического первенства страны.

К 2020-му г. можно констатировать достижение Китаем ведущих позиций в мире по количеству инвестиций, научных разработок, патентов в области ИИ. Это стало возможным благодаря предусмотренным программой мерам, в числе которых подготовка нормативной документации, создание технологических стандартов разработок с использованием ИИ, проведение большого числа научных изысканий, модернизация университетов и обучение специалистов по работе с ИИ, определение этических норм использования ИИ и т. д. Другим существенным фактором эффективности Китая стала организация жесткого подхода, концентрирующего ответственность вертикали органов власти, по аналогии с предыдущими успешными примерами достижений модернизации транспортной системы или разработки возобновляемых источников энергии.

Несмотря на то, что США лидировали в сфере инноваций в области ИИ фактически с момента появления науки об искусственном разуме и технологии как таковой, страна отставала в плане формирования нормативно-правовых условий для распространения технологий, использующих искусственный интеллект. США озаботились созданием стратегической программы в отношении развития ИИ позже России. Только в 2019 г. появился первый существенный правительственный документ в этой сфере, декларирующий принцип поддержки лидерства США в области ИИ и задающий общий тон государственной политики в отношении этого вида интеллектуальных технологий. В 2020 г. в США было утверждено законодательство о Национальной инициативе в области искусственного интеллекта, в логике которой научно-технологическое первенство должно достигаться посредством тесного сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества. Вместе с тем известно, что правительственное финансирование в сумме около 8 млрд долл. за 2000 и 2021 гг. по большей части относилось к разработкам, связанным с ИИ, в сфере военно-промышленного комплекса. В частном секторе поощряется конкуренция и допускаются самостоятельная стандартизация процессов и самоограничение. При этом сохраняется принцип невмешательства в рыночное взаимодействие в перспективной, но сложной интеллектуальной области, которая, по мнению правительства, является еще недостаточно оформившейся для внятного правового регулирования. Основной объем инвестиций в технологии ИИ предполагается со стороны глобальных игроков высокотехнологичного рынка (Google, Meta*, Apple, Amazon).

Другим примером последовательного пути к технологическому суверенитету может быть опыт Индии. С обретением независимости в 1940-х гг. страна закономерно выбрала

* Организация признана экстремистской по решению суда, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

путь протекционизма для поддержки собственной промышленности. В начале 1990-х гг. начинает складываться собственная индийская модель, делающая упор на быстрое, но упорядоченное развитие с акцентом на инновации и нивелирование последствий общественно-экономических проблем. Однако государство при этом оставляло за собой право участвовать в регулировании экономической ситуации в стране и обладало соответствующими механизмами вмешательства. В рамках такой концепции предполагалось, что в фундамент научно-технического прогресса необходимо заложить регулярные прямые иностранные инвестиции, а также внутреннее финансирование научно-исследовательских и конструкторских разработок. Все это привело к положительным результатам к концу десятилетия и даже позволило успешно справляться с последствиями мировых экономических кризисов, что показал опыт преодоления трудностей 1998 и 2008 гг.

Политика премьер-министра Индии Нарендры Моди, нацеленная прежде всего на экономическое развитие страны, делала большую ставку на технологический ресурс, поскольку он признавался важнейшим инструментом для достижения существенных результатов макроэкономического уровня. В связи с этим государство выбрало тактику поддержания консенсуса с бизнес-сообществом, заинтересованным в развитии внутреннего производства, что выразилось в ряде национальных программ (Make in India, Digital India и др.). Результаты данной политики положительны: Индия занимает лидирующие позиции на мировом уровне в некоторых высокотехнологичных и наукоемких областях, среди которых автомобилестроение, производство химикатов, электроники и т. д. Индия также занимает второе место среди экспортеров услуг в сфере информационных технологий.

В России Национальная стратегия развития искусственного интеллекта была принята в октябре 2019 г. Обзор предшествующих и сопутствующих нормативных актов был сделан нами в ранних публикациях. В общих чертах основными направлениями стратегии являются формирование всеобъемлющей системы регулирования социальных отношений, масштабная подготовка квалифицированных кадровых ресурсов для работы с ИИ, поддержка научно-исследовательских проектов, вовлечение населения в использование технологий, связанных с ИИ, и т. д. Финансирование отрасли ИИ по состоянию на 2022 г. в России проходит как часть Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в структуре которой присутствует федеральный проект «Искусственный интеллект», чьи нужды ежегодно покрывают около 3 % бюджета программы (4,7 млрд р. в 2021 г.). Результаты такой поддержки выражаются в росте числа тематических научных публикаций (по этому критерию Россия занимала 17-е место в мире в 2021 г.), росте венчурного рынка ИИ на 170 % (550 млрд р. в 2021 г.), увеличении набора в вузы на специальности, связанные с ИИ, на 7 тыс. чел. ежегодно, а также росте рынка данных (1,7 зеттабайта в России в 2021 г.), на котором объем выручки компаний основного сегмента рынка ИИ – анализа данных – составил в 2021 г. 46 млрд р. [11].

По данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, текущий средний уровень применения ИИ в экономике составляет около 20 %, а в сферах финансовых услуг и информационно-коммуникативных технологий этот показатель выше в 2,5 раза. При этом российские технологии ИИ являются вполне успешными и конкурентоспособными на внутреннем рынке. Примерно половина компаний в России использует

технологии отечественной разработки. И несмотря на то, что одной из серьезных проблем оказывается совместимость технологий с существующей инфраструктурой предприятий, многие организации внедряют собственные разработки в области ИИ. Препятствиями для развития и распространения технологий с использованием ИИ также являются нехватка квалифицированных специалистов, затруднения в организации финансовой поддержки (финансирование необходимо на всех этапах создания готового решения – от фундаментальных изысканий до внедрения), а также отсутствие гибкой нормативно-правовой базы. Состояние законодательства в сфере ИИ характеризуется скорее как удовлетворительное. Характерной особенностью российской ситуации в этой области является использование так называемых «регуляторных песочниц», позволяющих испытывать различные правовые режимы в экспериментальном формате [3].

Общий анализ направлений поддержки развития технологий с использованием ИИ показывает формирование «смешанной модели», или «московского консенсуса», который характеризуется социальной ориентацией результатов. Российский вариант тяготеет к «делийскому консенсусу» (задачи государства плюс импортозамещение), хотя не стремится решать социально-экономические проблемы, чего индийской модели, к слову, сделать так и не удалось. Социальная направленность выражается в намерении формировать и поощрять участие граждан в использовании технологий ИИ, а также стимулировать разработки и исследования усилиями растущего количества специалистов (для чего увеличивается число студентов на специальностях, связанных с ИИ) созданием благоприятных экономических условий, предоставлением социальных льгот и прочими видами государственной поддержки. Установка на вовлечение гражданского общества в использование данных технологий разумна на фоне низкой информированности людей о том, что такое искусственный интеллект вообще. Опросы ВЦИОМ выявили, что только треть россиян понимает сущность ИИ, а почти половина (42 %) просто не доверяет данной технологии [12].

В качестве ключевых тенденций развития модели можно назвать дальнейший рост числа ее параметров и генерацию все больших объемов данных. Вместе с этим сохранится запрос на эффективные алгоритмы перевода количества в качество, что означает сохранение требований к этичности ИИ.

Заключение. В структуре технологического суверенитета государства технологиям с использованием ИИ отводится существенная роль, однако в первую очередь это стратегический компонент, влияющий на такие параметры функционирования промышленности и экономики, как скорость и качество обработки информации, и способствующий достижению цифрового суверенитета. Нельзя умалять значение других его структурных элементов, к которым можно отнести суверенитет данных, аппаратный суверенитет, суверенитет киберпространства и др. В обозримой перспективе очевидно критическое влияние зависимости научно-технического развития России от импортных решений и прочих внешних факторов. Государственное планирование технологического развития оптимально на длительный срок – от десяти лет: только в таких рамках возможно достижение существенных результатов в создании благоприятной атмосферы в отрасли. Потенциальные решения могут быть найдены в плоскости структурно-организационной модернизации со ставкой на научно-образовательный потенциал и творческую инициативу коллективов исследователей

и разработчиков. При этом критически важно осознание того, что перспективы технологий с использованием ИИ туманны без верных политических решений и должной материальной поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левина. М.: Политиздат, 1991.
2. Метцель М. Составляющие суверенитета и задачи на будущее. О чем говорил Путин с молодыми бизнесменами // ТАСС. 09.06.2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/14872987?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 23.09.2022).
3. Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта. Аналит. отчет. 2021 // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://yadi.sk/i/rNy0T3eguj02Yg> (дата обращения: 23.09.2022).
4. Столярова Е. В. Инновации в области искусственного интеллекта в контексте цифровизации мировой экономики // Современная Европа. 2022. № 4. С. 66–78. DOI: 10.31857/S0201708322040052.
5. Government AI Readiness Index 2021 // Oxford Insights. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/61ead0752e7529590e98d35f/1642778757117/Government_AI_Readiness_21.pdf (дата обращения: 23.09.2022).
6. The Global AI Index // Tortoise Media. URL: <https://www.tortoisemedia.com/intelligence/global-ai/> (дата обращения: 23.09.2022).
7. Howells J. Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism. London: MIT press, 1995.
8. Heilbroner R. L. The Worldly Philosophers: The Lives Times and Ideas of the Great Economic Thinkers. NY: Touchstone, 1999.
9. Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy. NY: Harper Perennial, 1962.
10. Кутюр С., Топин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестн. междунар. организаций. 2020. Т. 15, № 4. С. 48–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.
11. Искусственный интеллект. Индекс 2021 г. 2021. Аналит. сб. № 10. URL: [https://uploads-ssl.webflow.com/6251899e0c25e712e9a8704a/63160ee136500537b7d8193a_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%98%D0%98-2021%20\(2\).pdf](https://uploads-ssl.webflow.com/6251899e0c25e712e9a8704a/63160ee136500537b7d8193a_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%98%D0%98-2021%20(2).pdf) (дата обращения: 23.09.2022).
12. Искусственный интеллект: благо или угроза? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-bлаго-ili-ugroza> (дата обращения: 23.09.2022).

Информация об авторе.

Колянов Алексей Юрьевич – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 33 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, мировая политика, политическая лингвистика, медиаисследования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.09.2022; принята после рецензирования 29.09.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.*

REFERENCES

1. Jaspers, K. (1991), *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, Transl. by Levin, M.I., Moscow, Politizdat, RUS.

2. Mettsel', M. (2022), "Components of sovereignty and tasks for the future. What did Putin talk about with young businessmen", *TASS*, available at: https://tass.ru/obschestvo/14872987?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 23.09.2022).
3. "Index of readiness of priority sectors of the economy of the Russian Federation for the introduction of artificial intelligence" (2021), *Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve RF* [Analytical Center under the Government of the Russian Federation], available at: <https://yadi.sk/i/rNy0T3egyj02Yg> (accessed 23.09.2022).
4. Staliarova, E.V. (2022), "Innovations in Artificial Intelligence in the Context of Digitalization of World Economy", *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 66–78. DOI: 10.31857/S0201708322040052.
5. "Government AI Readiness Index 2021" (2021), *Oxford Insights*, available at: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/61ead0752e7529590e98d35f/1642778757117/Government_AI_Readiness_21.pdf (accessed 23.09.2022).
6. "The Global AI Index", *Tortoise Media*, available at: <https://www.tortoisemedia.com/intelligence/global-ai/> (accessed 23.09.2022).
7. Howells, J. (1995), *Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism*, MIT press, London, UK.
8. Heilbroner, R.L. (1999), *The Worldly Philosophers: The Lives Times and Ideas of the Great Economic Thinkers*, Touchstone, NY, USA.
9. Schumpeter, J.A. (1962), *Capitalism, Socialism, and Democracy*, Harper Perennial, NY, USA.
10. Couture, S. and Toupin, S. (2020), "What Does the Notion of "Sovereignty" Mean When Referring to the Digital?", *International Organisations Research J.*, vol. 15, no. 4, pp. 48–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.
11. *Artificial intelligence. Index 2021*, (2021), no. 10, available at: [https://uploads-ssl.webflow.com/6251899e0c25e712e9a8704a/63160ee136500537b7d8193a_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%98%D0%98-2021%20\(2\).pdf](https://uploads-ssl.webflow.com/6251899e0c25e712e9a8704a/63160ee136500537b7d8193a_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%98%D0%98-2021%20(2).pdf) (accessed 23.09.2022).
12. "Artificial intelligence: blessing or threat?", *VC/OM*, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza> (accessed 23.09.2022).

Information about the author.

Alexey Yu. Kolianov – Can. Sci. (Politics) (2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 33 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, world politics, political linguistics, media studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.09.2022; adopted after review 29.09.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья

УДК 316.77

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-91-105>

Социальное предпринимательство в России как актуальная коммуникационная деятельность

**Анна Валентиновна Пряхина^{1✉}, Диана Арцруновна Багдасарян²,
Алиса Максимовна Буковская³**

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}anniva2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6846-8740>

²bagdasaryan.di@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6433-2990>

³t.m.elisstyle@yandex.ru

Введение. Цели статьи – анализ проблемы развития социального предпринимательства (СП) в России и определение его роли в российском обществе. Актуальность и научная новизна статьи раскрываются в проведенном обзоре и анализе широкого спектра используемых коммуникационных инструментов продвижения социально ориентированных предприятий, реализованных на протяжении последних пяти лет в России.

Методология и источники. Авторы основывались на концепциях исследователей С. Р. Ахмадиевой, Ю. В. Ходковской, А. Ф. Ахмадиевой, Н. Н. Киселевой, Е. А. Агеевой, Л. С. Пеховой, С. М. Талерчика и др. Также авторы опираются на российское гражданское законодательство. В проведенном исследовании были использованы теоретические методы – анализ и синтез, а также эмпирические методы – анализ документов, сетевых источников информации, контент-анализ постов в социальных сетях.

Результаты и обсуждение. Авторы обозначили теоретико-методологическую основу исследования социального предпринимательства, выявили специфику его развития. В ходе исследования было установлено, что спектр инструментов продвижения социальных предприятий шире, чем у коммерческих организаций, однако основной проблемой остается нехватка прежде всего человеческих ресурсов на осуществление масштабной и комплексной PR-деятельности. Также изучение социального предпринимательства позволит выявить и тщательно проанализировать положительные и отрицательные стороны данной инновационной модели ведения бизнеса. Это, в свою очередь, позволит эффективно внедрить социальное предпринимательство в экономическую и социокультурную жизнь как новый способ улучшения социально-экономического благополучия людей. Данные факторы можно рассматривать на уровне как отдельно взятого региона, так и российского общества в целом. Таким образом, авторы выявляют стратегическую роль социального предпринимательства в организации человекоцентричного российского общества.

Заключение. Актуальность изучения социального предпринимательства и его развития в обществе обусловлена тем, что оно является новой деятельностью. Многие проблемы социального предпринимательства недостаточно изучены, и это влияет на качественную аргументацию при обсуждении данного явления. Также феномен социального предпринимательства еще не укоренился в сознании многих людей как важный элемент развития общественных отношений.

© Пряхина А. В., Багдасарян Д. А., Буковская А. М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, коммуникации, PR, российское общество

Для цитирования: Пряхина А. В., Багдасарян Д. А., Буковская А. М. Социальное предпринимательство в России как актуальная коммуникационная деятельность // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 91–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-91-105.

Original paper

Social Entrepreneurship in Russia as a Topical Communication Activity

Anna V. Pryakhina^{1✉}, Diana A. Bagdasaryan², Alisa M. Bukovskaya³

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*anniva2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6846-8740>*

²*bagdasaryan.di@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6433-2990>*

³*t.m.elisstyle@yandex.ru*

Introduction. The purpose of the article is to analyze the problem of the development of social entrepreneurship in Russia and to determine its role in Russian society. The relevance and scientific novelty of the article are revealed in the review and analysis of a wide range of communication tools used to promote socially oriented enterprises implemented over the past five years in Russia.

Methodology and sources. The authors relied on the concepts of the following researchers: S.R. Akhmadieva, Yu.V. Khodkovskaya, A.F. Akhmadieva, N.N. Kiseleva, E.A. Ageeva, L.S. Pekhova, S.M. Talerchik and others. Also, the authors rely on the Russian civil law. In the study, there were used theoretical methods, such as analysis and synthesis, as well as empirical methods – analysis of documents, network sources of information, content analysis of posts in social networks.

Results and discussion. The authors outlined the theoretical and methodological basis for the study of social entrepreneurship, identified the specifics of the development of social entrepreneurship. The study found that the range of tools for promoting social enterprises is wider than that of commercial organizations, however, the main problem remains the lack of, first of all, human resources for large-scale and complex PR activities. Also, the study of social entrepreneurship will reveal and carefully analyze the positive and negative aspects of this innovative business model. This, in turn, will effectively introduce social entrepreneurship into economic and socio-cultural life as a new way to improve the socio-economic well-being of people. These factors could be considered at the level of both a single region and Russian society as a whole. Thus, the authors should reveal the strategic role of social entrepreneurship in organizing a human-centric Russian society.

Conclusion. The relevance of studying social entrepreneurship and its development in society is due to the fact that it is a fairly new activity. Many problems of social entrepreneurship are insufficiently studied, which affects the qualitative argumentation of this phenomenon. Also, the phenomenon of social entrepreneurship has not yet taken root in the minds of many people as an important element in the development of social relations.

Keywords: social entrepreneurship, communications, PR, Russian society

For citation: Pryakhina, A.V., Bagdasaryan, D.A. and Bukovskaya, A.M. (2022), "Social Entrepreneurship in Russia as a Topical Communication Activity", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 91–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-91-105 (Russia).

Введение. Современное общество с существующими в нем ценностными, экономическими и антропологическими кризисами стремится к гармонизации для того, чтобы обеспечить устойчивое благополучное функционирование. Однако многообразие социальных проблем продолжает существовать и расширяться, а усилий государства по борьбе с ними оказывается недостаточно. Безработица и социальная незащищенность, дискриминация, проблемы защиты животных и окружающей среды вызывают беспокойство у многих людей в силу их ценностных установок и этических качеств, что способствует образованию некоммерческих организаций, в том числе благотворительных фондов, общественных движений и волонтерских сообществ. Зачастую все они базируются на филантропии, единственной выгодой которой является улучшение имиджа филантропа – персоны или компании. В этом кроется проблема подобных организаций, которая ограничивает их деятельность. Однако существует другое, довольно новое, направление для российского общества – развитие социального предпринимательства.

Методология и источники. Однако прежде чем мы перейдем к анализу существующих практических примеров социального предпринимательства в России, необходимо определить теоретическую основу данного понятия. В научной литературе существует два подхода «социального предпринимательства». С одной стороны, конструктивистский подход, который идентифицирует базисный компонент социального предпринимательства как «продуктивное предпринимательство» [1]. В данном подходе мы можем видеть актуализацию ценности производства социальной инновации. С другой стороны, так называемый персоналистический подход. Он актуализирует личные качества предпринимателя, способствующие в первую очередь реализации индивидуальной социальной миссии [2]. Мы можем констатировать неоднозначность понятия «социальное предпринимательство», поскольку не вполне понятен статус данной категории в отношении коммерческого или некоммерческого эффекта такой деятельности. Тем не менее обзор научной литературы позволяет выделить следующие критерии социального предприятия:

- 1) направленность на удовлетворение социальной потребности или решение конкретной социальной проблемы;
- 2) доминирование дохода от продажи товаров или услуг, а не донорских средств;
- 3) производство качественно нового продукта (услуги) или качественно новая модель его предоставления [3].

В России развитие социального предпринимательства началось сравнительно недавно, в 90-е гг. XX в. Одной из доминант социальных, политических, экономических отношений в этот период является рост предпринимательской и общественной активности. Из-за переходного этапа в развитии российского государства, сопровождавшегося острым конфликтом между властью и обществом, падением качества жизни людей, ценностным кризисом и другими факторами, существующие бизнес-структуры и общественные организации не имели четкой идентификации в системе новых общественных отношений.

В Концепции развития гражданского законодательства в 2009 г. отмечалось, что «применительно к некоммерческим организациям следует говорить не о предпринимательской, а о вспомогательной хозяйственной деятельности» или о «деятельности, приносящей дополнительные доходы».

Лишь в 2019 г. в России был принят закон о социальном предпринимательстве, давший данному явлению определение и обозначивший направления государственной поддержки такого типа бизнеса. «Социальное предпринимательство – предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными частью 1 статьи 24 настоящего Федерального закона» [4]. Внесение подобных изменений в законодательство уже является огромным шагом к регулированию и популяризации данной сферы деятельности, но проблем, касающихся теоретической и нормативной базы, остается много. Социально ориентированный бизнес не спешит получать официальный статус, несмотря на принятое законодательство [5]. С 25 декабря 2020 г. по 18 января 2021 г. Social Business Group (группой компаний ЦИРКОН) было проведено исследование, которое показало не просто неопределенность перспектив развития социального предпринимательства в России, но и различие на базовом уровне в понимании экспертами сущности социального предпринимательства. «Ни одно из пяти бытующих в информационном поле и предложенных участникам экспертного опроса определений СП не было признано большинством этих участников как отвечающее их пониманию СП, а 20 экспертов предложили свое собственное определение» [6, с. 2].

В начале 2021 г. ТАСС опросило представителей отрасли о причинах медленного развития социального предпринимательства. Эксперты полагают, что такой тип предпринимательства наряду с корпоративной социальной ответственностью (КСО) бизнеса развивается в стране медленно в основном из-за низкого уровня информированности, и популяризировать эту сферу должно государство [7]. Упомянутое выше исследование также демонстрирует, что развитие социального предпринимательства в ближайшие пять лет специалисты связывают с «яркой публичностью (узнаваемостью)» предпринимателей – в топ-5 групп общественности, влияющих на развитие отрасли, вошли потребители и «СМИ и социальные медиа (блогеры)». Считается, что социальное предпринимательство не гарантирует высокой прибыли, так как оно направлено, прежде всего, на повышение социального уровня и благосостояния населения [8]. Следствием этого является невозможность вложения больших средств в маркетинговое и рекламное продвижение для повышения узнаваемости компаний, и, следовательно, использование PR-технологий в данной сфере становится необходимым. К тому же социальные предприятия обладают и заведомым преимуществом в PR-сфере по сравнению с остальным бизнесом, ведь такие компании изначально имеют более позитивный имидж и медиа будут охотнее распространять их материалы, внося свой вклад в благое дело.

В проведенном исследовании были использованы теоретические методы – анализ и синтез, а также эмпирические методы – анализ литературы и документов, сетевых источников информации, сопоставительный анализ.

Результаты и обсуждение. Одним из самых первых примеров социального предпринимательства в России можно назвать распространение бездомными на коммерческой основе уличной газеты под названием «На дне», учрежденной в 1994 г. известной и ныне организацией «Ночлежка» [9]. С того времени социальные предприятия в нашей стране существуют в крайне небольшом количестве – их доля в секторе малого и среднего бизнеса составляет менее 1 % [10].

Набор инструментов и каналов коммуникационного продвижения социальных предприятий представляется широким, поскольку включает в себя приемы, используемые и коммерческими, и некоммерческими компаниями. К последним можно отнести, например, государственную (на региональном уровне) поддержку, включающую в себя проведение конкурсов, формирование каталогов, содержащих лучшие практики социального бизнеса, организацию ярмарок, формирование информационных площадок и индивидуальное консультирование. Все это происходит через Центры инноваций в социальной сфере (ЦИСС) – региональные некоммерческие организации, поддерживаемые государством и бизнесом. Они создаются в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и являются площадками взаимодействия и коммуникации социальных предпринимателей с органами власти, СМИ, бизнес-ассоциациями, научными сообществами и инвесторами. ЦИСС предоставляют бесплатные услуги социальным предприятиям: консультирование, обучение по созданным образовательным программам, проведение ярмарок, помощь в продвижении проектов (брендинг, лендинги, информационные материалы, рекламные ролики и др.). «Ведь основная наша задача – создание комьюнити социального предпринимательства», – указывает в интервью руководитель новосибирского ЦИСС О. Козырева [11].

Например, в Нижегородской области Министерством промышленности, торговли и предпринимательства Нижегородской области и АНО «ЦИСС НО» проводится Региональный конкурс «Взгляд в будущее». Интересным является то, что победители конкурса получают возможность бесплатно размещать информацию о деятельности своих организаций на более 200 поверхностях партнеров АНО «ЦИСС НО» в городе и области, а именно светодиодных и плазменных экранах на территории Нижнего Новгорода и в городском маршрутном автотранспорте, в бизнес-центрах города и в городских отделениях АО «Почта России», а также на билбордах на территории области. Помимо этого, в Нижегородской области ежегодно печатается каталог «Социальное предпринимательство в Нижегородской области», содержащий сведения о лучших социальных практиках и наиболее успешных субъектах малого и среднего предпринимательства Нижегородской области. В результате оказана информационная поддержка более 200 социальных предприятий, размещенных в каталоге.

В Республике Татарстан Министерством экономики проводится Конкурс на лучшее освещение деятельности региональных социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) с общим призовым фондом 400 тыс. р. По итогам конкурса определяются три победителя по каждой из номинаций по лучшему освещению деятельности СОНКО Татарстана на телевидении, радио, в печати и в сети Интернет [12]. Нужно заметить, что конкурсные мероприятия проводятся не только органами государственной власти, но и отраслевым сообществом – главной премией в отрасли можно назвать ежегодную премию «Импульс добра» за вклад в развитие и продвижение социального предпринимательства в России, учрежденную Фондом региональных социальных программ «Наше будущее».

К тому же через ЦИСС проходит регистрация в федеральный реестр субъектов социального предпринимательства. Стоит отметить, что на данный момент лишь малая доля социальных предприятий зарегистрировалась в реестре, поскольку закон о социальном предпринимательстве не учитывает целый ряд возможных форматов и направлений деятельности

социальных предприятий. В Калининградской области доля зарегистрировавшихся в 2020 г. составила около 8 % количества всех социальных предприятий в области [13]. Во Владимирской области в 2020 г. зарегистрировалось 38 предприятий, в 2021 г. – 37 предприятий [14].

Кроме того, социальные предприниматели объединяются в официальные профессиональные сообщества. Например, в Санкт-Петербурге в 2015 г. была создана Ассоциация социальных предпринимателей (АСП), которая от имени социальных предпринимателей ведет диалог с властью, а также оказывает поддержку своим членам [15]. Подобное объединение было создано и в Перми.

Также специфическим инструментом продвижения в данной сфере является краудфандинг. Примерами успешных краудфандинговых кампаний могут послужить сборы средств на постройку различных объектов социальной и бизнес-инфраструктуры для развития деревни Малый Турыш, инициированные активисткой и социальной предпринимательницей Гузелью Санжаповой. Девушка возрождает родную деревню и трудоустраивает ее жителей, производя натуральную продукцию под брендом «Малый Турыш».

Например, в ходе кампании, целью которой было собрать 514 000 р. на постройку производственного цеха, было привлечено 524 спонсора и получено 653 950 р. [16]. Успех объясняется в том числе проведенной работой в сфере PR: кампания сопровождалась публикациями в СМИ (например, репортаж на телеканале «Россия 24», интервью на сайте информационного агентства URA.RU), было снято видео, обновлялись новости, обрабатывалась обратная связь в комментариях на платформе. При этом использовалась краудфандинговая площадка Boomstarter, а с 2018 г. кампании проходят на площадке Planeta.ru [17]. На ней реализовано уже два сбора и в данное время проходит третий. Всего за шесть реализованных кампаний было собрано 8 216 531 р., в то время как целевая сумма равнялась 6 709 407 р.

Одной из задач, стоявших перед Гузелью Санжаповой, был сбор средств на постройку общественного центра деревни. Помимо старта новой краудфандинговой кампании, Гузель предложила креативное решение – пригласить музыкальную группу, которая была бы известна по меньшей мере на Урале и творчество которой объединяло бы людей нескольких поколений (поскольку одной из ценностей, транслируемых брендом, является укрепление связи между людьми города и деревни, между старшим поколением и детьми), и тем самым привлечь внимание СМИ и широкой общественности. Так, одним из самых знаменательных событий деревни стал благотворительный концерт музыкальной группы «Чайф», проведенный в Малом Турыше в 2018 г., на который было продано более 2 тыс. билетов [18].

Более того, Гузель Санжапова приобретает личную известность и благодаря своему персональному бренду: она продвигает идеи социального предпринимательства и бренд «Малый Турыш», выступая на конференциях (спикер на ПМЭФ-19) и снимаясь в медийных спецпроектах (интервью на YouTube-шоу «Скажи Гордеевой» продолжительностью более часа [19], участие на YouTube-канале «Редакция» в сюжете журналиста Алексея Пивоварова и др.), а в данный момент она пишет книгу, посвященную всей истории проекта.

Одним из развитых и активно используемых инструментов является партнерство с коммерческими и некоммерческими организациями и другими социальными предприятиями. Чаще всего это ресурсная поддержка (финансовая и информационная), pro bono (бесплатная профессиональная, экспертная помощь), оказываемые социальным предприятиям

в рамках реализации программы корпоративной социальной ответственности, а также перекрестное продвижение двух социальных предприятий или социального и коммерческого предприятия. Проиллюстрируем каждый вид поддержки.

Ресурсная поддержка. Такая поддержка является одной из самых малозатратных для коммерческих компаний. Строительство упомянутого ранее общественного центра деревни Малый Турыш поддержал целый ряд компаний: сталь предоставила компания «Металлоинвест», клей для бруса – AkzoNobel, дерево для бруса с существенной скидкой предоставил завод «Красный октябрь», утеплитель – компания URSA.

Финансовая поддержка. Такой вид партнерства широко распространен в форме проведения конкурсов социальных проектов. Так, по спонсорскому договору в 2018 г. банк «Точка» предоставил грант в размере 2 млн р. на постройку общественного центра в Малом Турыше [20].

Информационная поддержка. Практически каждая компания, сотрудничающая с социальным предприятием, сообщает об этом сотрудникам, клиентам, инвесторам и другим целевым группам общественности через собственные каналы коммуникации, такие как сайт, социальные сети, корпоративные отчеты. Более масштабный пример – создание Фондом «Наше будущее» информационного портала «Новый бизнес», на котором освещается деятельность многих социальных предприятий. Фонд «Наше будущее», имеющий институциональное значение в сфере поддержки социального предпринимательства, в свою очередь был учрежден Вагитом Алекперовым, президентом компании «Лукойл», которая постоянно сотрудничает с социальными предприятиями.

Pro bono – частный случай ресурсной поддержки, и ресурсом здесь выступает труд профессионалов. В 2018 г. врачи медицинской компании «Инвитро» приехали в Малый Турыш, чтобы провести обследование жителей деревни, включающее осмотр, анализ крови, электрокардиографию и консультирование [21].

Перекрестное продвижение. Одним из самых крупных партнерских проектов бренда «Малый Турыш» было сотрудничество с компанией Unilever. Деревня совместно с брендом чая Lipton предлагала приобрести упаковку чая с подарком – тремя ложками-леденцами из Турыша. На упаковках были размещены фотографии деревенских жителей и история бренда. Всего для этой промоакции было создано 15 тыс. ложек. Примером также может послужить перекрестное продвижение двух проектов. Так поступает петербургская инклюзивная мастерская «Простые вещи», открывшая на набережной Фонтанки инклюзивное кафе «Огурцы», где наравне с другими работают люди с особенностями развития. В интерьере кафе используется произведенный в мастерской декор, который можно приобрести и разместить у себя в офисе и дома.

Также распространенной формой партнерства является закупка корпоративных подарков у социальных предприятий, например, на площадке BuySocial, клиентами которой стали Mail.ru Group, UPM, «Ростелеком», DHL и др. Таким образом, сотрудничество с партнерами может приобретать самые разнообразные формы и обеспечивает пространство для креативных и взаимовыгодных решений.

Проиллюстрируем описанные виды партнерства. В рамках КСО компания «Леруа Мерлен» в октябре 2021 г. запустила конкурс поддержки социальных проектов, подать заявку на который могут и социальные предприниматели. Победившие проекты получают финансовую

поддержку на реализацию от компании [22]. Бренд сумок, созданных из рекламных полотен, тентов и остатков производства, «Манифест», сотрудничает с различными организациями, такими как event-агентство «#ZateyaSpb», производство лодок TimeTrial и партия «Яблоко», о чем он сообщает на своей странице в Instagram (@_manifest_bag). Бренд каш, которые создаются руками людей с особенностями развития, «Между нами», сотрудничает с различными кафе Санкт-Петербурга и использует их как точки продаж. Примером взаимопомощи в социально ориентированном бизнесе могут стать магазины «Легко-Легко» и «Спасибо!», реализующие продукцию других социальных предпринимателей.

Как коммерческие, так и некоммерческие организации могут приобрести известность, проводя различные мероприятия, в том числе образовательные. Однако нестандартным способом продвижения в данном направлении является проведение курсов от организации на платформах онлайн-образования, где можно набрать аудиторию за счет платформы. Примером тому служит серия авторских курсов по развитию малых территорий «#Незавалинка» от команды «Альтуризм», выложенная на платформе Stepik. В первом курсе, проходившем в 2020 г., приняли участие более 1 000 чел. [23].

Уже классическими каналами продвижения стали социальные сети «ВКонтакте», Facebook*, Instagram*. Реже используется YouTube. Перспективными и активно развивающимися каналами становятся TikTok и Telegram. Проект «#Незавалинка» ведет свой Telegram-канал (@altourism), где рассказывает о деревнях России. Упомянутый ранее Фонд «Наше будущее» ведет не только Telegram-канал, но и аккаунт в TikTok (@our__future), снимая короткие видео о социальном предпринимательстве.

Media relations в социальном предпринимательстве является многообещающим направлением коммуникационной деятельности. Материалы от социальных предприятий будут интересны как отраслевым и нишевым СМИ, так и деловым и общественным изданиям. Приведем несколько примеров.

Общественно-политическое издание «Новая газета» оказало информационную поддержку обувной фабрике «ТИБОЖ», где работают люди с инвалидностью, выпустив о ней несколько материалов. После опубликования одной из статей фабрика в короткий срок собрала 400 тыс. р., необходимых для выживания [24]. Другой пример – освещение в СМИ деятельности отечественного парфюмерного производителя Pure Sense, в команде которого слабовидящие и незрячие люди. О проекте и его продуктах писали Forbes, онлайн-издания о красоте и моде BURO., The Blueprint и Flacon, лайфстайл-медиа HiPO, гляцевые издания Elle, Elle Girl, Glamour, Grazia и Cosmopolitan, издания о стиле жизни и людях шоу-бизнеса The Village, HELLO!, Peopletalk, OK!, SPLETNIK.RU, Selflovers, BeautyInsider, медиа об инфлюенсерах и блогерах SRSLY. Как можно видеть, большинство представленных СМИ объединены одной тематикой и для них характерны публикации о продуктах парфюмерных брендов, но также о Pure Sense, например, в 2020 г. писал и медиапроект «Такие дела», учрежденный фондом «Нужна помощь» и специализирующийся на распространении информации о различных социальных проектах и инициативах [25]. Среди специфических СМИ, посвященных социальным проектам и деятельности социальных предприятий, можно также назвать «Агентство социальной информации» (АСИ), имеющее двойной

* Социальные сети, запрещенные на территории Российской Федерации. Принадлежат экстремистской организации.

статус автономной некоммерческой организации и средства массовой информации, и информационный портал «Новый бизнес: социальное предпринимательство», созданный фондом «Наше будущее».

Помимо того, некоммерческие организации создают собственные медиа, и это означает, что социальные предприятия могут сотрудничать с ними или самостоятельно создавать подобные. Например, центр поддержки социальных инноваций и предпринимательства Impact Hub Moscow ведет блог и проводит исследования. Кроме того, организация объединяет социальных предпринимателей в «импакт-сообщество» и выкладывает их карточки с профилями в интерактивный справочник на сайте. Фонд «Нужна помощь» создал медиапортал «Такие дела», который ведет не только постоянные журналистские рубрики, но и спецпроекты, проводит исследования и издает книги. Фонд «Наше будущее» ведет подкаст «Не просто бизнес» о социальных предпринимателях, а общественный центр «Благосфера», представляющий собой пространство для проведения мероприятий, в декабре 2018 г. запустил проект «Радио НКО», которое сейчас представляет собой 12 разных подкастов. Таким образом, подкасты и площадки для их размещения (SoundCloud, «Яндекс.Музыка», Google Podcasts, iTunes и др.) становятся еще одним перспективным каналом продвижения социального предприятия и социального предпринимательства в целом.

Изменения в мире и, как следствие, в коммуникациях, произошедшие весной 2022 г., послужили еще более активному развитию социального предпринимательства в России. Так, ГБУ «Малый бизнес Москвы» (МБМ) провело в июне 2022 г. форум «Социальное предпринимательство 2022» и объединило опытных предпринимателей и экспертов, которые поделились новыми идеями для развития социального бизнеса. Более того, МБМ подробно рассказывает на своем сайте, как они поддерживают организации, работающие в этой сфере: создают онлайн-продукты, которые помогают быстро найти информацию для ведения бизнеса или продвижения услуги, разрабатывают специальные меры поддержки, проводят обучающие программы (в 2021 г. МБМ провел 17 разноформатных мероприятий для 500 чел.), организуют нетворкинг-марафоны [26].

Такой же успешной была дискуссия и на площадках 25-го Международного Петербургского экономического форума. Эксперты отметили тенденцию еще более пристального внимания бизнеса к вопросам социального предпринимательства, даже несмотря на сложную экономическую ситуацию, в которой, казалось бы, урезаются бюджеты на все виды деятельности организаций, в том числе и в сфере КСО, кроме непосредственного производства. Так, Юлия Жигулина, исполнительный директор Фонда региональных социальных программ «Наше будущее», подчеркнула, что все большее значение приобретает человекоцентричность, поэтому ограниченность бюджетов является лишь сложностью, которая помогла обозначить новую цель российского социального бизнеса – формирование новой модели взаимодействия с благотворительными организациями и НКО. Это означает, что на таких сессиях в процессе обсуждения могут быть разработаны новые модели сотрудничества, при которых большой социальный эффект возникает от правильного партнерства в достижении созвучных целей – бизнес делает все на благо общественных интересов [27].

Еще одной важной тенденцией в развитии социального предпринимательства в России можно назвать рост числа рабочих мест. В июне 2022 г. вице-премьер Татьяна Голикова

на встрече, посвященной обсуждению перспективности развития сферы социального предпринимательства, заявила, что по предварительным расчетам при модернизации системы социального предпринимательства к 2030 г. может быть создано около 500 тыс. новых рабочих мест [28]. Мы уже можем наблюдать, как крупный бизнес реализует это на практике. Мультиформатная розничная сеть «Лента» с января по июнь 2022 г. открыла более 50 магазинов малого формата, что позволило создать 442 новых рабочих места в 10 регионах страны и в разных сферах, от непосредственного ритейла до цифрового маркетинга и IT. Более того, в марте сеть заявила, что выстроила работу по трудоустройству беженцев не только в собственной сети, но и в 10 компаниях, которые предоставляют услуги «Ленте» [29]. В то же время АО «Почта России» запустило такую же программу трудоустройства – на вакансии операторов связи и почтальонов в 36 регионах России [10].

Программу переквалификации и трудоустройства начала и торговая сеть «Магнит», в конце марта у них было открыто 200 вакансий [30]. Компания готова обучить специалистов, которые вынужденно переехали или работали в иностранных компаниях, при этом необязательно в ритейле. «Магнит» собирался трудоустроить специалистов из областей fashion-ритейла, торговли строительными материалами, товарами для дома, общепита и других предприятий.

Российский бизнес, продолжая не просто функционировать, но и поддерживать социальное предпринимательство, предстает перед покупателями страны в наиболее выигрышном свете. Люди, поддерживающие концепцию человекоцентричности и идеи устойчивого развития, испытывают страх из-за ухода с рынка иностранных компаний или приостановки их деятельности, что ведет к «ценностному вакууму» [31]. Если раньше, как отмечает Серафима Гурова, основатель и генеральный директор PR-студии Rodnya, основатель консалтинговой компании Niti Purposeful Communications, достаточно было сделать масштабный социальный проект и адаптировать его для российского рынка, то сейчас сделать это будет невероятно сложно из-за обострившейся поляризации в обществе. Тем самым открываются новые возможности для локальных игроков, которые могут занять освободившиеся ниши или расширить производство, но не забывать о новых смыслах, настроениях и ожиданиях потребителя. Так, российская аудитория, как и аудитория всего мира, согласно Edelman Trust Barometer 2021, рассчитывает, что компании будут все больше вовлекаться в решение социальных и экологических проблем [32].

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что спектр коммуникационных инструментов продвижения социальных предприятий даже шире, чем у коммерческих организаций, но основной проблемой остается нехватка ресурсов, не только финансовых, но и человеческих, на осуществление масштабной и комплексной PR-деятельности. Однако именно она позволит предприятиям расти и развивать социальное предпринимательство в целом.

Следует констатировать, что актуальность изучения феноменологии социального предпринимательства и его развития в обществе обусловлена тем, что социальное предпринимательство является довольно новой деятельностью, в первую очередь направленной на решение или смягчение социальных проблем, возникающих в обществе. Многие проблемы социального предпринимательства недостаточно изучены, что влияет на качественную аргументацию при обсуждении данного явления. Также феномен социального предпринима-

тельства еще не укоренился в сознании многих людей как важный элемент развития общественных отношений и инструмент минимизации уровня социального неравенства. Изучение социального предпринимательства позволит выявить и тщательно проанализировать положительные и отрицательные стороны данной инновационной модели ведения бизнеса. Это в свою очередь позволит эффективно внедрить социальное предпринимательство в экономическую и социокультурную жизнь как новый способ улучшения социально-экономического благополучия людей. Данные факторы можно рассматривать на уровне как отдельно взятого региона, так и российского общества в целом. Таким образом, следует учитывать стратегическую роль социального предпринимательства в организации человекоцентричного российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baumol W. J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // J. of Political Economy. 1990. Vol. 98, no. 5. Part 1. P. 893–921.
2. Leadbeater Ch. The Rise of the Social Entrepreneur. London: Demos, 1997.
3. Киселева Н. Н., Агеева Е. А., Пехова Л. С. Эволюция социального предпринимательства: зарубежный опыт и российская практика // Гуманитарные технологии в современном мире: IX междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 3–5 июня 2021 г. / РАНХиГС. Калининград, 2021. С. 557–567.
4. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907260077> (дата обращения: 31.10.2021).
5. В Совете Федерации обсудили вопросы развития социального предпринимательства в регионах // Совет Федерации Федерального Собрания РФ. 2020. URL: <http://council.gov.ru/events/committees/121667/> (дата обращения: 31.10.2021).
6. Социальное предпринимательство в России: образ будущего и перспективы развития: краткое резюме по результатам экспертного исследования // ЦИРКОН. 2021. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/04f/sotsialnoe-predprinimatelstvo-perspektivy-razvitiya-kratkoe-rezyume-issledovaniya.pdf> (дата обращения: 31.10.2021).
7. Эксперты назвали причины медленного развития социального бизнеса в России // ТАСС. 2021. 2 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10811503> (дата обращения: 31.10.2021).
8. Талерчик С. М. Социальное предпринимательство как способ продвижения социальных инноваций // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: мат. VII ежегод. междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 08–09 июня 2018 г. / Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. СПб., 2018. С. 139–143.
9. Ахмадиева С. Р., Ходковская Ю. В., Ахмадиева А. Ф. Развитие социального предпринимательства в России // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 38–40.
10. Зайцева Е. «Почта России» запускает программу трудоустройства беженцев // Газета.ru. 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/05/17385961.shtml> (дата обращения: 22.07.2022).
11. Табунов М. Интервью: как стать социальным предпринимателем, и почему это выгодно // РБК+. 2020. 31 августа. URL: <https://nsk.plus.rbc.ru/news/5f486e977a8aa901222dbccb> (дата обращения: 31.10.2021).
12. Зверева Н. И. Атлас практик развития социального предпринимательства. М.: ФРСП «Наше будущее», 2019.

13. Блажчишина У. Долгий путь к реестру. Почему социальные предприниматели не спешат подтверждать свой статус // Росс. газ. 25.09.2020. № 188 (8242). URL: <https://rg.ru/2020/08/25/reg-szfo/pochemu-socialnye-predprinimateli-ne-spushat-podtverzhdad-svoj-status.html> (дата обращения: 20.07.2022).
14. «Социальное предприятие» – статус, активно поддерживаемый государством // Зебра ТВ. 22.09.2021. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/biznes/sotsialnoe-predpriyatie-status-aktivno-podderzhivaemu-gosudarstvom/> (дата обращения: 20.07.2022).
15. Об ассоциации // Ассоциация социальных предпринимателей. URL: <https://asp-delo.ru/ob-assotsiatsii/> (дата обращения: 31.10.2021).
16. Бизнес напояк: они не дают взятку и ведут дела в открытую // Редакция. YouTube. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hVVSpxK_ko0&t=2435s (дата обращения: 20.07.2022).
17. Крем-мед с ягодками. Строим цех // Boomstarter. 2014. URL: https://boomstarter.ru/projects/85183/krem-med_s_yagodkami_stroim_tseh (дата обращения: 31.10.2021).
18. На благотворительный концерт группы «Чайф» в деревне Малый Турыш продано более 2 тысяч билетов // Коммерсантъ. 2018. 30 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3700881> (дата обращения: 31.10.2021).
19. Гузель Санжапова: как спасти деревню и заработать // Скажи Гордеевой. YouTube. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ls80mWkg_CE (дата обращения: 31.10.2021).
20. Проект «Крыша Турыша»: про строительство общественного центра и цели на реалити-шоу // Справочная. 2020. 2 июня. URL: <https://allo.tochka.com/reality-episode-3> (дата обращения: 31.10.2021).
21. Шляхов Е. Социальное предпринимательство и краудфандинг: большие планы Малого Турыша // Biz360. 2018. 7 мая. URL: <https://biz360.ru/materials/sotsialnoe-predprinimatelstvo-i-kraudfanding-bolshie-plany-malogo-turysha/> (дата обращения: 31.10.2021).
22. Компания «Леруа Мерлен» запустила конкурс поддержки социальных проектов // Retail.ru. 2021. 29 октября. URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/kompaniya-lerua-merlen-zapustila-konkurs-podderzhki-sotsialnykh-proektov/> (дата обращения: 31.10.2021).
23. Онлайн-курс по развитию малых территорий #Незавалинка 4.0 // Altourism. 2021. URL: <https://altourism.ru/nezavalinka> (дата обращения: 31.10.2021).
24. Скопинцева Л. Социальный бизнес и краудфандинг: правила сбора // Новый бизнес. Социальное предпринимательство. 2016. 17 июня. URL: <http://nb-forum.ru/useful/advice/sosial-business-pravila-sbora> (дата обращения: 31.10.2021).
25. Надточий Е. «Альдегиды звучат как флейта». Незрячие люди стали авторами парфюмерных композиций // Такие дела. 2020. 30 августа. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/08/30/parfyum-nezryachikh-lyudey/> (дата обращения: 31.10.2021).
26. Социальное предпринимательство: особое внимание города // Малый бизнес Москвы. 2022. URL: <https://mbm.mos.ru/special/socialnoe-predprinimatelstvo> (дата обращения: 22.07.2022).
27. Человек в центре системы: что говорили на ПМЭФ про благотворительность и некоммерческий сектор // Фонд «Наше будущее». 2022. URL: <https://www.nb-fund.ru/press-center/media-about-us/chelovek-v-tsentre-sistemy-cto-govorili-na-pmef-pro-blagotvoritelnost-i-nekommercheskiy-sektor/> (дата обращения: 22.07.2022).
28. Бизнес с человеческим лицом: как город поддерживает социальное предпринимательство // Эксперт. 2022. URL: <https://expert.ru/2022/06/24/biznes-s-chelovecheskim-litsom-kak-gorod-podderzhivayet-sotsialnoye-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 20.07.2022).
29. «Лента» готова трудоустроить беженцев из Донбасса // Лента. 2022. URL: <https://lenta.com/o-kompanii/news/-----33/> (дата обращения: 22.07.2022).
30. «Магнит» переобучит беженцев и потерявших работу петербуржцев // Деловой Петербург. 2022. 30 марта. URL: https://www.dp.ru/a/2022/03/30/Magnit_pereobuchit_poter (дата обращения: 22.07.2022).

31. Гурова С. Почему брендам стоит продолжать говорить о ценностях // РБК Тренды. 2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/626b88cf9a7947cefa6b3128?page=tag&nick=opinion&from=infinityscroll> (дата обращения: 22.07.2022).

32. Edelman Trust Barometer 2021. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf> (дата обращения: 22.07.2022).

Информация об авторах.

Пряхина Анна Валентиновна – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: культура, коммуникации, социальные и медийные проблемы современного общества.

Багдасарян Диана Арицунновна – магистрант (2-й курс) кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 14 научных публикаций. Сфера научных интересов: устойчивое развитие, проектная деятельность в образовании.

Буковская Алиса Максимовна – студентка (4-й курс) кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: реклама и PR.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.07.2022; принята после рецензирования 29.09.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Baumol, W.J. (1990), "Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive", *J. of Political Economy*, vol. 98, no. 5, part 1, pp. 893–921.
2. Leadbeater, Ch. (1997), *The Rise of the Social Entrepreneur*, Demos, London, UK.
3. Kiseleva, N.N., Ageeva, E.A. and Pekhova L.S. "2021", "Evolution of social entrepreneurship: foreign experience and Russian practice", *Humanitarian technologies in the modern world: IX International Scientific and Practical Conference*, Kaliningrad, RUS, 3–5 June 2021, pp. 557–567.
4. Federal Law of 26.07.2019 No. 245-FZ "On amendments to the Federal Law "On the development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation" in terms of fixing the concepts of "social entrepreneurship", "social enterprise"", available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907260077> (accessed 31.10.2021).
5. "In the Federation Council discussed the development of social entrepreneurship in the regions" (2020), *Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, available at: <http://council.gov.ru/events/committees/121667/> (accessed 31.10.2021).
6. "Social Entrepreneurship in Russia: Image of the Future and Development Prospects: Brief Summary based on the Results of Expert Research" (2021), ZIRCON, available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/04f/sotsialnoe-predprinimatelstvo-perspektivy-razvitiya-kratkoe-rezyume-issledovaniya.pdf> (accessed 31.10.2021).
7. "Experts named the reasons for the slow development of social business in Russia" (2021), TASS, 2 March 2021, available at: <https://tass.ru/ekonomika/10811503> (accessed 31.10.2021).
8. Talerchik, S.M. (2018), "Social entrepreneurship as a way to promote social innovations", *Problems and ways of socio-economic development: city, region, country, world: materials of VII international scientific-practical conference of students and graduate students*, St Petersburg, RUS, 08-09 June 2018, pp. 139–143.

9. Ahmadiyeva, S.R., Khodkovskaya, Yu.V. and Ahmadiyeva, A.F. (2021), "Development of Social Entrepreneurship in Russia", *Innovation and Investment*, no. 4, pp. 38–40.
10. Zaitseva, E. (2022), "Russian Post launches refugee employment programme", *Gazeta.ru*, available at: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/05/17385961.shtml> (accessed 22.07.2022).
11. Tabunov, M. (2020), "Interview: how to become a social entrepreneur, and why it is profitable", *RBC+*, 31 August 2020, available at: <https://nsk.plus.rbc.ru/news/5f486e977a8aa901222dbcb> (accessed 31.10.2021).
12. Zvereva, N.I. (2019), *Atlas praktik razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva* [Atlas of Social Entrepreneurship Development Practices], FRSP "Nashe budu-shchee", Moscow, RUS,
13. Blazhchishina, U. (2020), "The long road to the registry. Why social entrepreneurs are in no hurry to confirm their status", *Rossiyskaya Gazeta* [Russian Newspaper], 25 August 2020, no. 188 (8242), available at: <https://rg.ru/2020/08/25/reg-szfo/pochemu-socialnye-predprinimateli-nespeshat-podtverzhdatsvoystvo.html> (accessed 20.07.2022).
14. "Social enterprise" – a status actively supported by the state" (2021), *Zebra TV*, 22 September 2021, available at: <https://zebra-tv.ru/novosti/biznes/sotsialnoe-predpriyatie-status-aktivno-podderzhivaemyy-gosudarstvom/> (accessed 20.07.2022).
15. "About the Association", *Assotsiatsiya sotsial'nykh predprinimatelei* [Association of Social Entrepreneurs], available at: <https://asp-delo.ru/ob-assotsiatsii/> (accessed 31.10.2021).
16. "Business on display: they don't take bribes and do business openly" (2019), *Editorial*, YouTube, available at: https://www.youtube.com/watch?v=hVVSpxK_ko0&t=2435s (accessed 20.07.2022).
17. "Cream-honey with berries. Building a workshop" (2014), *Boomstarter*, available at: https://boomstarter.ru/projects/85183/krem-med_s_yagodkami_stroim_tseh (accessed 31.10.2021).
18. "More than 2 thousand tickets were sold for the charity concert of the band "Chai" in the village of Maly Turysh" (2018), *Kommersant*, 30 July 2018, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3700881> (accessed 31.10.2021).
19. "Guzel Sanzhapova: how to save the village and earn money", (2020), *Say Gordeeva*, YouTube, available at: https://www.youtube.com/watch?v=ls80mWkg_CE (accessed 31.10.2021).
20. "Project "Krysha Turysha": about building of the community centre and aims on reality show" (2020), *Spravoch'naya* [Reference], 2 June 2020, available at: <https://allo.tochka.com/reality-episode-3> (accessed 31.10.2021).
21. Shlyakhov, E. (2018), "Social entrepreneurship and crowdfunding: big plans of Small Turysh", *Biz360*, 7 May 2018, available at: <https://biz360.ru/materials/sotsialnoe-predprinimatelstvo-i-kraudfanding-bolshie-plany-malogo-turysha/> (accessed 31.10.2021).
22. "Leroy Merlin company launched a contest to support social projects" (2021), *Retail.ru*, 29 October 2021, available at: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/kompaniya-lerua-merlen-zapustila-konkurs-podderzhki-sotsialnykh-proektov/> (accessed 31.10.2021).
23. "Online course on the development of small territories #Nezavalinka 4.0" (2021), *Altourism*, available at: <https://altourism.ru/nezavalinka> (accessed 31.10.2021).
24. Skopintseva, L. (2016), "Social business and crowdfunding: collection rules", *New business. Social entrepreneurship*, 17 June 2016, available at: <http://nb-forum.ru/useful/advice/sotsial-business-pravila-sbora> (accessed 31.10.2021).
25. Nadtochiy, E. (2020), "Aldehydes sound like a flute". Blind people became the authors of perfumery compositions, *Takie dela* [Such things], 30 August 2020, available at: <https://takiedela.ru/news/2020/08/30/parfyum-nezryachikh-lyudey/> (accessed 31.10.2021).
26. "Social entrepreneurship: special attention of the city" (2022), *Small Business of Moscow*, available at: <https://mbm.mos.ru/special/sotsialnoe-predprinimatelstvo> (accessed 22.07.2022).
27. "A man at the centre of the system: what was said at SPIEF about charity and the non-profit sector" (2022), *Fond "Nashe budushchee"* [Fund "Our Future"], available at: <https://www.nb-fund.ru/press-center/media-about-us/chelovek-v-tsentre-sistemy-cto-govorili-na-pmef-pro-blagotvoritelnost-i-nekommercheskiy-sektor/> (accessed 22.07.2022).

28. "Business with a human face: how the city supports social entrepreneurship" (2022), *Expert*, available at: <https://expert.ru/2022/06/24/biznes-s-chelovecheskim-litsom-kak-gorod-podderzhivayet-sotsialnoye-predprinimatelstvo/> (accessed 20.07.2022).

29. "'Lenta' ready to employ refugees from Donbass" (2022), *Lenta*, available at: <https://lenta.com/o-kompanii/news/-----33/> (accessed 22.07.2022).

30. "'Magnit' will retrain refugees and jobless Petersburgers" (2022), *Business Petersburg*, 30 March 2022, available at: https://www.dp.ru/a/2022/03/30/Magnit_pereobuchit_potet (accessed 22.07.2022).

31. Gurova, S. (2022), "Why brands should keep talking about values", *RBC Trends*, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/social/626b88cf9a7947cefa6b3128?page=tag&nick=opinion&from=infinityscroll> (accessed 22.07.2022).

32. *Edelman Trust Barometer* (2021), available at: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf> (accessed 22.07.2022).

Information about the authors.

Anna V. Pryakhina – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Associate Professor at the Department of Communication Technology and Public Relations, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: culture, communications, social and media problems in modern society.

Diana A. Bagdasaryan – Master's Degree student (2st year) at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 14 scientific publications. Area of expertise: sustainable development, project-based education.

Alisa M. Bukovskaya – Student (4th year) at the Department of Communication Technologies and Public Relations, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: advertising and PR.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 30.07.2022; adopted after review 29.09.2022; published online 22.11.2022.

Оригинальная статья
УДК 811.112
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-106-117>

О границах языковых и политических (на примере рипуарской диалектной группы)

Елена Сергеевна Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
middjungards@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>*

Введение. В статье рассматривается рипуарская диалектная группа, распространенная на территории трех современных государств – Германии, Бельгии и Нидерландов. Актуальность ее обусловлена поднятием вопроса о восприятии диалекта его носителями, при этом особое внимание уделено языковой ситуации в Бельгии. Научная новизна заключается в попытке определения соотношения государственных и языковых границ в указанном регионе.

Методология и источники. Статья написана на базе исследований отечественных и зарубежных лингвистов по диалектологии (В. М. Жирмунский, Ф. Мюнх, В. Хаубрихс) и диалектографии (К. Хааг, А. Бах, Х. Кахот и Х. Беккерс). Для характеристики диалектов были использованы описательный и сопоставительный методы. Анализ социолингвистического положения диалектов опирался на работы П. Ауэра, Т. Фрингса, Х. Кахота, Х. Беккерса и др. Кроме того, для отслеживания актуальной точки зрения носителей диалектов привлекались данные бельгийских интернет-сайтов и форумов. Подобный комплексный метод позволяет оценить не только лингвогеографические, но и новейшие экстралингвистические данные.

Результаты и обсуждение. В статье рассматриваются область распространения и характерные признаки рипуарских диалектов, история их употребления на территории Германии, Нидерландов и Бельгии, при этом особое внимание уделяется влиянию диалекта Кёльна. Также анализируется положение рипуарских диалектов в Восточных кантонах современной Бельгии. Затрагиваются проблемы языковой самоидентификации носителей рипуарских диалектов и их ассоциация с литературным верхненемецким языком, при этом отмечается, что последняя наблюдается далеко не всегда.

Заключение. Отмечена зависимость лингвистической ситуации в Бельгии от политических и социокультурных факторов, при которой государственные границы играют существенную роль в самоидентификации носителей диалекта.

Ключевые слова: диалектология, диалектография, рипуарская диалектная группа, верхненемецкий, нижненемецкий, изоглоссы

Для цитирования: Тихонова Е. С. О границах языковых и политических (на примере рипуарской диалектной группы) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 106–117. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-106-117.

© Тихонова Е. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

On Linguistic and Political Borders (the Case of the Ripuarian Dialect Group)

Elena S. Tikhonova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
middjungards@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>*

Introduction. The paper considers the Ripuarian dialect group spread on the territory of three modern states – Germany, Belgium and the Netherlands. The research concentrates on the dialect's reception by its speakers, while special attention is paid to the language situation in Belgium. Defining the correspondence of state and linguistic borders in this region might be of great current scientific interest.

Methodology and sources. The research methodology is based on Russian and foreign studies in dialectology (V. M. Zhirmunskii, F. Münch, W. Haubrichs) and dialectography (K. Haag, A. Bach, J. Kajot and H. Beckers). For the dialects' characteristics descriptive and comparative methods were used.

The analysis of the sociolinguistic situation is based on the works of P. Auer, Th. Frings, J. Kajot and H. Beckers and others. To follow the current dialect speakers' point of view the data from Belgian Internet-sites and forums were used. Such complex method allows to evaluate not only linguogeographic but also the newest extralinguistic facts.

Results and discussion. The paper examines the spread and the characteristics of the Ripuarian dialects, the history of their use in Germany, underlining the special role of Cologne's dialect. The situation with the Ripuarian dialects in modern Eastern Belgium is as well analyzed. Problems of self-identity of the dialect speakers and of dialect's connection to the High German are also considered.

Conclusion. The dependence of linguistic situation in Belgium on political and sociocultural factors, while the state boundaries play a significant role in the self-identity of dialect speakers.

Keywords: dialectology, dialectography, Ripuarian dialect group, High German, Low German, isoglosses

For citation: Tikhonova, E.S. (2022), "On Linguistic and Political Borders (the Case of the Ripuarian Dialect Group)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 106–117. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-106-117 (Russia).

Введение. В настоящей статье речь пойдет о рипуарской диалектной группе, которая принадлежит к среднефранкским диалектам и в диалектном континууме на Рейне занимает промежуточное положение между нижнефранкским, к которому принадлежит в том числе нидерландский язык, и мозельско-франкским [1, С. 3–4].

Данная группа диалектов распространена не только на территории современной Германии, но и на севере немецкоязычной части Бельгии, а также на юго-западе нидерландской провинции Лимбург.

На примере рипуарских диалектов рассматривается следующая актуальная проблема: как диалект, распространенный на территории нескольких государств, воспринимается его носителями и исследователями? Научная новизна настоящей статьи заключается в попытке ответить на вопрос, можно ли в такой ситуации говорить о едином диалекте или нет? А также

какую роль в ответе на этот вопрос играют политические, географические и когнитивные границы? И, наконец, диалект – это исключительно лингвистическое явление или же в том числе совокупность экстралингвистических факторов?

Методология и источники. Важной теоретической предпосылкой данной статьи является представление о том, что распространение диалектов определяется изоглоссами – воображаемыми линиями на карте, разграничивающими лингвистические явления. Отдельные языковые границы определяются следующими факторами: числом форм, охваченных звуковыми изменениями, частотой их употребления и степенью их изменения. Особенно важны для определения значимости границ звуковые изменения, затрагивающие ядро словарного состава языка – местоимения, частицы, вспомогательные глаголы. Инновации распространяются непрерывно, однако внутри них отдельные явления могут распространяться скачками. Важные языковые границы почти никогда не выступают в одиночку, но всегда объединяются с другими в пучки линий (нем. *Linienbündel*) [2, с. 73–74].

В XIX в. некоторые исследователи (в том числе Ж. Жильерон во Франции, Х. Шухардт и Г. Пауль в Германии) считали, что диалектные явления не имеют границ, а плавно перетекают друг в друга, но классик отечественной диалектологии В. М. Жирмунский категорически опровергал эту точку зрения [3, с. 470]. А. Бах отмечал, что границы диалектов имеют лишь тенденцию совпадать с границами территорий, но ей противодействуют разные силы [4, с. 115].

В. М. Жирмунский также подчеркивал, что отдельная изоглосса не равна лингвистической границе [3, с. 471]. Ученый отмечал, что там, где долго существуют политические и экономические границы, отдельные изоглоссы совпадают и образуют пучки, которые совпадают с границами общения, т. е. диалекты постоянно взаимодействуют с соседними. В прочих же случаях каждое грамматическое явление имеет собственные границы [3, с. 423].

Тем не менее, писал В. М. Жирмунский, распространение фонетического явления останавливается у политических и/или географических границ. Когда в одном месте накапливается достаточно сдвигов артикуляции, количество переходит в качество: теперь следует говорить не о фонетических вариантах, а о разных фонологических явлениях с противопоставлением крайних ступеней процесса (например, переход звуков /p/, /t/, /k/ в /f/, /s/, /x/) [3, с. 457]. Разные линии возникают не одновременно, а в течении некоторого периода времени, но вокруг одной «точки сбора», подготовленной исторической ситуацией. Распространение новых форм постепенно приводит к образованию линии, и в этом проявляется вечное стремление исключений стать правилом [5, S. 206].

В немецкоязычной диалектологии и диалектографии неоднократно встречается мнение, что в настоящее время границы диалектов все больше совпадают с государственными границами (П. Ауэр [6], Р. Гольц и А. Уокер [7], Л. Кремер [8]). Так, П. Ауэр указывает, что хотя политические границы и не влияют на лингвистические различия напрямую, но могут влиять на человеческие когнитивные карты так, что в представлении самих носителей политическая граница становится равной границе языковой, даже если языковые факты этому противоречат. Ссылаясь на Г. Зиммеля, П. Ауэр подчеркивает, что граница – явление не физическое, а ментальное, это когнитивное пространство [6, S. 12]. Он также отмечает, что, например, на границе немецкого и нидерландского языков последние 60 лет (статья напи-

сана в 2005 г., т. е. на данный момент уже почти 80 лет) есть развитие, и диалекты расходятся все больше. Диалекты испытывают сильное давление со стороны литературной нормы, которая символизирует национальную идентичность, поэтому диалектный континуум постепенно уступает место совпадению границ распространения диалекта и государственных границ [6, S. 18f.].

Х. Кахот и Х. Беккерс также отмечают, что граница диалектов пересекает государственные и культурные границы, но литературная норма оказывает все большее влияние [9, S. 155]. Р. Гольц и А. Уокер даже сомневаются, стоит ли причислять диалекты к северу от линии Бенрата – изоглоссой *taken/machen* «делать» в рамках второго передвижения согласных – к нижнефранкским, и отмечают, что все диалекты можно «приписать» к соответствующим литературным языкам [7, p. 32].

Влияние литературных языков (немецкого для Германии и нидерландского для Нидерландов и Бельгии соответственно) диалекты в рассматриваемом регионе испытывают, начиная с XIX в. Сокращение сферы употребления диалектов (функциональная потеря) приводит к структурным потерям. Теперь структурные различия существуют и в диалектах, а не только в том, какой литературный язык главенствует над ними. В сознании носителей также есть тенденция к замене диалекта в обиходе разговорным языком, который ориентируется на литературную норму. В результате диалект как средство коммуникации, не знающее границ, разрушается [8, S. 3401].

С естественными ландшафтными границами языковые границы могут совпадать отчасти, даже при отсутствии политических границ. Так, р. Рейн нигде не является языковой границей, и диалектные явления пересекают ее. А рипуарский и мозельско-франкский диалекты влияют друг на друга слабо, поскольку между ними есть естественное препятствие – горы Айфель на западе и горы Зибенгебирге на востоке. На севере же никаких препятствий для взаимопроникновения диалектов нет, поэтому на берегах р. Рур в рипуарский попали явления из нижнефранкского [1, S. 4–5].

С другой стороны, политические союзы с самого начала своего существования приспособились к ландшафту. Почти все современные языковые границы совпадают с политическими границами Нового времени [2, с. 74] либо с границами средневековых феодальных территорий [3, с. 424]. Так, граница рипуарского диалекта – это, по сути, граница курфюршества Кёльнского и герцогств Юлих и Берг. Граница же второго передвижения согласных на севере (линии Бенрата и Урдингена) представляет собой границу между курфюршеством Кёльн и герцогством Клеве [3, с. 559]. При этом влияние исчезнувших политических границ держится не более 300 лет, какими бы значительными они ни были, а новые начинают оказывать влияние уже через 30–50 лет, т. е. инновации распространяются очень быстро. Там же, где политические границы совпадают с физическими (с ландшафтом), образуются особо глубокие языковые границы [2, с. 75–76].

Таким образом, все исследователи сходятся в том, что политические границы так или иначе влияют на распространение диалектов. Для анализа ситуации непосредственно с рипуарской диалектной группой обратимся к ее признакам, распространению в ходе истории и современному, а также проанализируем восприятие данного лингвистического феномена его носителями посредством обращения к немецкоязычному сегменту бельгийского

Интернета. Источниками примеров диалектальных явлений послужили в том числе языковые карты Института страноведения и региональной истории [10].

Результаты и обсуждение. Граница рипуарской диалектной группы на севере совпадает с линией Бенрата, на юге эта граница доходит до Зигена, а на западе – до Эйпена в Бельгии. Южная граница довольно точно повторяет границу федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия. Рипуарские диалекты также представлены в двух небольших областях на севере федеральной земли Рейнланд-Пфальц – Бад-Нойенар-Арвайлер и Линц, входящих в Кёльнское курфюршество. Кроме того, рипуарские диалекты в ходу на севере немецкоязычной части Бельгии и на юго-западной окраине провинции Лимбург в Нидерландах [11].

От мозельско-франкского рипуарский отделяет изоглосса *dorp/dorf* «деревня», линия *dat/das* «что» – мозельско-франкский от рейнско-франкского, который, в свою очередь, на юге доходит до линии *appel/apfel* «яблоко». Все эти линии в совокупности образуют так называемую Рейнскую переходную область, которая на карте по форме похожа на раскрытый веер, откуда и немецкое название Рейнский веер (*Rheinischer Fächer*). Это состояние, которое в XIX в. зафиксировал с своими анкетами Георг Венкер, мало менялось примерно с 1000 г., когда в этот регион с юга на север проникло второе передвижение согласных. Лишь позднее к этим линиям присоединилась линия Урдингена, по которой проходит изоглосса *ik/ich* «я» [12, S. 20–22]. Чередование диалектных черт объясняется исторической раздробленностью данного региона на мелкие территории [5, S. 192].

Область распространения рипуарского диалекта от Аахена до Гуммерсбаха и от Кенигсвинтера до Бенрата представляет собой единый языковой континуум, в котором, несмотря на отдельные различия, общих черт больше [1, S. 6].

Более того, до второго перебора согласных рипуарский образовывал единообразный языковой континуум с диалектами на прилегающих к нему территориях в устье Рейна и на берегах Северного моря, особенно – с нижнефранкскими областями. Противопоставления ниже- и верхненемецкого тогда еще не существовало, рипуарский вместе с нижнефранкским, англосаксонским, фризским и древнесаксонским принадлежал к ингвеонским языкам. Фактически это был нижненемецкий язык с непередвинутыми согласными */p/, /t/, /k/*, а также */sk/* в абсолютном начале слова, */s/* перед согласным и */s/* после */r/*.

Кроме отсутствия второго перебора, рипуарские диалекты характеризуются такими явлениями, как вокализация (*rēt* «правый, правильный», нем. *recht*), компенсаторное удлинение перед спирантами (*dās* «барсук», нем. *Dachs*) и перед */rʃ/, /rs/* (*dūarš, dōrs* «жажда», нем. *Durst*), палатализация (*wīn* «вино», нем. *Wein*; *tsik* «время», нем. *Zeit*) и гуттурализация (*hoŋk* «собака», нем. *Hund*) [5, S. 147–149].

В распространении рипуарского на территории Германии в ходе истории нельзя переоценить престиж и влияние Кёльна, который находится в центре рипуарской диалектной территории, где уже с середины XIII в. в области права и делопроизводства происходит переход с латыни на рипуарский диалект. Процесс этот занял около 150 лет. В XIV–XV вв. происходит стабилизация консонантизма в письменном рипуарском, и применительно к Кёльну можно говорить о его стандартизации [13, S. 2720–2721]. Этот диалект, бывший в ходу в Кёльне до 1880-х гг. называют «кёльнский платт» (*kölsch Platt / platt Kölsch*) [12, S. 54], в отличие от современного кёльнского диалекта (*Kölsch*), который его вытеснил [12, S. 11].

В средневековом диалекте Кёльна, в отличие от остального рипуарского, было более последовательно проведено второе передвижение, но наблюдалось много различий в вокализме, что объясняется активной торговлей и престижем верхненемецкого [1, S. 6].

Рипуарский использовался также в областях, находившихся под экономическим и культурным влиянием Кёльна, и дольше всего как письменный язык он сохранялся в северной части Рейнской области, где влияние Кёльна было особенно сильно [13, S. 2722]. С присоединением новой территории к политическому центру, крупному или маленькому, туда приходили новые чиновники, приносившие с собой языковые инновации. Отдельные представители высших слоев общества еще в XI–XII вв. начали использовать южные, рипуарские формы, задолго до того, как они стали употребительны среди основной массы носителей диалекта. Так, южные формы проникли за нижнефранкскую границу, а второе передвижение со всеми его нижнефранкскими-рипуарскими противоречиями остановилось на границе графства Юлих, поскольку здесь заканчивалась сфера влияния юлихского административного аппарата. Юлих, в свою очередь, входил в сферу влияния Кёльна [5, S. 196–200]. Таким образом, под политическим влиянием Кёльна и его окружения старая граница между нижнефранкским и рипуарским сместилась с линии Бенрата на линию Урдингена, а между ними находился пучок переходных явлений [5, S. 99]. То есть для рипуарского надо говорить не о втором передвижении согласных, а о постепенном заимствовании верхненемецкой лексики [5, S. 156].

Влияние отдельных более-менее крупных центров до сих пор играет существенную роль. Так, вокруг Аахена есть своя, переходная рипуарско-лимбургская диалектная зона, но находящийся всего в 15 км от него на бельгийской территории Эйпен достаточно экономически независим, чтобы не попасть под его влияние, и в этом регионе также есть автономные инновации. С другой стороны, Эйпен слишком мал, чтобы самому распространять свое влияние на соседние области [9, S. 183–185].

Исторически зона распространения рипуарских диалектов выходила за пределы современной Германии. В. Хаубрихс подчеркивает, что следы франкских диалектов намного западнее современной романо-германской границы – в Северной Франции, Валлонии и Фландрии – это результат престижа германских диалектов на захваченных франками территориях. Первая политическая граница в Европе, проведенная по языковой границе, – это граница 1839 г., по которой франкоязычная часть Люксембурга отошла Бельгии [14, S. 3334f.].

В Средние века и Раннее Новое время существовал единый языковой континуум между средненидерландским на западе и средненемецким на востоке, и для письменного языка также не было четкой границы. Отдельные черты проявлялись сильнее в определенных областях. Для этого времени разграничить немецкий и нидерландский невозможно, для носителей это был один язык – *Diets/Duits/Deutsch* [8, S. 3397–3399].

Для развития национальных литературных языков и, соответственно, языковых границ огромную роль сыграл отказ от латыни как языка делопроизводства, что на Нижнем Рейне произошло в конце XIII в. При этом южная часть Нидерландов рано (в XIV–XV вв.) подверглась сильному рипуарскому влиянию, вплоть до предпочтения рипуарского письменного языка в Мерсе. Однако последующий отказ от региональных письменных языков на нижненемецком севере и в Кёльне и его постепенное вытеснение верхненемецким, а также

растущий вместе с политическим и культурным значением Нидерландов престиж нидерландского на западе сделали для нижнерейнского региона невозможным сохранение собственного письменного языка [15, S. 2633–2634].

Языковое самосознание начало развиваться с XVII в. – с появлением государственной границы, но вплоть до XVIII в. все еще можно говорить о едином диалектном континууме. Лишь с XVIII в. как носители языка, так и ученые начинают различать нидерландский и немецкий [8, S. 3397–3400], а термин «нидерландский» правомочен с XVI в., когда начинает складываться литературный язык. До того речь должна идти о нижнефранкском или нижнерейнском [15, S. 2629], который был близок к рипуарским диалектам, в то время как современный ближе к фризскому языку [3, с. 556].

В Германии о переходе от письменного диалекта к общему для всех верхненемецкому можно говорить, начиная с XVI в., когда одновременно со сменой ценностей для собственной идентичности становится более значимым не только родной город, а вся немецкая империя. Диалекты начинают восприниматься как нечто низкое и теряют свой статус. Лишь с XIX в., после французского вторжения в Рейнскую область, диалекты вновь начинают оцениваться положительно (свою лепту здесь также внес немецкий национальный романтизм) [13, S. 2723–2725].

Со второй половины XIX в. происходит постепенное, а после Второй мировой войны – стремительное «оверхненемечивание» нижнефранкских диалектов. По другую сторону границы одновременно происходит «нидерландизация». Эти факторы приводят к разрыву некогда единого диалектного континуума по обе стороны границы [15, S. 2637]. К. Маттейер предполагает, что сейчас можно говорить о дедиалектизации (*Entdialektisierung*) немецкого [15, S. 2726]. Г. Корнелиссен, напротив, говорит о возрождении диалектов, по крайней мере в регионе Кёльна с 1970-х гг. [12, S. 130].

Обратимся к современному положению рипуарской диалектной группы в Бельгии. На рипуарской группе диалектов среди прочих говорят в Валлонии, где в общей сложности около 100 тыс. человек являются носителями германских языков и/или диалектов – в том числе немецкого, люксембургского и лимбургского. Рипуарский в германоязычных кантонах основан преимущественно на диалекте Кёльна. Кроме того, на северо-востоке бельгийской провинции Льеж в ходу переходной языковой вариант между лимбургским и рипуарским – так называемый плат-дитс, который в 1992 г. был признан в Валлонии одним из региональных языков [16, с. 101].

Однако данный региональный язык представляет собой определенную терминологическую проблему, отчасти обусловленную областью его распространения (Германия, Нидерланды, Бельгия). Так, диалектологи Германии используют термин «рипуарский франкский», во Фландрии и Нидерландах – «юго-восточный лимбургский», а в Валлонии и Франции – «каролингский франкский». Нидерландский лингвист Ж. Фринс предлагал для диалектов в радиусе 15–20 км вокруг Аахена термин «лимбургский язык трех государств» (нем. *Länderdreieck*). Также в ходу название «лимбургско-рипуарский», которое подразумевает, что это самостоятельный, отдельный от лимбургского языка, на что указывают романские черты в синтаксисе, а также заимствования из французского и валлонского языков [16, с. 109].

На диалектную принадлежность разных областей Бельгии также существуют разные точки зрения. Согласно Й. Шрайнену, регион Льежа, как и так называемая Немецкая полоса (*Deutsche Strich*), с точки зрения употребительного языка является нидерландским или фламандским, но не немецким, хотя верхненемецкий и используется там как язык культуры (например, на нем ведется церковная служба). Языком общения является нижненемецко-(нижнефранкско-)лимбургский. А регион Эйпена органично связан с нижнефранкским Лимбурга и Рейнской области [5, S. 102].

Носители этих диалектов считают, что их нельзя причислить ни к немецкому, ни к нидерландскому, но надо рассматривать как нижнефранкско-рипуарские диалекты. Однако языком культуры является немецкий, который как таковой вытесняет рипуарский, например, в учреждениях Балена, Монцена и Вальхорна [17].

На дискуссию о месте рипуарских диалектов в Восточных кантонах Бельгии влияют и политические причины. Так, в коммуне Вурен до сих пор есть носители рипуарских диалектов, из-за чего фламандские власти настаивают на германском характере этого региона и продолжают внедрять фламандский вариант нидерландского языка. В свою очередь, валлонские власти поддерживают плат-дитс как альтернативу нидерландскому и немецкому языкам, которые воспринимаются как угроза французскому [16, с. 109–110].

С точки зрения социолингвистики одна из проблем заключается в том, что немецким диалектам на франкофонной территории в Восточной Бельгии не противопоставлен немецкий литературный язык как норма, в том числе это играет принципиальную роль для (само)идентификации носителей диалекта [9, S. 151], поскольку национальная идентичность складывается из языка, социокультурных маркеров и социокоммуникативного пространства [13, S. 2714]. Влияние литературного немецкого фактически ограничивается несколькими населенными пунктами на границе с Германией.

Далее, немецкоязычные территории Бельгии неоднородны, это не самостоятельная группа диалектов, но связанная с рипуарскими диалектами на территории Германии в области между линией Бенрата и изоглоссой *dorf/dorp* «деревня»: северная часть Бельгии (провинция Льеж) делится на нижнефранкский Эйпен и рипуарско-мозельско-франкский Сен-Вит. Кроме того, на немецком говорят на юге, в Арлонских землях (провинция Люксембург). Между ними проходит полоса шириной около 40 км, принадлежащая Великому Герцогству Люксембург. Внутри Бельгии граница между фламандскими и немецкими диалектами совпадает с пучком изоглосс [9, S. 151–152]. Важную роль играет и экстралингвистический критерий, а именно граница Бельгии, Германии и Люксембурга.

Еще одной проблемой является вопрос престижа диалектов. Если в деревнях бельгийского Айфеля число носителей диалекта еще относительно высоко, то на севере немецкоязычного сообщества, особенно в Эйпене и Кеттени, диалект используют намного меньше людей, особенно как язык администрации [18].

С одной стороны, в немецкоязычном сообществе ведутся споры, надо ли обучать детей плат-дитс, не является ли он «упрощенным» или даже «испорченным» рипуарским вариантом литературного немецкого языка. С другой стороны, сами бельгийцы считают необходимым проводить мероприятия по поддержке плат-дитс и других диалектов, принимать меры по сохранению этой части их культурного наследия [18].

При этом само немецкоязычное сообщество стремится к трехязычной Бельгии, а немецкий имеет шанс стать языком культуры [19]. В Брюсселе, однако, этого не замечают, несмотря на то что формально немецкий является одним из государственных языков. Более того, игнорируется даже тот факт, что Валлония и Льеж фактически двуязычны (французский и немецкий). Даже английский в Брюсселе получает статус официального языка, а немецкий – нет. При этом примерно для 20 тыс. жителей Брюсселя немецкий является родным языком. Сложилась ситуация, когда культурное сообщество есть, а конституционного статуса у него нет. При этом именно лимбургско-рипуарский диалектный континуум мог бы стать объединяющим фактором, поскольку он является единственным германским языком Бельгии, который соединяет Фламандский и Валлонский регионы в языковом и культурном отношениях: лимбургский язык Фландрии перетекает в плат-дитс Валлонии и наоборот [16, с. 114].

Оказавшись после Второй мировой в Бельгии, немецкоязычное сообщество с трудом смогло выработать собственное самосознание. В ходе двух мировых войн в Германии общины между Монценом и Баленом, говорящие на плат-дитс, рассматривались как часть Германии, и лишь после Второй мировой они вернулись к Бельгии.

В случае не такого уж маловероятного распада Бельгии у немецкоязычного сообщества есть четыре возможности: остаться в независимой Валлонии, создать собственное государство, вернуться в Германию или объединиться с Великим Герцогством Люксембург [16, с. 114].

Сами немецкоязычные жители Бельгии подчеркивают, что они – лояльные бельгийские верноподданные [20], однако же идентифицируют себя с немецким языком [21]. В этом свете интересен следующий комментарий в Интернете, предположительно от немецкоговорящего гражданина Бельгии: «Дать немецкоязычному сообществу статус региона или как минимум провинции было бы следующим логичным шагом» [19].

Заключение. В случае с рипуарской диалектной группой речь идет именно о диалектном континууме, различающемся отдельными чертами, но с преобладанием общих для всех составляющих его диалектов явлений. Этот континуум распространен на территории, совпадающей с политическими границами позднесредневековых государственных образований, но не с современными.

Показательно, что сами носители рипуарских диалектов в Бельгии разграничивают употребление диалектов и немецкого литературного языка и далеко не всегда идентифицируют себя как «носителей рипуарского диалекта», о чем говорит в том числе отсутствие единой терминологии. Диалект, независимо от того, называется ли он «плат-дитс» или «рипуарский», не равен немецкому языку.

Таким образом, политические границы влияют не на само распространение диалектов, но на то, как носители их воспринимают и с каким литературным языком их ассоциируют. Нельзя недооценивать и влияние диалектов или региолектов экономически крупных центров – например, Кёльна и Аахена в Германии или Эйпена в Бельгии. Именно эти экстралингвистические факторы и воздействуют на положение рипуарских диалектов в Восточной Бельгии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Münch F. Grammatik der ripuarisch-fränkischen Mundart. Wiesbaden Bonn: Co-hen, 1904.
2. Хааг К. О границах диалектов // Немецкая диалектография: сб. статей / пер. с нем. Н. А. Сигал; ред., предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 70–91.

3. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. М.: Наука, 1974.
4. Бах А. Немецкая диалектология // Немецкая диалектография: сб. статей / пер. с нем. Н. А. Сигал; ред., предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 92–149.
5. Frings Th., van Ginneken J. Zur Geschichte des Niederfränkischen in Limburg // Zeitschrift für Deutsche Mundarten. 1919. № 14. S. 97–209.
6. Auer P. The construction of linguistic borders and the linguistic construction of borders // Dialects across Borders. Selected papers from the 11th international conference on methods in dialectology (methods XI), Joensuu, August 2002. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B. V., 2005. P. 3–30.
7. Goltz R. H., Walker A. G. H. North Saxon // The Dialects of Modern German. A Linguistic Survey / ed. by Ch. V. J. Russ. London: Routledge, 1990. P. 31–58.
8. Kremer L. Geschichte der deutsch-friesischen und deutsch-niederländischen Sprachgrenze // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 4. Teilband. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2004. S. 3390–3404. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3390>.
9. Kajot J., Beckers H. Zur Diatopie der deutschen Dialekte in Belgien // Bijlagen van de Vereniging voor Limburgse Dialect- en Naamkunde. 1979. № 1. P. 150–218.
10. Sprachkarten. URL: https://rheinische-landeskunde.lvr.de/de/sprache/wissensportal_neu/sprachkarten_1/sprachkarten.html (дата обращения: 10.11.2021).
11. Рипуарские диалекты // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рипуарские_диалекты (дата обращения: 10.11.2021).
12. Cornelissen G. Kölsch. Porträt einer Sprache. Köln: Greven, 2019.
13. Mattheier K. J. Aspekte einer rheinischen Sprachgeschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 3. Teilband. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2003. S. 2712–2729.
14. Haubrichs W. Geschichte der deutsch-romanischen Sprachgrenze im Westen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 4. Teilband. Berlin/NY: Walter de Gruyter, 2004. S. 3331–3346. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3331>.
15. Eickmans H. Aspekte einer niederrheinischen Sprachgeschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 3. Teilband. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2003. S. 2629–2639. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110194173-025>.
16. Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А. Языковая ситуация в современной Бельгии. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020.
17. Dialekt und Landessprache // Royal Syndicat d'initiative. Trois-Frontières. URL: <https://www.trois-frontieres.be/D/dialecte.php> (дата обращения: 10.11.2021).
18. Ostbelgien Direkt. Dialektatlas vorgestellt: Hat Platt in Ostbelgien noch Zukunft? // Ostbelgiendirekt. URL: <https://ostbelgiendirekt.be/dialektatlas-hat-platt-ostbelgien-zukunft-37736> (дата обращения: 10.11.2021).
19. Belgieninfo. Wir sprechen Deutsch! // Belgieninfo. URL: <https://www.belgieninfo.net/wir-sprechen-deutsch/> (дата обращения: 10.11.2021).
20. Im Osten Belgiens spricht man Deutsch // Welt. URL: <https://www.welt.de/reise/nah/article202784332/Belgien-Im-Osten-des-Landes-spricht-man-Deutsch.html> (дата обращения: 10.11.2021).
21. Die Menschen in der Deutschsprachigen Gemeinschaft // Das Bürgerinformationsportal. URL: https://ostbelgienlive.be/desktopdefault.aspx/tabid-1052/1527_read-45661 (дата обращения: 10.11.2021).

Информация об авторе.

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор свыше 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкого языка, историческая прагматика, исторический синтаксис, немецкая диалектология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.11.2021; принята после рецензирования 22.12.2021; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Münch, F. (1904), *Grammatik der ripuarisch-fränkischen Mundart*, Cohen, Bonn, GER.
2. Haag, K. (1955), "On the Dialects' Borders", *Nemetskaya dialektografiya* [German Dialectography], Transl. by Sigal, N.A., in Zhirmunskii, V.M. (ed.), *Inostrannaya literatura*, Moscow, RUS, pp. 70–91.
3. Zhirmunskii, V.M. (1974), *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic Linguistics], Nauka, Moscow, USSR.
4. Bach, A. (1955), "German Dialectology", *Nemetskaya dialektografiya* [German Dialectography], Transl. by Sigal, N.A., in Zhirmunskii, V.M. (ed.), *Inostrannaya literatura*, Moscow, RUS, pp. 92–149.
5. Frings, Th. and van Ginneken, J. (1919), "Zur Geschichte des Niederfränkischen in Limburg", *Zeitschrift für Deutsche Mundarten*, 14 Jahrg., S. 97–209.
6. Auer, P. (2005), "The construction of linguistic borders and the linguistic construction of borders", *Dialects across Borders. Selected papers from the 11th international conference on methods in dialectology (methods XI)*, Joensuu, August 2002, Markku Filppula et al. (eds.), John Benjamins B.V., Amsterdam; Philadelphia, pp. 3–30.
7. Goltz, R.H. and Walker, A.G.H. (1990), "North Saxon", *The Dialects of Modern German. A Linguistic Survey*, Russ, Ch.V. J. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 31–58.
8. Kremer, L. (2004), "Geschichte der deutsch-friesischen und deutsch-niederländischen Sprachgrenze", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 4. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 3390–3404. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3390>.
9. Kajot, J. and Beckers, H. (1979), "Zur Diatopie der deutschen Dialekte in Belgien", *Bijlagen van de Vereniging voor Limburgse Dialect- en Naamkunde*, no. 1, pp. 150–218.
10. *Sprachkarten*, available at: https://rheinische-landeskunde.lvr.de/de/sprache/wissensportal_neu/sprachkarten_1/sprachkarten.html (accessed 10.11.2021).
11. "Riparian Dialects", *Wikipedia*, available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рипуарские_диалекты (accessed 10.11.2021).
12. Cornelissen, G. (2019), *Kölsch. Porträt einer Sprache*, Greven, Köln, GER.
13. Mattheier, K.J. (2003), "Aspekte einer rheinischen Sprachgeschichte", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 3. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 2712–2729.
14. Haubrichs, W. (2004), "Geschichte der deutsch-romanischen Sprachgrenze im Westen", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 4. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 3331–3346. <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3331>.

15. Eickmans, H. (2003), "Aspekte einer niederrheinischen Sprachgeschichte", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 3. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 2629–2639. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110194173-025>.
16. Zhuravleva, O.M. and Ul'yanitskaya, L.A. (2020), *Yazykovaya situatsiya v sovremennoi Bel'gii* [Linguistic Situation in Modern Belgium]. ETU Publishing House, SPb., RUS.
17. "Dialekt und Landessprache", *Royal Syndicat d'initiative. Trois-Frontières*, available at: <https://www.trois-frontieres.be/D/dialecte.php> (accessed 10.11.2021).
18. "Ostbelgien Direkt. Dialektatlas vorgestellt: Hat Platt in Ostbelgien noch Zukunft?", *Ostbelgiendirekt*. available at: <https://ostbelgiendirekt.be/dialektatlas-hat-platt-ostbelgien-zukunft-37736> (accessed 10.11.2021).
19. "Wir sprechen Deutsch!", *Belgieninfo*, available at: <https://www.belgieninfo.net/wir-sprechen-deutsch/> (accessed 10.11.2021).
20. "Im Osten Belgiens spricht man Deutsch", *Welt*, available at: <https://www.welt.de/reise/nah/article202784332/Belgien-Im-Osten-des-Landes-spricht-man-Deutsch.html> (accessed 10.11.2021).
21. "Die Menschen in der Deutschsprachigen Gemeinschaft", *Das Bürgerinformationsportal*, available at: https://ostbelgienlive.be/desktopdefault.aspx/tabid-1052/1527_read-45661 (accessed 10.11.2021).

Information about the author.

Elena S. Tikhonova – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: history of German language, historical pragmatics, historical syntaxis, German dialectology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 16.11.2021; adopted after review 22.12.2021; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-118-128>

Метафоры «человек-животное», «животное-человек» в романе Т. Моррисон «Возлюбленная»

Юлия Геннадьевна Тимралиева^{1✉}, Мария Сергеевна Брайтлиг²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹juliati@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>

²kharamova_mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0776-5239>

Введение. Целью данной статьи является исследование метафор «человек-животное» и «животное-человек» на материале романа Т. Моррисон «Возлюбленная». Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности языковой специфики этого знакового для современной американской литературы романа, в отсутствии исследований по выявлению и анализу ключевых метафор, отражающих концептуализацию автором действительности.

Методология и источники. Авторы, опираясь на семантический и когнитивный подходы, рассматривают метафору как соединение двух планов: языкового и ментального. Для описания механизма метафорических переносов в статье используются предложенные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном термины, характеризующие взаимодействие двух структур знаний: сферы-источника и сферы-цели.

Результаты и обсуждение. Исследование показало, что метафора «человек-животное» становится одной из самых продуктивных в романе. Данная метафорическая структура включает в себя следующие элементы сферы-источника: названия животных; части тела животных; свойства животных; предметы, используемые в обращении с животными; действия, осуществляемые по отношению к животным и самими животными; люди, осуществляющие действия по отношению к животным. Актуальность данной метафоры и многообразие источников переноса диктуется тематикой романа, осмысляющего одну из самых острых проблем американской истории – тему рабства. Бесправное положение человека-раба, его «животная» зависимость от рабовладельца образуют концептуальную основу большинства метафорических переносов в рамках данного лексико-семантического поля. Метафора «животное-человек» употребляется реже и служит в первую очередь для усиления контраста между жизнью человека-раба и животного, зачастую чувствующего себя более уверенно и свободно. Данная метафорическая структура включает в себя следующие элементы сферы-источника: формы обращения к человеку, имена персонажей книги, титул человека, действия человека, свойства человека, объекты, связанные с человеком.

Заключение. В романе Т. Моррисон «Возлюбленная» метафора выступает значимым элементом текстовой структуры, отражающим языковую картину мира автора. Особенно продуктивными являются взаимные уподобления человека и животного, образно осмысляющие жизнь и мироощущение человека-раба, регулярно подвергаемого физическому и моральному насилию.

© Тимралиева Ю. Г., Брайтлиг М. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Тони Моррисон, «Возлюбленная», метафора, человек, животное

Для цитирования: Тимралиева Ю. Г., Брайтлинг М. С. Метафоры «человек-животное», «животное-человек» в романе Т. Моррисон «Возлюбленная» // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 118–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-118-128.

Original paper

The Metaphors “Human-Animal”, “Animal-Human” in T. Morrison’s Novel “Beloved”

Julia G. Timralieva^{1✉}, Maria S. Breitling²

^{1, 2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹*juliatl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>*

²*kharlamova_mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0776-5239>*

Introduction. The study investigates the role of the metaphors “human-animal”, “animal-human” based on the novel “Beloved” by T. Morrison. The relevance of the research lies in the lack of knowledge of the linguistic specifics of this landmark novel for modern American literature, in the absence of research to identify and analyze key metaphors reflecting the author's conceptualization of reality.

Methodology and sources. The authors of this article, relying on semantic and cognitive approaches, consider metaphor as a combination of two planes: linguistic and mental. To describe the mechanism of metaphorical transfers, the article uses the proposed by J. Lakoff and M. Johnson, terms characterizing the interaction of two knowledge structures: the source sphere and the target sphere.

Results and discussion. The study showed that the metaphor “man-animal” becomes one of the most productive in the novel. This metaphorical structure includes the following elements of the source sphere: animal names; animal properties; animal body parts; objects characterizing animal activities; actions carried out in relation to animals and animals themselves; people performing actions in relation to animals. The relevance of this metaphor and the variety of sources of transference is dictated by the theme of the novel, comprehending one of the most acute problems of American history – the theme of slavery. The disenfranchised position of a human slave, his “animal” dependence on the slave owner forms the conceptual basis of most metaphorical transfers within this lexical and semantic field. The metaphor “animal-human” is used less often and serves, first of all to enhance the contrast between the life of a human slave and an animal who sometimes feels more confident and freer. This metaphorical structure includes the following elements of the source sphere: forms of addressing a person, the names of the characters in the book, the title of a person, human actions, human properties, objects associated with a person.

Conclusion. In the novel “Beloved” by T. Morrison, the metaphor is a significant element of the textual structure reflecting the author's linguistic picture of the world. Especially productive are the mutual likenesses of man and animal, figuratively interpreting the life and attitude of a human slave who is regularly subjected to physical and moral violence.

Keywords: Toni Morrison, “Beloved”, metaphors, man, animal

For citation: Timralieva, J.G. and Breitling, M.S. (2022), “The Metaphors “Human-Animal”, “Animal-Human” in T. Morrison’s Novel “Beloved””, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 118–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-118-128 (Russia).

Введение. Роман афроамериканской писательницы, лауреата Нобелевской премии Тони Моррисон «Возлюбленная» является знаковым произведением американской литературы второй половины XX в. Роман был опубликован в 1987 г. и сразу стал финалистом Национальной книжной премии, а год спустя был удостоен Пулитцеровской премии. В 1998 г. роман был экранизирован.

Сюжет основан на реальной истории, которая произошла с негритянской рабыней Маргарет Гарнер, сбежавшей от рабовладельца в Кентукки в свободный штат Огайо и убившей родную дочь, чтобы защитить ее от рабства. Роман стал революционным для американского общества, так как до него большая часть американской литературы рассказывала историю рабства с точки зрения белых людей, которые часто оставляли за рамками повествования неприглядные стороны этого явления. «Возлюбленная» повествует о рабстве с позиций человека-раба, описывая историко-социальный контекст событий глазами темнокожих, осмысляя и прорабатывая проблемы людей, долгое время подвергавшихся физическому и моральному насилию.

Крайне важная для американской истории тема рабства – одна из ключевых тем данного произведения – не теряет своей актуальности и в реалиях жизни современного общества. Хотя официальная отмена рабства в США произошла в 1863 г., проблема расизма в отношении афроамериканского населения в США до сих пор является нерешенной. Это подтверждает один из недавних политических протестов в США, случившийся в 2020 г. после убийства афроамериканца Джорджа Флойда белым полицейским Дерекком Шовином. Протестное движение было начато общественной организацией «Жизни черных важны» (Black lives matter) [1].

Методология и источники. Метафора является объектом изучения еще с античных времен. Известно, что одним из первых исследователей, изложивших свои взгляды на сущность и разновидности метафоры, был Аристотель. В своем знаменитом труде «Поэтика» Аристотель определил метафору как сокращенное сравнение, из которого исключено указание на общий признак сравниваемых объектов [2]. Позже к изучению метафор обращались такие известные мыслители прошлого, как Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Пауль, В. фон Гумбольдт, Ф. Ницше и мн. др.

В настоящее время метафора является предметом исследования в разных областях научного знания, в том числе в теории искусственного интеллекта, логике, психологии, филологии, философии и других областях. В филологии метафора изучается в рамках лексикологии, стилистики, поэтики, лингвистики текста и дискурса, семиотики, теории коммуникации, когнитивистики, социо- и психолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и является одним из самых востребованных объектов филологических исследований.

В современной филологии существуют различные теории метафоры и подходы к ее изучению. Метафора рассматривается как отражение языковых значений (семантический подход), как отражение взаимодействия языковых знаков (семиотический подход), как способ номинации (ономасиологический подход), как способ словообразования (лексикографический подход), как способ мышления (когнитивный подход), как способ концептуализации действительности (концептуальный подход), как языковое явление (лингвистический

подход), в контексте порождения и восприятия высказывания (психолингвистический подход) и т. д. О. И. Калинин объединяет разнообразие направлений исследования в четырех основных подходах: семантическом, прагматическом, когнитивном, дискурсивном [3]. В данной статье метафора будет рассматриваться с точки зрения семантического и когнитивного подходов.

В рамках *семантического подхода* метафору рассматривали еще античные ученые-философы – Аристотель, Теофраст, Деметрий Фалерский, и долгое время предложенная ими сравнительная теория метафоры оставалась в лингвистике основополагающей. В дальнейшем этого подхода придерживались многие отечественные и зарубежные исследователи: И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, М. П. Брандес, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, И. Р. Гальперин, Е. А. Гончарова, Э. Ризель и мн. др. В рамках семантического подхода метафора и сегодня трактуется как троп, в основе которого лежит сравнение двух объектов (предметов, явлений, признаков), а перенос значения с одного объекта на другой происходит на основании некоего общего признака, выступающего условием для сравнения. По определению И. Р. Гальперина, метафора представляет собой «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [4, с. 125]. Подобное понимание сущности метафоры как средства вторичной номинации характерно в первую очередь для стилистики, поэтики, лексикологии и лексикографии. И если для стилистики и поэтики метафора служит средством создания образности, поскольку происходит «расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств» [5, с. 232], то лексикология и лексикография рассматривают метафору в качестве одного из путей развития значения слова, средства пополнения словарного запаса языка [6].

Когнитивное направление возникло на основе различных философских воззрений, основывающихся на изучении связи мышления и окружающего мира. Основными вопросами когнитивной лингвистики являются проблемы соотношения языка и сознания, а также роль языка в категоризации и концептуализации окружающей действительности. Значительное влияние на изучение метафоры в рамках данного подхода оказали такие ученые, как А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Н. Г. Складневская, В. Н. Телия, В. К. Харченко, М. Блэк, К. Бюлер, Г. Блюменберг, Э. Макормак, А. Ричардс, М. Тернер. Особого внимания заслуживает книга основателей когнитивной лингвистики Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (*Metaphors We live by*), в которой подробно описана теория концептуальной метафоры. Согласно данной теории «метафора – это феномен в большей степени ментально-когнитивный, чем лингвистический, так как наша речь, то есть языковая ипостась личности, – это не сам мыслительный процесс, а только его отражение. Соответственно, языковые метафоры надо считать поверхностным отражением метафор концептуальных, заложенных в понятийном аппарате человека и структурирующих его мышление, восприятие и деятельность» [3, с. 32].

Авторы данной статьи, опираясь на семантический и когнитивный подходы, рассматривают метафору как соединение двух планов: языкового и ментального. Для описания механизма метафорических переносов в статье используются предложенные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном термины, характеризующие взаимодействие двух структур знаний: когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [7, с. 7].

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования было обнаружено, что в романе Т. Моррисон «Возлюбленная» человеку как объекту (цели) метафоризации соответствует ряд устойчивых метафорических образов (источников). Одним из самых продуктивных метафорических переносов в романе становится уподобление человека животному. Метафорическая структура «человек-животное» включает в себя следующие элементы сферы-источника: названия животных; свойства животных; части тела животных; предметы, характеризующие деятельность животных; действия, осуществляемые по отношению к животным и самими животными; люди, осуществляющие действия по отношению к животным. Подробный анализ лексико-семантической сферы-источника «животные» представлен в табл. 1.

Таблица 1. Метафоры «человек-животное»
Table 1. The Metaphors “Human-Animal”

ЧЕЛОВЕК-ЖИВОТНОЕ	
Названия животных	канюк (buzzard) кролик (rabbit) змея (snake) рыба (fish) собака (dog) бык (bull) мул (mule) корова (cow) коза (goat) ястреб (hawk)
Названия детенышей животных	жеребенок (foal) щенок (pup)
Иные наименования животных	существо (thing) твари (creatures) самка (breeding)
Части тела животных	клыки (fangs) раздвоенный язык (split tongue) хвост (tail) крыло (wing) лицо с клювом (face beaked) когти (claws)
Свойства животных	собачья преданность (pet like adoration)
Действия, выполняемые животными	летать (fly) рычать (roar)
Предметы, используемые в обращении с животными	железные удила (iron) железные оковы (iron bits) ошейник (neck jewelry; three-spoke collar) кандалы (chain ankle) документ для записи животных (animal side of the paper) клеймо (mark) стойло (stable)
Действия людей, направленные на животных	подстрелить (pick off) ловить сетями (net) снимать шкуру (skin) торговать (trade) схватить за хвост (grab hold of its tail)
Люди, взаимодействующие с животными	звероловы (trappers) охотник (slave catcher)

Рассмотрим более подробно представленные в таблице метафорические переносы.

1. Предметы, используемые в обращении с животными

(1) «*He wants to tell me, she thought. He wants me to ask him about what it was like for him – about how offended the tongue is, held down by iron, how the need to spit is so deep you cry for it.*» [8, p. 71].

(2) «*He didn't know if it was bad whiskey, nights in the cellar, pig fever, iron bits, smiling roosters, fired feet, laughing dead men, hissing grass, rain, apple blossoms, neck jewelry. Judy in the slaughterhouse, Halle in the butter; ghost-white stairs, chokecherry trees, cameo pins, aspens, Paul A's face, sausage or the loss of a red, red heart.*» [8, p. 235].

(3) «*They put a three-spoke collar on him so he can't lie down and they chain his ankles together.*» [8, p. 227].

(4) «*And no one, nobody on this earth, would list her daughter's characteristics on the animal side of the paper. No. Oh no. Maybe Baby Suggs could worry about it, live with the likelihood of it; Sethe had refused – and refused still.*» [8, p. 251].

В данных примерах метафорический перенос с животного на человека осуществляется посредством лексики, указывающей на различные предметы, связанные с содержанием животных, в первую очередь, с управлением животными человеком / подчинением животных человеку (ошейник, удила, цепи и т. д.) Используя данную лексику по отношению к людям, автор подчеркивает статус людей, находящихся в рабстве, их «животную» зависимость от рабовладельцев, скотское отношение последних к своим рабам. Так, в примере 1 у мужчины язык скован *железными удилами*, в примерах 2 и 3 автор описывает *кандалы, ошейник и железные оковы* – предметы, ограничивающие свободу человека, подчеркивающие его зависимость от хозяина и выступающие своего рода символами рабства. В примере 4 речь идет о документе, где белые люди записывали данные о рабах вместе с данными о животных.

2. Действия людей, направленные на животных

(5) «*Not only because trappers picked them off like buzzards or netted them like rabbits, but also because you couldn't run if you didn't know how to go. You could be lost forever, if there wasn't nobody to show you the way.*» [8, p. 135].

(6) «*Unlike a snake or a bear, a dead nigger could not be skinned for profit and was not worth his own dead weight in coin. Six or seven Negroes were walking up the road toward the house: two boys from the slave catcher's left and some women from his right.*» [8, p. 148].

В примерах 5 и 6 ключевыми лексемами метафорических переносов с человека на животное становятся обозначения взаимодействующих с животными людей (охотники, звероловы) и их действий (подстрелить, ловить сетями, снимать шкуру в целях наживы, торговать), поддерживаемые сравнительными конструкциями с упоминанием животных (канюки, кролики, змеи, медведи). Уподобление раба кролику, на которого *охотник расставил сети*, сравнение его со змеей или медведем, с которых можно снять и выгодно продать шкуру, в то время как с *мертвого негра нельзя было снять шкуру ради прибыли, и он не стоил своего собственного мертвого веса в монетах*, в очередной раз подчеркивают ничтожность жизни человека-раба.

3. Названия/наименования животных и их детенышей

(7) «*What does a sixty-odd-year-old slavewoman who walks like a three-legged dog need freedom for?*» [8, p. 141].

(8) «*A strong woman, used to be. And when she talked off her head, she'd say it. "I used to be strong as a mule, Jenny".*» [8, p. 201].

(9) «*She my daughter. The one I managed to have milk for and to get it to her even after they stole it; after they handled me like I was the cow, no, the goat, back behind the stable because it was too nasty to stay in with the horses. But I wasn't too nasty to cook their food or take care of Mrs. Garner.*» [8, p. 200].

(10) «*But Halle was not killed or wounded that day because Paul D saw him later, after she had run off with no one's help; after Sixo laughed and his brother disappeared. Saw him greased and flat-eyed as a fish. Maybe schoolteacher shot after him, shot at his feet, to remind him of.*» [8, p. 224].

(11) «*She had delivered, but would not nurse, a hairy white thing, fathered by "the lowest beloved yet." It lived five days never making a sound. The idea of that pup coming back to whip her too set her jaw working, and then Ella hollered.*» [8, p. 258].

(12) «*She was looking at him now, and if his other nephew could see that look he would learn the lesson for sure: you just can't mishandle creatures and expect success.*» [8, p. 150].

В приведенных примерах метафорические переносы осуществляются с помощью названий животных (собака, мул, рыба, корова, коза), других наименований животных (существо, тварь) и названия детеныша (щенок). Данная группа переносов в целом снова служит для передачи бесчеловечного отношения рабовладельцев к рабам, описания внешних (физических) и внутренних (психологических) свойств рабов, их самоощущения и самовосприятия в мире. Так, в примере 7 пожилая темнокожая рабыня сравнивает себя с *хромой собакой*, которой уже не нужна свобода, хотя когда-то она силой и выносливостью скорее походила на *мула* (пример 8). В примере 9 прямо за конюшнями с лошадьми белые хозяева отнимают у рабыни молоко, предназначенное для кормления новорожденного ребенка, ее буквально «доят» как *корову* или *козу*. Пустые, плоские как у *рыбы* глаза раба, ставшего свидетелем жестокой сцены расправы белых над темнокожими, отражают состояние полной отрешенности от жизни в примере 10. Примеры 11 и 12, содержащие лексемы *существо*, *щенок*, *твари* передают суть взаимоотношений между белыми и черными, пренебрежительное отношение рабовладельцев к рабам и ответную ненависть последних.

4. Части тела животных, свойства и действия животных

(13) «*She said, 'This is your ma'am. This,' and she pointed. 'I am the only one got this mark now. The rest dead. If something happens to me and you can't tell me by my face, you can know me by this mark.'*» [8, p. 61].

(14) «*The very nigger with his head hanging and a little jelly-jar smile on his face could all of a sudden roar; like a bull or some such, and commence to do unbelievable things.*» [8, p. 148].

(15) «*Sethe was dishing up bread pudding, murmuring her hopes for it, apologizing in advance the way veteran cooks always do, when something in Beloved's face, some petlike adoration that took hold of her as she looked at Sethe, made Paul D speak.*» [8, p. 54].

(16) «*Down in the grass, like the snake she believed she was, Sethe opened her mouth, and instead of fangs and a split tongue, out shot the truth.*» [8, p. 32].

(17) «*So Stamp Paid did not tell him how she flew, snatching up her children like a hawk on the wing; how her face beaked, how her hands worked like claws, how she collected them every which way: one on her shoulder, one under her arm, one by the hand, the other shouted forward into the woodshed filled with just sunlight and shavings now because there wasn't any wood.*» [8, p. 157].

Примеры данной группы содержат не только части тела и свойства животных, но и названия самих животных и характеризуются схожими оценочно-смысловыми коннотациями, что и примеры предыдущей группы, используются для описания внешних (наличие *клейма как у коров и овец* в примере 13 или способность *реветь как бык* в примере 14) и внутренних характеристик темнокожих, их взаимоотношений с белыми и друг с другом. Так, в примере 15 речь идет о дочери главной героини Сэти, с *собачьим преданным выражением лица* взирающей на свою некогда потерянную и вновь обретенную мать, которая, в свою очередь, в ходе повествования неоднократно сравнивается со змеей *с клыками и раздвоенным языком* (пример 16), готовой до конца бороться за свою жизнь и жизнь своего будущего ребенка: будучи на последних сроках беременности, спасаясь бегством, она падает на землю от усталости и ползет по земле, словно змея, готовая в случае необходимости ужалить любого, представляющего угрозу жизни ее и ее будущего ребенка. Схожие ассоциации рождает метафора *ястреба* в примере 17, включающая в свое семантическое поле также глагол *летать* и название частей тела птицы (*крыло, клюв и когти*). Данная метафора также связана с образом главной героини и снова служит для описания ее действий в критически важный для ее жизни момент, когда она принимает решение убить своих детей, чтобы спасти их от рабства, для чего превращается в хищную, ловкую, опасную птицу, готовую на жестокую расправу со своими детьми.

Далее рассмотрим метафорическую структуру «животное-человек», содержащую следующие элементы сферы-источника: формы обращения к человеку; имена персонажей книги; титул и статус человека; действия человека; человеческие свойства; объекты, связанные с человеком (табл. 2). В целом, область переноса данной метафоры не столь разнообразна по сравнению с предыдущей.

Таблица 2. Метафоры «животное-человек»
Table 2. The Metaphors “Animal-Human”

ЖИВОТНОЕ-ЧЕЛОВЕК	
Формы обращения к человеку	Мистер (Mister), Пес-Мальчик (Here Boy) Сукин сын (Son of a bitch)
Имена персонажей книги	Поль Ди (Paul D)
Титул/статус человека	король (king) начальник (boss)
Действия человека	наблюдать (look at) улыбаться (smile) смеяться над (laugh at)
Свойства человека	свободный (free) сильный (strong) жесткий (tough)
Объекты, связанные с человеком	наблюдательный пункт (fence post)

1. Формы обращения к человеку / статус человека

(18) *«Here Boy, feeble and shedding his coat in patches, is asleep by the pump, so Paul D knows Beloved is truly gone.»* [8, p. 263].

(19) *«Sethe smiled. “In that pine?” “Yeah.” Paul D smiled with her. “Must have been five of them perched up there, and at least fifty hens.” “Mister, too?” “Not right off. But I hadn’t took twenty steps before I seen him.»* [8, p. 72].

(20) *«...out of sight of Mister’s sight, away, praise His name, from the smiling boss of roosters, Paul D began to tremble.»* [8, p. 106].

(21) *«Son a bitch couldn’t even get out the shell by himself...»* [8, p. 72].

В приведенных примерах метафора «животное-человек» проявляет себя через формы обращения к человеку. *Мальчик* (пример 18) – это кличка собаки, свидетельствующая о близкой связи между собакой и ее хозяевами, которым собака отчасти заменила ребенка. *Мистером* (примеры 19, 20) в романе кличут местного дворового петуха: «уважительное» отношение к *боссу местных петухов* (пример 20) резко контрастирует с неуважительным, потребительским отношением к рабам. В примере 21 в обращении к петуху появляется формулировка *сукин сын*, подчеркивающая шутовское, панибратское отношение одного из главных героев Поля Ди к дворовой птице, которая является для него близким существом и своеобразным alter ego героя.

2. Действия и свойства человека

(22) *«“The roosters”, – he said. “Walking past the roosters looking at them look at me.”»* [8, p. 71].

(23) *«I swear he smiled»* [8, p. 72].

(24) *«He didn’t know if it was bad whiskey, nights in the cellar, pig fever, iron bits, smiling roosters»* [8, p. 235].

(25) *«Men who knew their manhood lay in their guns and were not even embarrassed by the knowledge that without gunshot fox would laugh at them»* [8, p. 162].

(26) *«“Mister, he looked so ... free. Better than me. Stronger, tougher. Son a bitch couldn’t even get out the shell by himself but he was still king and I was ...”»* [8, p. 72].

Представленные в данных примерах глаголы характеризуют действия человека. Будучи перенесенными на животных, петухи *наблюдает за* героем (пример 22), *улыбаются* (примеры 20, 23 и 24), *смеются* над людьми (пример 25) – эти действия, с одной стороны, говорят о значимом участии животных, ведущих себя с людьми на равных, в жизни темнокожих, которым гораздо комфортнее общаться с животными, нежели с белыми людьми. С другой стороны, снова подчеркивают низкий статус и низкую самооценку рабов: сравнение петуха Мистера с Полем Ди, осуществляемое с помощью прилагательных *свободный, сильный, жесткий* (пример 26), оказывается не в пользу человека. Петух, наделяемый титулом *короля*, живет гораздо *лучше* Поля Ди, влачащего жалкую жизнь раба.

Заключение. Таким образом, метафора выступает в романе Т. Моррисон «Возлюбленная» значимым элементом текстовой структуры, отражающим языковую картину мира автора. Продуктивность метафоры «человек-животное» и многообразие источников переноса диктуется тематикой романа, осмысляющего одну из самых острых проблем американской истории – тему рабства. Бесправное положение человека-раба, его «животная» зависимость

от рабовладельца образуют концептуальную основу большинства метафорических переносов в рамках данного лексико-семантического поля. Метафора «животное-человек» употребляется реже и служит в первую очередь для усиления контраста между жизнью человека-раба и животного, чувствующего себя порой более уверенно и свободно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Carson C. American civil rights movement // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/event/American-civil-rights-movement> (дата обращения: 07.01.2022).
2. Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова, М. М. Позднева. М.: Рипол-Классик, 2017.
3. Калинин О. И. Метафора как предмет лингвистических исследований. М.: Русайнс, 2020.
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литер. на иностр. яз., 1958.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Сов. энцикл., 1969.
6. Арутюнова Н. Д. Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 296–297.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. 4-е изд. М.: УРСС, 2021.
8. Morrison T. *Beloved*. NY: Vintage International, 2004.

Информация об авторах.

Тимралиева Юлия Геннадьевна – доктор филологических наук (2017), доцент (2005), заведующая кафедрой романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, немецкая литература, лингвопоэтика, функциональная стилистика.

Брайтлинг Мария Сергеевна – аспирантка кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера интересов: германские языки, стилистика, немецкая литература.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 14.01.2022; принята после рецензирования 17.02.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Carson, S. "American civil rights movement", *Encyclopedia Britannica*, available at: <https://www.britannica.com/event/American-civil-rights-movement> (accessed 07.01.2022).
2. Aristotel' (2017), *Poetika* [Poetics], Ripol-Klassik, Moscow, RUSSIA.
3. Kalinin, O.I. (2020), *Metafora kak predmet lingvisticheskikh issledovaniy* [Metaphor as a subject of linguistic research], Rusajns, Moscow, RUSSIA.
4. Gal'perin, I.R. (1958), *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka* [Essays on the style of the English language], Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, Moscow, USSR.
5. Akhmanova, O.S. (1969), *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.
6. Arutyunova, N.D. (1998), "Metafora", *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Large Encyclopedic dictionary], Yartseva, V.N. (ed.), 2nd ed., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, Moscow, RUSSIA.

7. Lakoff, G. and Johnson, M. (2021), *Metaphors We live by*, Transl. by Baranov, A.N. and Morozova, A.V., 4th ed., URSS, Moscow, RUS.
8. Morrison, T. (2004), *Beloved*, Vintage International, NY, USA.

Information about the authors.

Julia G. Timralieva – Dr. Sci. (Philology) (2017), Docent (2005), Head of the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, German literature, linguistic poetics, functional stylistics.

Maria S. Breitling – Postgraduate at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, stylistics, German literature.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 14.01.2022; adopted after review 17.02.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья

УДК 81'23

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-129-143>

Тематические доминанты рекреативности в информационном теледискурсе

Марина Александровна Гладко

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь,
glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>*

Введение. В настоящем исследовании рассматривается тематическое многообразие рекреативности, которое представлено в виде конечного списка тематических доминант, способных организовывать вокруг себя информационное пространство дискурса и транслировать воздействующую и/или значимую информацию. Рекреативность становится неотъемлемым признаком информационного дискурса, инструментом управления настроениями, общественным мнением. Именно поэтому актуальность темы обуславливается необходимостью изучения текстообразующих инструментов реализации рекреативности. Тематические доминанты рекреативности активно участвуют в структурной организации информационного текста; реализуют широкую палитру рекреативных функций, изучение закономерностей которых определяет научную новизну исследования.

Методология и источники. В работе использовались традиционные общенаучные методы, такие как описание и классификация языкового материала, обобщение и наблюдение, целевая выборка, квантитативный анализ, а также лингвистические методы: дискурсивный, описательно-аналитический, контекстуальный, семантический анализ текста. В качестве материала исследования выбраны 400 текстов-репрезентантов информационного теледискурса, разнообразных по тематической направленности и жанровой представленности.

Результаты и обсуждение. Анализ информационного дискурса позволяет говорить о насыщенности рекреативными темами, транслирующими информацию, нацеленную на обеспечение условий для отдыха, релаксации, отвлечения от повседневных проблем и развлечения адресата. Выявлены макроструктурные компоненты, которые наиболее часто заполняются тематическими доминантами рекреативности. Показано, что тематические доминанты неравномерно располагаются на биполярной шкале позитивной – негативной рекреативности. Установлены крайняя, средняя и пороговая степени рекреативности, описаны определяющие их темы.

Заключение. Тематические доминанты рекреативности направлены на смещение фокуса описания действительности для реализации рекреативных функций (формирования психических эффектов – отвлечения, переживания; развлечения, интересного досуга и т. д.). Их экспликация представляет многослойную семиотическую систему: внешний уровень (мультимодальные ресурсы); внутренний (макро- и микро-уровень). Между двумя крайними точками рекреативности находятся тексты с разным уровнем рекреативности, причем по мере убывания рекреативная функция совмещается с дополнительными, нерекреативными.

© Гладко М. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, информационный дискурс, рекреативность, тематические доминанты, негативная рекреативность, позитивная рекреативность

Для цитирования: Гладко М. А. Тематические доминанты рекреативности в информационном теледискурсе // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 129–143. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-129-143.

Original paper

Recreational Thematic Dominants in News TV Discourse

Marina A. Gladko

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus,
glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>*

Introduction. This study examines the recreational thematic diversity of recreation presented in the form of the thematic dominants list. The thematic dominants are capable of organizing news discourse around themselves and transmitting significant information. Recreation is becoming an integral feature of information discourse, a tool for managing moods and public opinion. That is why the relevance of the topic is determined by the need to study text-forming tools for the implementation of recreation in the discourse. Thematic dominants of recreation are actively involved in the structural organization of the news; implement a wide range of recreational functions. The study of their linguistic implementation rules determines the scientific novelty of the research. The key tasks of the research are to identify the repertoire of thematic dominants of recreation, their functional characteristics, the specifics of participation in the construction of the news text, as well as a description of the recreation scale.

Methodology and sources. The study used traditional general scientific methods, such as description and classification of linguistic material, generalization and observation, target sampling, quantitative analysis, as well as linguistic methods: discursive, descriptive-analytical, contextual, semantic text analysis. As the material of the research, 400 texts-representatives of informational TV discourse, various in thematic focus and genre representation, were selected.

Results and discussion. The analysis of news discourse allows us to talk about the saturation of recreational topics that broadcast information aimed at providing conditions for rest, relaxation, distraction from everyday problems and entertainment of the addressee. The study reveals macrostructural components, which are most often filled with recreational thematic dominants. It is shown that thematic dominants are unevenly located on the bipolar scale of positive – negative recreation. The extreme, average and threshold degrees of recreation have been established, and the themes that define them have been described.

Conclusion. Recreational thematic dominants are aimed at shifting the focus of describing reality for the implementation of recreational functions (the formation of mental effects – distraction, experience; entertainment, interesting leisure, etc.). Their explication represents a multi-layered semiotic system (external level (multimodal resources); internal (macro- and micro-level). Between the two extreme points of recreation there are texts with different levels of recreation, and in descending order the recreational function is combined with additional, non-creative ones.

Keywords: television discourse, news discourse, recreation, thematic dominants, negative recreation, positive recreation

For citation: Gladko, M.A. (2022), "Recreational Thematic Dominants in News TV Discourse", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 129–143. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-129-143 (Russia).

Введение. До недавнего времени понятие «рекреация» использовалось специалистами в области медицины, туризма, архитектуры и связывалось по большей мере с отдыхом, развлечением и восстановлением физических сил человека. В современном обществе рекреация как «зеркало отражает нравы, быт, общественные идеалы, характерные для конкретной исторической ситуации» [1, с. 48]. По словам Ж. Бодрийяра, «для современного гражданина принуждение к счастью является эквивалентом традиционного принуждения к труду и производству. <...> Это “fun-morality”, или императивный приказ развлекаться, использовать до дна все возможности, заставить себя взволноваться, наслаждаться или доставлять удовольствие» [2, с. 110].

Рекреация представлена следующими формами: 1) отдых как процесс восстановления психофизиологического баланса человеческого организма, реабилитация физических и умственных сил; 2) развлечение как способ времяпрепровождения; 3) игра как способ смены впечатлений, имитации острых, в том числе и опасных, ситуаций. Каждая из этих форм может способствовать в определенной мере развитию человека, восстановлению его сил и поддержанию интеллектуальных и эмоциональных ресурсов человека; обеспечивать общую встряску участников [1, с. 16–17]. В данном исследовании формы рекреации исследуются в связи с конструированием коммуникативного телепространства.

Современное телевидение – один из наиболее востребованных способов рекреации. Будучи источником восстановления, средством компенсации напряжения, моделирования удовольствия, отвлечения от проблем повседневности, телевидение в полной мере выполняет рекреативную функцию. Эту, одну из важнейших, функций телевизионного дискурса можно свести к комплексу функций: гедонистической, развлекательной, досуговой, эскапистской, создания определенного эмоционально-психологического тонуса, релаксационной, снятия напряжения, психологической разрядки [1, с. 48]. Стремясь удовлетворить потребительские нужды медиааудитории, заинтересованной по большей мере в отдыхе и развлечениях, создатели информационного контента пытаются найти баланс между серьезной, сложной для восприятия информацией и сведениями, нацеленными на организацию условий для отдыха, релаксации и развлечения. Простота, доступность и развлекательность становятся ключевыми принципами преподнесения информационного материала [3, с. 121]. В результате трансформируются представления о способах реализации рекреативных функций в телевизионном пространстве, которые до недавнего времени сводились к ток-шоу, эстрадным концертам, развлекательным сериалам, спортивным соревнованиям и интеллектуальным состязаниям.

Информационный теледискурс существенно модифицировался в сторону рекреативной направленности. Его ключевое лингвистическое качество – «прямая соотнесенность с референциальной составляющей означаемого, минимально искаженное коннотационными помехами» отображение предмета [4, с. 199] – интенсивно совмещается с рекреативной функцией. Информация подается в фокусе наиболее ярких, захватывающих и впечатляющих моментов как позитивного, так и негативного характера. Соответственно информационный теледискурс представляет не меньший, чем медиатексты развлекательной тематики, интерес для изучения потенциала и способов экспликации рекреативности, что обуславливает актуальность настоящей работы.

Исследования информационного дискурса проводились преимущественно в ракурсе изучения лингвистических особенностей реализации развлекательного компонента новостных текстов (С. Н. Акинфиев, М. Е. Аникина, С. С. Ильченко, А. В. Колесниченко, А. А. Негрышев, И. А. Новикова, К. Э. Разлогов, С. И. Сметанина, Н. А. Федотова). Вместе с тем информационный текст реализует всю палитру рекреативных функций. Этому способствует тематическое многообразие, выполняющее рекреативную функцию, которое инкорпорирует темы отдельных текстов и сводится к конечному списку тематических доминант рекреативности. Рекреативность мы понимаем как признак, свойственный медиатексту, запрограммированный на уровне замысла автора, связанный с содержанием знаков различных семиотических систем (вербальных и невербальных), с выбором этих знаков говорящим и восприятием их адресатом в соответствии с коммуникативной интенцией – обеспечение условий для отдыха, развлечения, релаксации, регенерации, эмоциональной встряски зрителя. Рекреативность реализуется через тематическое связывание текстов, образующих систему тематических доминант, т. е. «регулярно воспроизводимых тем» [5, с. 58]. Под тематическими доминантами рекреативности в настоящем исследовании понимаются устойчивые, регулярно воспроизводимые темы, способные организовывать вокруг себя информационное пространство дискурса и транслировать информацию, нацеленную на обеспечение условий для отдыха, релаксации, отвлечения от повседневных проблем и развлечения адресата. Изучение тематических доминант рекреативности в информационном теледискурсе проводится впервые, что обуславливает научную новизну исследования.

Методология и источники. В работе использовались традиционные общенаучные методы, такие как описание и классификация языкового материала, обобщение и наблюдение, целевая выборка, количественный анализ, а также лингвистические методы: описательно-аналитический, контекстуальный, семантический анализ текста.

В качестве материала исследования выбраны 400 текстов-репрезентантов информационного теледискурса. Анализируемые медиатексты разнообразны по тематической направленности (общественно-политические, общественные, экономические, культурные события, природные, криминальные происшествия), жанровой представленности (репортаж, новостная заметка, новость с комментариями экспертов, интервью, жизненная история).

Для выявления репертуара тематических доминант рекреативности на первом этапе были выявлены ключевые слова как элементы темаобразования, которые далее были объединены в лексико-тематические группы. На втором этапе на основе последовательного анализа тематического наполнения были определены невербальные компоненты (объекты видеоряда, музыкальное сопровождение), участвующие в реализации рекреативной функции. Последующее обобщение полученных данных позволило свести всё тематическое многообразие исследуемого информационного дискурса к перечню тематических доминант.

Результаты и обсуждение. Для определения специфики и разнообразия рекреативного компонента проанализирована структура тематического пространства и содержательного контента информационных телепередач. В целом такая структура представлена определенными узловыми моментами, транслирующими рекреативную функцию: факт и событие (происшествие, случай)/цепь событий, которое организует собой факты, объединенные драматургией повествования. Факт – это статичное описание происходящего, элемент реальной

действительности, наличие которого может быть верифицировано. Он не содержит в себе сюжетности. Событие же предполагает наличие ряда фактов, скомпонованных таким образом, что выстраивается динамичное повествование [6, с. 88].

Определим, какие именно события, факты можно квалифицировать в качестве реализующих рекреативную функцию в информационном дискурсе. Это события, представляющие собой эмоционально насыщенные, часто необычные, нестандартные, повседневные медиаконструкты [7], которые связаны с соперничеством/борьбой, драматичны или трагичны; смешны или забавны; эксплицируют личную жизнь других; либо составлены фактами, представляющими обыденную действительность как цепь ярких, впечатляющих моментов. Рекреативные медиасобытия/факты нацелены на формирование эмоционального настроения массового зрителя (вызывают удивление, смех, слезы, страх, удовольствие и т. д.), снятие стрессовых нагрузок, психического напряжения; достижение состояния покоя, расслабленности после сильных переживаний или физических нагрузок. Соответственно в коммуникативном пространстве информационного дискурса выделены следующие тематические доминанты (ТД) рекреативности (табл. 1).

Таблица 1. Тематические доминанты рекреативности в информационном теледискурсе
Table 1. Thematic Dominants in News TV Discourse

Тематика	Содержание
1. Курьезные/забавные, удивительные события/факты	События из мира знаменитостей кино, музыки, моды и спорта; развлекательные, необычные события и явления в зоопарках, национальных парках других стран
2. Диковина	Необычные достижения науки и техники: информация о рынке высоких технологий, развитии электронного бизнеса, компьютерной индустрии и безопасности, электротранспорте; нестандартные действия, поведение людей
3. Эксперимент	Наблюдения автора за обыденными ситуациями, тестирование предметов
4. Праздники	Национальные праздники (дожинки, купалье и т. д.), День Победы, День независимости и т. д.
5. Досуг	Культурно-досуговые мероприятия, события и явления духовной и культурной жизни: конкурсы, выставки, фестивали
6. Спасение Другого	Истории спасения людей (граждан страны) в повседневных и чрезвычайных ситуациях
7. Жизнь страны/города	История, деятельность и достижения государственных и частных предприятий; споры/конфликтные ситуации в городском пространстве
8. Личная жизнь и пространство Другого	Необычные, малодоступные факты из профессиональной и личной жизни государственных деятелей, творческих людей, спортсменов, тружеников
9. Преступления, происшествия	Мошенничество, обманы, киберпреступления, убийства
10. Катастрофы	Землетрясения, цунами, пожары и т. д.

Тематические доминанты рекреативности в информационном теледискурсе представлены: 1) отдельным событием, репрезентация которого в информационном тексте имеет характерную прототипическую структуру; 2) фактом/фактами, встраивающимися в ткань информационного сообщения (например, репортажа, интервью) нерекреативного характера. Примером первого случая является последовательность сообщений на серьезные темы – о политических, экономических событиях недели в стране, сменяющаяся повествованием о шокирующем поведении полицейских, которые основали подпольную организацию, поддерживающую нацистские взгляды. Мы относим это сообщение к рекреативной тематиче-

ской доминанте *Преступления, происшествия*. Здесь доминируют такие признаки рекреативности, как фокус внимания зрителя на нестандартности события (нестандартное поведение полицейских, призванных защищать граждан), активизация сильных эмоций негативной шкалы (например, возмущения).

Во втором случае рекреативная функция реализуется в рамках некоторых композиционных блоков информационного сообщения. Речь идет о макротекстовом уровне, где языковые единицы объединены в сверхфразовые единства. В отношении новостного текста принято говорить о следующих композиционных блоках или макроструктурных компонентах: *событие (субъекты действия + действие), обстоятельства действия, место, время, причина, предыстория события, следствие* [8]. Прототипическая структура информационного/новостного сообщения предполагает акцентирование доминантных для содержательной структуры новостей компонентов *субъекты действия, действие*, без которых «информация не может стать новостью в масс-медийном контексте» [8].

В качестве реализующих рекреативную функцию наиболее часто используются блоки: *субъекты действия + действие* (15 % случаев), ключевые для структуры события/факта, а также *обстоятельства действия* (49 %), *следствие* (31 %), *причина* (5 %), которые «выполняют комментирующе-воздействующую функцию» [8]. Блоки *субъекты действия, действие* реализуют рекреативные возможности за счет нарративов о забавном, нелепом или необычном поведении людей, удивительных фактах, происшествиях, эксплицируя тематические доминанты *Курьезные/забавные, удивительные события/факты, Диковина*. Например: *В результате работы этого завода у каждого жителя страны по 26 пачек мороженого. Компания по производству молочной продукции из Марьиной Горки благодаря современным технологиям и качественному сырью может угостить молочными лакомствами с разными вкусами потребителей в разных странах. Мы прорабатываем вопрос Китая, Вьетнама, Казахстана, отгружаем всё в Латинскую Америку. Кредо предприятия – дружелюбное отношение к экологии и инвестирование в свой главный ресурс – сотрудников. Робот заменяет девять человек, но мы не увольняем людей, мы продолжаем процесс обучения, формирования, делания из людей профессионалов* [9]. Интеграция текстовой и аудиовизуальной информации (музыкальное оформление, звуки, яркая красочная картинка) предполагает усиление рекреативности.

Распространенность в информационных сообщениях разного рода сведений, служащих развлечению, релаксации зрителя, наблюдается в материалах на социально-политические, общественные темы. В качестве иллюстрации можно привести текст о контрабанде алкоголя. Основу фактологической информации составляет сообщение о количестве контрабандной продукции, способах ее реализации. Дополнительный блок *следствие* описывает результат распространения продукта. Информационные блоки *субъекты действия, действие, место, время* сменяются информацией о необычном использовании спиртосодержащих продуктов: *На минувшей неделе у жителя Бобруйска сотрудники БЭП нашли полтонны спиртосодержащей жидкости. <...> Правоохранители отмечают, что есть в таком бизнесе сезонность. <...> В госкомитете экспертиз проводится порядка 25 тысяч медицинских экспертиз. Из них 80–85 % – это экспертизы на определение этилового алкоголя <...> К слову, в последнее время все чаще происходит отравление от такой продукции и антисептиков. Иногда бывают случайные отравления (в кадре женщина, которая пытается выпить антисептик*

в супермаркете) [10]. Информирование о серьезной проблеме прерывается развлекательной информацией, которую отнесем к тематической доминанте *Курьезные события*. Отсутствие этого компонента не повлекло бы снижение информативности и определенности сообщения. Однако он способствует усилению юмористического эффекта сообщения, призван развлечь зрителя, вызвать улыбку. Важной функцией таких рекреативных вкраплений также является привлечение внимания и способствование запоминанию значимой информации или идеи (в приведенном фрагменте – отравление некачественным алкоголем).

Как правило, факты рекреативного характера, помещаемые в информационное сообщение, относятся к темам: *Курьезные/забавные, удивительные события; Личная жизнь и пространство Другого; Диковина*. Помимо отмеченных выше целей, довольно часто они выполняют роль декорации, иллюстрируя событие, придавая ему зрелищность и театральность. Однако такие вставные повествования выступают значимым текстообразующим элементом, помогают автору развернуть повествование/сюжет, вводя в его канву невероятные, смешные события. Это построение обостряет игровое начало в тексте, который разворачивается как *игра-головокружение*. Этот вид игр основан «на стремлении к головокружению и заключается в том, что игрок на миг нарушает стабильность своего восприятия и приводит свое сознание в состояние» паники. В таких случаях человек впадает в состояние оглушенности, «которым резко и властно отменяется внешняя действительность» [11, с. 61]. Существенную роль в лингвопрагматической организации информационного текста при этом играют чередование моментов «напряжения» за счет информационной/фактуальной нагрузки и «расслабления» (посредством введения ТД рекреативности) зрителя. Например, в следующем тексте, посвященном одному из объектов промышленного туризма – тракторному заводу – композиционный блок *обстоятельства*, реализующий ТД рекреативности *Диковина*, с одной стороны, иллюстрирует, театрализирует иные фактологические блоки (*место, субъекты действия, действие*). С другой стороны, он способствует усилению интереса к теме/сообщению, выступает аттракционом, провоцирующим удивление, организующим развлечение зрителя:

Журналист: [композиционные блоки *место, субъекты действия, действие*] *Новейший туристический МАЗ привозит туристов на МТЗ. Так один машиностроительный бренд помогает другому в организации экскурсий. Школьники из Беларуси – лишь часть общего потока туристов, которые посещают Минский тракторный. Но именно они с интересом изучают все процессы и даже участвуют в сборке на заводе. Каждый день с конвейера МТЗ сходит около 20 новых тракторов. Вообще же заниматься сборкой таких машин официально можно с 18 лет.* [композиционный блок *обстоятельства*] *Открутить и закрутить колеса «Беларуса» 320-й модели на скорость лучше других удаётся девушкам (в кадре девочка-подросток поднимает, переворачивает, закручивает колесо трактора, которое намного больше и выше ее).*

Участница конкурса: *Мы всегда ездим на дачу и там я любила помогать дедушке, папе.*

Журналист: *И вот заслуженная награда победительнице (награждение счастливой победительницы, восторженные крики участников, улыбающиеся дети).*

Журналист: *Впрочем, к индустриальным турам – детский интерес. Один только МТЗ за прошлый год посетили больше двух с половиной тысяч гостей* [12].

Фрагменты описания конкурса, интервью девушки-участницы, информацию о том, когда, с какого возраста можно заниматься сборкой большегрузных машин, награждение победительницы едва ли можно назвать фактологическими, поскольку они не добавляют ничего значимого, существенного к структуре самого факта. Однако содержательные и языковые компоненты, визуальный ряд (девочка-подросток, закручивающая колесо огромного трактора), оформляющий этот блок, в немалой степени усиливают впечатление от происходящего на экране. Реализация ТД *Диковина* (необычное увлечение для девочки – ремонт автомобиля, ее неожиданная победа в конкурсе); своеобразная головоломка, создающая завлекательную интригу (тема-рематическая акцентная констатация факта за счет специфического порядка расположения частей актуального членения, провоцирующего напряжение и ожидание ключевого компонента (темы) в высказывании): *Открутить и закрутить колеса «Беларуса» 320-й модели на скорость лучше других удастся девушкам*; композиционное комбинирование с информативными блоками – все это призвано захватить внимание и интерес зрителя.

Тематические доминанты рекреативности активно формируются мультимодальными средствами (музыкальное сопровождение, видео, звук, цветопередача и т. д.). Так, ТД *Диковина* транслируется видеоизображением необычных технических сооружений и их возможностей; нестандартным поведением человека или животного. ТД *Преступления, происшествия* визуализируется предметами преступления, кадрами с места происшествия, фото документов и т. д.

Тематические доминанты позитивной и негативной рекреативности в информационном дискурсе. Вкрапления ТД рекреативности в информационный дискурс, являясь избирательными с точки зрения автора текста, приобретают устойчивый характер в рамках этого типа дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации. Рекреативные ТД в информационном дискурсе располагаются на биполярной шкале *позитивной – негативной рекреативности*.

Темы, располагающиеся в зоне *позитивной рекреативности*, нацелены преимущественно на создание условий для отдыха, развлечения, интересного проведения досуга с получением некоторых сведений о происходящем в стране/мире. Презентация события/факта организуется по игровым, развлекательным сценариям (*борьба, карнавал, путешествие, забава/праздник* и т. д.), сопровождается юмором; подробной детализацией, ярко и красочно описывающей локации, позитивные эмоции участников; позволяет адресату проникнуть во внутренний мир героев. Это дает возможность представить зачастую довольно ординарное событие не только сухими фактами, но и поместить его в эмоциональную оболочку, продуцирующую впечатление, удовольствие.

Тематические доминанты располагаются по шкале рекреативности довольно неравномерно. Шкала позитивной рекреативности демонстрирует магнитуду насыщения текста различными семиотическими кодами, реализующими рекреативную функцию. Размерность шкалы рекреативности фиксирует значения от наибольшего – крайняя зона, к наименьшему – пороговая зона. Степень рекреативности зависит от распределения в макроструктуре информационного текста вербальных и невербальных средств, реализующих тематические доминанты рекреативности. *Крайняя степень* представлена максимальным значением,

при котором ТД рекреативности реализуются во всех макроструктурных блоках; количество микроформ, реализующих рекреативную функцию – от 66 до 100 %; *средняя* – макроструктура текста – представлена чередованием нерекреативных и рекреативных блоков, количество рекреативных микроформ – 34–65 %; *пороговая* – репрезентанты тематических доминант располагаются в одном макроструктурном блоке, количество микроформ – 33–0 % (табл. 2).

Таблица 2. Шкала рекреативности в информационном теледискурсе
Table 2. Recreation Scale in News TV Discourse

Позитивная/негативная рекреативность	Крайняя степень	Средняя степень	Пороговая степень
Позитивная рекреативность	Курьезные, забавные, удивительные события	Досуг Жизнь страны/города Эксперимент Личная жизнь и пространство Другого Праздники	Вставки в один из блоков макроструктуры ТД: Диковина; Личная жизнь и пространство Другого; Удивительные события; Эксперимент; Жизнь страны/города
Негативная рекреативность	Катастрофы, стихийные бедствия	Преступления, происшествия Спасение Другого	Преступления, происшествия

Текстовое пространство позитивной рекреативности в информационном дискурсе. В зоне крайней позитивной рекреативности находятся события сниженной социальной, общественной значимости для медиапотребителя конкретного социума, например, рождение панды, вечеринка в честь дня рождения обезьянки и т. д. Целью ТД *Курьезные/забавные, удивительные события*, находящейся в этой зоне, является продуцирование удивления, развлечения, т. е. они нацелены на организацию времяпрепровождения адресата без глубокого содержания, призваны доставить удовольствие, развлечь либо удивить. Объектом таких ТД становятся развлекательные факты, события (забавные, удивительные), участники которых – люди или животные, новинки техники. Такие тексты конструируются цепочкой удивительных, шокирующих, вызывающих эмоции фактов, деталей ситуации, которые нанизываются друг на друга. Соответственно все композиционные блоки макротекстовой структуры заполнены содержательно-фактуальной информацией рекреативного/развлекательного характера, которая активно поддерживается аудиовизуальным компонентом: *Хит сетей из Сычуаньского центра по разведению гигантских панд. Там сразу 14 веселых пушистых именинников отметили первый день рождения. Для малышей устроили прямо настоящую вечеринку с песнями, тортами, развлечениями. Не забыли и про подарки* [13].

На микротекстовом уровне (лексико-семантические, синтаксические (в пределах словосочетания) единицы) текст максимально, в каждом высказывании, заполнен разнообразными маркерами рекреативности: эмотивные лексемы, эмоционально-оценочная, дескриптивная лексика мелиоративной оценки, лексемы семантики развлечения, языковая игра, разнообразные средства стилистической образности (эпитеты, олицетворения, метафоры изобразительного и музыкального искусства, кино, волшебства), вносящие художественную выразительность, речевую эстетику, юмор. Такая контаминация развлекательности на различных уровнях (содержательный, макро- и микроуровни текста), подкрепленная аудиовизуальными средствами (музыкальное сопровождение, яркие краски, красивые пейзажи,

улыбающиеся люди) становится эмоциональным центром, источником удовольствия как эстетического, так и эмоционального, которое медиатекст призван доставить зрителю: (ТД Диковина) *А вы уже успели оценить картины из растений? Ландшафтные дизайнеры каждый цветник превращают в искусство. В центре Минска можно увидеть целую Беларусь и даже кусочек Версаля* [14]. Невербальная часть активно взаимодействует с вербальной, представляя параллельную (при которой вербальная и невербальная части совпадают) или комплементарную (одна составляющая дополняет другую) корреляции.

По мере повышения общественной, социальной, экономической значимости представление события в телепространстве продвигается к *средней* зоне позитивной рекреативности. Тексты с ТД Досуг, Жизнь страны/города (подтемы общественно-политическая сфера, транспорт, жилье), Эксперимент, Личная жизнь и пространство Другого, Праздники конструируются чередованием собственно фактуальных и рекреативных блоков, которые в свою очередь также реализуют какую-либо ТД рекреативности. Информативная составляющая, т. е. сообщения, осведомляющие о событии, положении, состоянии дел, об окружающем мире, является доминирующей, однако насыщается рекреативной функцией, а также дополнительными мировоззренческими смыслами.

На пороговом уровне позитивной рекреативности располагаются тексты, композиционные модели которых представлены: 1) вставкой ТД Диковина, Личная жизнь и пространство Другого, Удивительные факты, Эксперимент, Жизнь города, репрезентируемых различными семиотическими системами, в один из блоков макроструктуры; 2) надстройкой одного из макроструктурных блоков только аудиовизуальными компонентами, направленными на моделирование удовольствия, релаксации, развлечения. При этом вербальная часть не содержит тематических доминант рекреативности.

В первом случае ТД рекреативности способствуют усилению аттрактивности информации для зрителя. Само событие, объективно обладающее своей структурой, сюжетом, насыщается дополнительными оттенками и красками: *Коммунальные службы готовят к запуску эксперимент по переводу нескольких домов на дистанционные счетчики для воды, газа, энергии. Жители, видя, что отсутствует услуга, могут, не звоня на 115, зайти в чат и задать этот вопрос, и им ответят грамотно.* (ТД Эксперимент) *Мы сейчас проведем эксперимент. Мы зайдем в вайбер и все шаги сделаем. Попробуем, вот мой телефон, подключиться к газу. <...> Только за прошлый год ЖКХ принял около полутора миллионов телефонных звонков. В процессе решения вопросы по водоснабжению, проведению электро-работ. <...> Услугами нового сервиса уже пользуются около 700 минчан* [15]. Детальное, длительное описание всех шагов эксперимента, дополненного визуализацией, нацелено на формирование игрового напряжения, держащего зрителя в ожидании, чем же закончится проверка. Между тем наблюдается «игровой» обман этого ожидания, когда адресату не дают увидеть конечный результат, предоставляя возможность додумать, что же получилось в итоге. Здесь позитивная рекреативность репрезентируется гетерогенными семиотическими составляющими (вербальными и невербальными), которые призваны определять специфику восприятия.

Во втором случае невербальные компоненты объединяются с вербальной частью ассоциативными связями. В этом случае в информационном тексте можно проследить рекреативность, представленную только мультимодусными информационными ресурсами (видео,

музыка, запечатление в кадре эмоционального состояния героев), которые ориентированы на продуцирование нужного для автора состояния объекта воздействия, т. е. зрителя. Формируя фон сообщения, они оформляют какой-либо из макроструктурных блоков информационного текста – *субъект действия*, или *обстоятельства*, или *следствие*. При этом непосредственно текстовая составляющая характеризуется максимальной степенью фактологичности, объективности, не искаженной «коннотационными помехами отображения предмета» [4, с. 199], его характеристик и действий. Так, завершающая часть информационного сообщения о развитии и роли бизнеса для города оформляется одномоментным эпизодом, представляющим живописные пейзажи парков, аллей, по которым прогуливаются улыбающиеся родители с детьми. Смысловое содержание репрезентируемой в этом случае ТД *Досу* вовлекает в информативное поле видеоряд, музыкальное сопровождение – положительно заряженные ассоциаты, которые образуют целое смысловое единство/идею «в городе активно развивается бизнес, и люди имеют возможность жить счастливо в прекрасном городском пространстве». Таким образом, тематическая доминанта нацелена на усиление воздействия информационного текста и моделирование настроений в обществе, направление этих настроений в туннель позитивного отношения к стране, ее гражданам, жизни в данном сообществе.

Текстовое пространство негативной рекреативности в информационном дискурсе. Информационный дискурс использует рекреативный ресурс, учитывая интересы и запросы разных категорий зрителей: заинтересованных в отдыхе, развлечении и расслаблении; а также в громких скандалах с разоблачением; жутких картинах несчастий, страданий, катастроф и т. д. Ядром тематических доминант, находящихся в зоне *негативной рекреативности: Преступления, Протесты, Катастрофы, Истории спасения*, – становятся события, связанные с негативной стороной жизни: смерть, страдания, преступность, жестокость, насилие. Серьезные темы на телеэкране призваны провоцировать возбужденно-ошеломленное состояние, сильные эмоции: страх, возмущение и т. д. В такой ситуации зритель, находясь в безопасности от представленных на экране ужаса, боли, страданий и страха, испытывает удовольствие от чувства собственной безопасности [16, с. 183]. Все ключевые характеристики события: соотнесенность события с наблюдаемым положением дел, соотнесенность с агентами действия, с местом и временем – редуцируются, облачаясь в негативно окрашенную эмоционально-чувственную вербальную оболочку.

Объектом ТД *крайней зоны негативной рекреативности* выступают смерть, разрушения, катастрофы. Специфической для репрезентации таких текстов становится высокая степень детализации характеристик, обстоятельств события во всех макроструктурных блоках информационного текста при доминировании эмоциональной составляющей. Языковые способы текстового заполнения всех позиций макроструктуры информационного текста включают обилие негативно окрашенной лексики семантики разрушения, смерти, насилия; лексических единиц, акцентирующих масштабность события (*рекордный, всемирный, мировой масштаб, глобальный*); впечатляющих количественных данных, сочетаний собирательных существительных с количественным значением, имен собственных, соотносимых с разрушением, смертью. Такая подача информации призвана охватить всё рационально-эмоциональное многообразие события: ***Самый горячий день в Европе. Рекордные сорок***

девять градусов зафиксировали на Сицилии. Прошлый же температурный **максимум** принадлежит Греции. В Италии серию лесных **пожаров** спровоцировал антициклон **с говорящим названием «Люцифер»**, который **унес десятки жизней**. Министерство внутренних дел считает, что часть **возгораний** имеет **криминальное** происхождение. **То горит в огне, то тонет в воде**. В разгар туристического сезона в Турции от большой воды **пострадали сразу девять префектур**. В Японии три миллиона человек **эвакуировали** из-за продолжительных дождей [17]. Отсутствие пауз между разными тематическими блоками, быстрый темп речи, ошеломляющие кадры трагедий (сожженные леса, погибшие животные, затопление домов, крики людей и т. д.) и, наконец, внешний вид ведущей (костюм алого цвета, серьезное выражение лица), оформление студии (агрессивным красным цветом) оказывают эмоциональное воздействие, вызывают актуализацию опыта адресата (рационального, чувственного).

По мере продвижения от крайней к средней степени на шкале негативной рекреативности текстовые репрезентации информационного дискурса снижают эмоциональный градус или накал и конструируют дополнительные смыслы или функции, выполняют разнообразные рекреативные функции (развлечение, эмоциональное насыщение), а также дополнительные нерекреативные функции. Значительная группа таких информационных сообщений призвана реализовывать воспитательную функцию, оказывать воздействие на сознание людей посредством осуждения или высмеивания нежелательного поведения. Объекты тематических доминант этой зоны рекреативности – преступления, страдания людей, происшествия, связанные с насилием. Текстовая структура представлена монтажом собственно фактуальных блоков, обозначающих основные вехи развития событий, и сведений воздействующего на эмоции, часто шокирующего характера.

Типично, что смысловое содержание тематической доминанты *Преступления, происшествия* может реализовываться в иронической, развлекательной информационной среде. В таком случае композиционные блоки *причины, обстоятельства и/или следствие события* конструируются на основе ТД *Забавные/удивительные факты*: *Легенду бразильского футбола Рональдиньо арестовали на срок до шести месяцев. Проблемы с законом у спортсменов в связи с фальшивыми документами. Как оказалось, он и его брат прибыли в Парагвай по поддельным паспортам. Оба бразильца уже заявили, что документы им вручили в подарок, а прилететь в страну их пригласила местная бизнесвумен. Глава МВД Парагвая отмечает, что прекрасно понимает статус попавшихся на серьезном правонарушении звезд, но тем не менее все равны перед законом. Адвокаты спортсменов попытались изменить меру пресечения на домашний арест. <...> У Рональдо на родине хватает проблем с налогами. Экс-полузащитнику «Барселоны» выписан штраф за нанесение вреда экологии. Сумма штрафа превысила два миллиона долларов. <...> Вместе с братом была открыта незаконная фабрика по переработке тростника, а также пирс, который расположен в заповедной зоне. <...> В тюрьме братьям выдали мыло, подушки и защитные средства от moskitov. В зал суда их приводят в наручниках [18].*

Игровой момент явно прослеживается в высказывании: *Экс-полузащитнику «Барселоны» выписан штраф за нанесение вреда экологии*, – которое заставляет адресата задуматься, каким образом футболист может причинить вред окружающей среде, а также в несущественном для структуры события высказывании: *В тюрьме братьям выдали мыло*,

подушки и защитные средства от москитов, – призванном развлечь аудиторию. Паратекст, который видит зритель на экране *Перед законом все равны*, смена развлекательной информации на серьезную *в зал суда приводят в наручниках* – транслируют послы воспитательного характера. Игра на макротекстовом уровне – чередование удивляющих и развлекательных фактов и серьезных, на микротекстовом – обыгрывание исторической перспективы действительности: *выдали, арестовали, подделали* (констатация факта в прошедшем) – *приводят* (фокус на процессе в настоящем) – призваны обострить внимание зрителя, сконцентрировать на имплицитной идее «за неуплату налогов даже знаменитости несут серьезную ответственность». Соответственно процесс конструируемой медиатекстом игры направлен на вовлечение адресата в определенную интеллектуальную, мыслительную деятельность, на принятие выводов. Развлекательная, игровая оболочка социально значимых событий ориентирована на мотивацию социального поведения через демонстрацию на экране того, как жизнь учит тех, кто с ней играет.

Заключение. Событие/факт действительности в информационном дискурсе раскрывается через рекреативность, которая разворачивается в текстовом континууме тематическими доминантами разных полюсов (позитивного и негативного). Тематические доминанты рекреативности направлены на преобразование информации о действительности, реализуя рекреативные функции (формирования психических эффектов – отвлечения, переживания; развлечения, интересного досуга и т. д.) при доминировании или сопровождении основной составляющей информационного дискурса – информации. Их экспликация представляет многослойную семиотическую систему: внешний уровень (мультимодальные ресурсы); внутренний (макро- и микроуровень). Между двумя крайними точками рекреативности находятся тексты с разным уровнем рекреативности, причем по мере ее убывания нарастает степень насыщения дополнительными нерекреативными функциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотова Н. А. Рекреативные функции СМИ. Минск: БГУ, 2014.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция, Республика, 2006.
3. Бичарова М. М., Паршина М. В. Место рекреативных жанров в системе массово-информационного дискурса // Изв. ВГПУ. Филол. науки. 2015. № 6. С. 120–127.
4. Ширяева О. В. Специфика информационного медиадискурса: (на материале деловой прессы) // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2014. № 4. С. 197–203.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008.
6. Новостной медианарратив в соцсети «ВКонтакте»: дискурсивные особенности / О. Р. Алевизаки, И. Б. Александрова, Е. С. Кара-Мурза, В. В. Славкин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 3. С. 74–101. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.74101.
7. Kellner D. Media spectacle and media events: some critical reflections // Media Events in a Global Age. London; NY: Routledge, 2009. P. 76–92.
8. Негрышев А. А. Интерпретация действительности в новостях СМИ: некоторые приемы на уровне композиции текста // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1071> (дата обращения: 10.12.2021).
9. Новости. Центральный регион. 01.08.2021 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=adjSSVzhjeU> (дата обращения: 10.10.2021).

10. Зона Х. Итоги недели. 02.04.2021 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H1A8kX7eZJk> (дата обращения: 10.10.2021).
11. Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007.
12. Твой город. 21.01.2018 // Белтелерадиокомпания. URL: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/tvoy-gorod/> (дата обращения: 10.10.2021).
13. Вокруг планеты. 14.06.2016 // Белтелерадиокомпания. URL: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/vokrug-planety/> (дата обращения: 10.10.2021).
14. Твой город. 21.06.2020 // Белтелерадиокомпания. URL: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/tvoy-gorod/> (дата обращения: 10.10.2021).
15. Твой город. 21.01.2019 // Белтелерадиокомпания. URL: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/tvoy-gorod/> (дата обращения: 10.10.2021).
16. Спрэг де Камп Л. Лавкрафт: биография / пер. с англ. Д. В. Попова. СПб.: Амфора, 2008.
17. Вокруг планеты. 15.08.2021 // Белтелерадиокомпания. URL: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/vokrug-planety/> (дата обращения: 10.10.2021).
18. Зона Х. 13.03.2020 // Белтелерадиокомпания. URL: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/zona-x/> (дата обращения: 10.10.2021).

Информация об авторе.

Гладко Марина Александровна – кандидат филологических наук (2009), доцент (2010), доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, ул. Захарова, д. 21, Минск, 220034, Беларусь. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиакоммуникация, теледискурс, радиодискурс, убеждение.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.12.2021; принята после рецензирования 26.01.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Fedotova, N.A. (2014), *Rekreativnyye funktsii SMI* [Recreational functions of the media], Minsk, BSU.
2. Baudrillard, J. (2006), *La societe de consommation. Ses mythes, ses structures*, Transl. by Samarskaya, E.A., Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika, Moscow, RUS.
3. Bicharova, M.M. and Parshina, M.V. (2015), "Role of recreation genres in the system of mass informational discourse", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ. Philological sciences*, no. 6, pp. 120–127.
4. Shiryayeva, O.V. (2014), "Specificity of information media-discourse (on the material of business media)", *Proceedings of Southern Federal Univ. Philology*, no. 4, pp. 197–203.
5. Dobrosklonskaya, T.G. (2008), *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech'* [Medialinguistics: a systematic approach to learning the language of the media: modern English media speech], Flinta: Nauka, Moscow, RUS.
6. Alevizaki, O.R., Aleksandrova, I.B., Kara-Murza, Ye.S. and Slavkin, V.V. (2021), "News media narrative in the VKontakte social network: discursive features", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 74–101. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.74101.
7. Kellner, D. (2009), "Media spectacle and media events: some critical reflections", *Media Events in a Global Age*, Routledge, London; NY, USA, pp. 76–92.
8. Negryshev, A.A. (2012), "Interpretation of Reality in News Media: Some Approaches at the Composition Level", *Mediascope*, no. 2, available at: <http://www.mediascope.ru/node/1071> (accessed 10.12.2021).
9. "News. Central region" (2021), *YouTube*, 01.08.2021, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=adjSSVzhjeU> (accessed 10.10.2021).

10. "Zone X. Results of the week" (2021), *YouTube*, 02.04.2021, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=H1A8kX7eZjk> (accessed 10.10.2021).
11. Caillouis, R. (2007), *Les jeux et les hommes: essais de sociologie de la culture*, Transl. by Zenkin, S.N., Moscow, OGI, RUS.
12. "Your city" (2018), *Belteleradiocompany*, 21.01.2018, available at: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/tvoy-gorod/> (accessed 10.10.2021).
13. "Around the planet" (2016), *Belteleradiocompany*, 14.06.2016, available at: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/vokrug-planety/> (accessed 10.10.2021).
14. "Your city" (2020), *Belteleradiocompany*, 21.06.2020, available at: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/tvoy-gorod/> (accessed 10.10.2021).
15. "Your city" (2019), *Belteleradiocompany*, 21.01.2019, available at: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/tvoy-gorod/> (accessed 10.10.2021).
16. L. Sprague de Camp (2008), *H.P. Lovecraft. A Biography*, Transl. by Popov, D.V., SPb., Amphora, RUS.
17. "Around the planet" (2021), *Belteleradiocompany*, 15.08.2021, available at: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/vokrug-planety/> (accessed 10.10.2021).
18. "Zone X" (2020), *Belteleradiocompany*, 13.03.2020, available at: <https://www.tvr.by/videogallery/informatsionno-analiticheskie/zona-x/> (accessed 10.10.2021).

Information about the author.

Marina A. Gladko – Can. Sci. (Philology) (2009), Docent (2010), Associate Professor at the Department of Speechology and Communication Theory, Minsk State Linguistic University, 21 Zakharova str., Minsk 220034, Belarus. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: media communication, television discourse, radio discourse, persuasion.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.12.2021; adopted after review 26.01.2022; published online 22.11.2022.*

Оригинальная статья

УДК 81'272

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-144-159>

Языковые контакты в бельгийском медиапространстве

Иван Максимович Гореленко¹, Любовь Александровна Ульяницкая²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹kiselinho@gmail.com<https://orcid.org/0000-0002-4121-9514>

²ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

Введение. Языковая ситуация в Бельгии является уникальной, так как помимо нескольких государственных языков, десятка миноритарных языков и сотен диалектов, находящихся в постоянном контакте между собой, на бельгийское языковое сообщество активно оказывает влияние и английский язык. Актуальность исследования продиктована возрастающим значением английского языка на территории Европы, зачастую используемого в качестве лингва франка, а также развивающимся взаимовлиянием французского и нидерландского языков на территории Бельгии. Цель данной работы состоит в анализе переключений кодов в бельгийском медиапространстве, изучении их функций, а также стратегий их образования.

Методология и источники. Материалом данного исследования стали публикации в бельгийских газетах и журналах, а также материалы бельгийских информационных ресурсов в социальной сети Instagram. В данной работе используются метод сплошной выборки, метод синтеза, описательный метод, метод классификации, сравнительно-языковой анализ.

Результаты и обсуждение. В работе кратко раскрываются особенности социолингвистической ситуации в трех бельгийских регионах: Фландрии, Валлонии, Брюссельском столичном регионе. Анализ найденных в бельгийской прессе примеров переключений кодов показал, что в парах французский – нидерландский и нидерландский – французский переключения случаются крайне редко; большинство найденных примеров – на английском языке. Переключение на английский язык добавляет тексту эмоциональную окраску, а также используется при обращении к прецедентным высказываниям, ситуациям, именам, вошедшим в мировой дискурс на этом языке. Среди стратегий переключения кодов по П. Майскену наиболее часто используются инсерция и альтернативация.

Заключение. Социокультурные, экономические и языковые различия привели к автономии и определенной независимости регионов Бельгии, а также спровоцировали желание обращаться к английскому языку как к языку-посреднику при межличностной коммуникации. Анализ письменных источников позволил увидеть случаи по большей части мотивированного переключения на английский язык, а также изучить их стилистические, функциональные и собственно лингвистические особенности.

Ключевые слова: Бельгия, социолингвистическая ситуация, английский язык, языковая интерференция, переключение кода

Для цитирования: Гореленко И. М., Ульяницкая Л. А. Языковые контакты в бельгийском медиапространстве // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 144–159. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-144-159.

© Гореленко И. М., Ульяницкая Л. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Language Contacts in Belgian Media

Ivan M. Gorelenko¹, Liubov A. Ulianitckaia²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*kiselinho@gmail.com* <https://orcid.org/0000-0002-4121-9514>

²*ulianitckaia_liubov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0163-3243*

Introduction. Language situation in Belgium is considered unique because, despite several state languages, a dozen minority languages, and hundreds of dialects being in constant contact with each other, the Belgian language community is also actively influenced by the English language. The relevance of this research is dictated by the growing importance of the English language in Europe, where the latter is frequently used as a lingua franca, by the developing mutual influence of the French and the Dutch languages in Belgium, and also by the linguists' interest towards the matter of code-switching. The purpose of this research lies in analyzing the examples of code-switching in Belgian media, and in exploring their functions and the strategies of forming them in the context of the difficult language situation in Belgium.

Methodology and sources. The material of this research consists of publications in Belgian newspapers and journals and materials of Belgian informational resources in the social network "Instagram". The following methods are used in this research: continuous sampling method, synthesis method, descriptive method, classification method, and comparative language analysis.

Results and discussion. The research briefly describes the features of sociolinguistic situation in Belgium, particularly in three regions: Flanders, Wallonia, and the Brussels-Capital Region. Analysis of the found in Walloon and Flemish examples of code-switching showed that in Belgian newspapers and journals code-switching in French – Dutch and Dutch – French pairs is very rare, and the absolute majority of examples is in English. Switching to English adds some emotional aspect to a text and is used when addressing to precedent statements, situations, and names that entered the international discourse in English. According to P. Muysken, among the strategies of code-switching the most frequently used are insertion and alternation.

Conclusion. Sociocultural, economical and linguistic differences lead to the autonomy and certain independence of Belgian regions. They also provoked the willing to turn to English as a mediatory language during interpersonal communication. Analysis of the written sources allowed to document the cases of mostly motivated switching to English and study their stylistic, functional and linguistic features.

Keywords: Belgium, sociolinguistic situation, English language, language interference, code-switching

For citation: Gorelenko, I.M. and Ulianitckaia, L.A. (2022), "Language Contacts in Belgian Media", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 144–159. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-144-159 (Russia).

Введение. Языковые контакты в странах со сложной языковой ситуацией всегда были и остаются важным предметом изучения лингвистов. Сосуществование нескольких государственных языков, языковая политика в отношении языков коренных народов, использование языков-гигантов в качестве языков-посредников, смешение языков – все это требует внимательного изучения для возможности прогнозирования языковых процессов, а также для нахождения оптимальных моделей урегулирования языковых отношений в обществе.

При этом наиболее важным компонентом языковой ситуации является функциональная нагруженность и социальный статус идиом, распространенных на определенной территории, так как языковые ситуации могут представлять собой совокупности языков и их подсистем, а их компоненты бывают функционально равнозначны либо находятся в иерархических отношениях, что определяется не только историческими, но также политическими, экономическими и социальными факторами. В этом отношении интересным примером является Бельгия, в которой на сегодняшний день сложилась одна из самых непростых языковых ситуаций в Европе: страна фактически поделена на две части – франкофонную и нидерландофонную, с особым статусом Брюссельского столичного региона и немецкоязычными восточными кантонами (немецкий – третий государственный язык наравне с французским и нидерландским).

В Бельгии с момента федеральной реформы 1993 г., которая была призвана устранить противоречия регионов и удовлетворить их требования по сохранению уникальности культур, социалингвистическая ситуация едва ли стала спокойной. В результате долгих конституционных преобразований Бельгия оказалась разделенной следующим образом.

1. Административные регионы:

- Фландрия;
- Валлония;
- Брюссель.

2. Культурные сообщества:

- Фламандское;
- Валлонское;
- Немецкоговорящее.

3. Лингвистические сообщества:

- зона фламандского языка (бельгийский вариант нидерландского языка);
- зона французского языка;
- зона немецкого языка;
- двуязычный столичный регион.

Важность языкового вопроса в стране определяется тем, что именно лингвистические сообщества были выделены на первом этапе масштабной бельгийской реформы 1962 г. [1], и лишь на более поздних ее этапах произошло деление государства на других уровнях.

Разделение обусловлено не только административной потребностью, но и культурно-историческими причинами, которые привели к обостренным отношениям между Фландрией и Валлонией, так что сепаратистские настроения были и остаются осязаемыми в бельгийском государстве. Если раньше это в основном был фламандский сепаратизм, то с конца XX в. реакцией на него стали националистские взгляды и в Валлонии [2]. Ярким примером развитых сепаратистских взглядов в обоих регионах является наличие в каждом из них действующих политических партий с националистическими взглядами. Во Фландрии это «Фламандский интерес» (до 2004 г. – «Фламандский блок»), в Валлонии – партия «Валлонское обновление», которая, впрочем, в конце XX в. утратила свою политическую силу, и ее радикальные идеи по защите валлонской культуры были подхвачены социалистами, которые в настоящий момент являются первой по силе партией региона [3].

Причинами конфликтного характера межрегиональных отношений в Бельгии можно считать различия между фламандской культурой, имеющей германские корни, и валлонской, которая сформировалась под сильным влиянием романской цивилизации и Франции в частности. Еще в 1912 г. бельгийский социалист Ж. Дестре сказал бельгийскому королю Альберту I, что в Бельгии есть валлоны и фламандцы, но нет бельгийцев [4]. Бельгия – во многом искусственное государство, и это чревато несогласиями ее составных регионов, желающих больших свобод. Чтобы разобраться в языковых и политических особенностях страны, следует обратиться к каждому из регионов по отдельности.

Социолингвистическая ситуация во Фландрии. Фландрия – регион на севере Бельгии, в который входят провинции Антверпен, Лимбург, Восточная Фландрия, Западная Фландрия и Фламандский Брабант. В этом регионе на каждом уровне есть собственные органы власти. Так, законодательным органом является Фламандский парламент, который формирует фламандское правительство – исполнительный орган Фландрии.

Единственным официальным языком на территории Фландрии является нидерландский. Основной этнос региона – фламандцы – германский народ, попавший в разное время под галло-романское и французское влияние. Во фламандском регионе есть значительное количество иммигрантов. Кроме того, присутствует и постепенно растущее франкоязычное население.

После Второй мировой войны Фландрия постепенно стала локомотивом не только бельгийской экономики, что было вызвано развитием автомобильной и нефтеперерабатывающей индустрий, но и сепаратистских настроений. Радикальные взгляды обусловлены нежеланием «кормить» бедного соседа в лице Валлонии. Кроме того, фламандцы недовольны разрастанием Брюсселя, в котором подавляющее большинство жителей говорят на французском. Увеличивая свою площадь, брюссельский регион забирает земли у Фландрии, чем недовольны ее жители, ведь переход в новый регион означает переход под крыло новых законов, в том числе языковых [5].

Нидерландский является единственным официальным языком Фландрии. Это связано с тем, что языковая политика региона во многом построена на исключении французского языка из общественной жизни, начавшемся сразу после принятия закона об официальных языках 1963 г. В школах французский также преподается ограниченно. Он является факультативным предметом в начальных классах и преподает его не носитель, а нидерландофонный учитель [5].

Важно указать, что, помимо официального нидерландского, во Фландрии присутствуют традиционные диалекты, которые некоторые ученые выделяют в самостоятельные языки. Самыми распространенными являются западно-фламандский, восточно-фламандский, брабантский и люксембургский диалекты [4]. Кроме того, в настоящее время развивается такой новый язык, как туссентааль – промежуточный вариант между официальным нидерландским языком и его фламандскими диалектами.

Социолингвистическая ситуация в Валлонии. Валлонский регион занимает южную часть бельгийского государства и включает в себя провинции Эно, Льеж, Люксембург, Намюр и Валлонский Брабант. В Валлонии находятся франкоязычное и немногочисленное немецкоязычное сообщества.

Аналогично с Фландрией в Валлонии функционируют франкоговорящие законодательный Парламент и исполнительное правительство. Официальным языком региона является французский, однако в границах немецкого сообщества (восточная часть Валлонии на территории провинции Льеж) функции официального языка на себя берет немецкий.

После Второй мировой войны Валлонский регион пришел в упадок по сравнению со своими северными соседями: не развивались прорывные отрасли промышленности, росла безработица. Кроме того, конфликтные настроения с Фландрией подпитывают попытки фламандцев сделать нидерландский язык главным языком страны, в которой он и так является самым распространенным, потому что больше половины населения говорят на нем как на родном (нидерландский язык – 60 %, французский язык – 40 %, немецкий язык – менее 1 %) [6].

Тем не менее, несмотря на сложные отношения регионов, во французском сообществе с 1998 г. проводится политика раннего двуязычного образования, при котором до трех четвертей занятий в школе может проходить на французском, нидерландском или немецком языке [5]. Впрочем, основной проблемой становится нехватка квалифицированных кадров для такой работы.

Кроме официального французского языка, который возник из франсийского диалекта в Париже, в регионе развиты пикардский, шампанский, валлонский и лоранский диалекты. Что касается немецкого сообщества, то, помимо стандартного немецкого языка, в нем присутствуют мозельские франкский и рипуарский диалекты [4].

Социологическая ситуация в Брюсселе. Брюссель представляет собой столичный регион Бельгии, за которым официально закреплён двуязычный статус с тремя официальными языками – французским, нидерландским и немецким. Столица Бельгии является субъектом федерации, как и Фландрия с Валлонией.

Несмотря на равное положение всех перечисленных языков, Брюссель фактически является франкоговорящим городом, потому что 80 % его населения составляют франкофоны [7]. Тем не менее в Брюсселе устойчиво существуют две разновидности нидерландского языка: стандартный и бельгийский варианты, и лишь одна, стандартная форма французского, так как именно французский считается в столице заимствованным языком, ведь изначально в Брюсселе говорили на нидерландском языке, и лишь после Бельгийской революции 1830 г. языковая ситуация в столице кардинально изменилась.

Говоря об образовании, стоит указать, что в столичном регионе нет двуязычных школ, все учебные заведения преподают только на одном из официальных языков (за исключением уроков иностранного языка) [5].

Важно отметить, что, являясь столицей не только Бельгийского государства, но и Европейского Союза, Брюссель предстает и столицей европейского многоязычия, так как в нем проживают политики и дипломаты всех стран мира, что увеличивает количество языковых контактов [8].

Что касается политического устройства столицы, в Брюсселе есть столичный законодательный парламент, а образование и культура регулируются фламандским и франкоязычным сообществами. Для координации действий последних был создан Брюссельский столичный совет, который состоит из членов, представляющих обе языковые общности.

В контексте административно-политического устройства Бельгии необходимо указать, что сосуществование разноязычных сообществ на территории одного государства естественным образом приводит к языковому смешению, процессу, получившему в лингвистической теории название языковой интерференции.

Языковая интерференция. С языковыми ситуациями, в которых на протяжении достаточно длительного отрезка времени тесно взаимодействуют несколько языков, связано такое понятие, как лингвистическая интерференция. Причиной для интерференции являются устойчивые контакты между языками. Советский лингвист Л. В. Щерба определяет языковой контакт как феномен, который характеризуется появлением в сознании говорящего единой системы ассоциаций и сближением понятий; при этом различия между знаками сохраняются [9, с. 40–53]. Таким образом, суть языковой интерференции заключается в насаждении норм и понятий одной языковой системы на другую.

Изучение языковой ситуации в Бельгийском государстве неразрывно связано с понятием языковой интерференции, ведь согласно исследованию Католического университета Лувена (крупнейшего франкоговорящего университета страны), проведенному в 2006 г., более половины населения административных регионов Фландрии и Брюсселя и пятая часть жителей Валлонии владеют двумя и более языками [10]. Кроме того, очевидно, что в стране с несколькими официальными языками и таким разнообразием региолектов неизбежно большое количество языковых контактов, сопровождающихся заимствованиями. Подтверждается это политическим устройством страны, где географические границы административных регионов и лингвистических сообществ не всегда совпадают. Другой особенностью языковых контактов в Бельгии является регулярное обращение к английскому языку как к языку-посреднику. Это, безусловно, с одной стороны, вызывает удивление, ведь при наличии трех государственных языков кажется избыточным обращение к четвертому для внутрисообщественного общения, а с другой стороны, дает почву для исследования мотивированности обращения к иностранному языку при языковой интерференции, при переключении на английский язык в устной и письменной речи.

Методология и источники. Для изучения языковой интерференции между языками, бытующими на территории Бельгии, были проанализированы примеры переключений кодов в следующих языковых парах: французский – английский, нидерландский – английский, нидерландский – французский.

Материалом исследования послужили статьи из нидерландоязычных и франкоязычных бельгийских газет и журналов, новостные статьи в социальной сети Instagram. Статьи бельгийских газет и постов в аккаунтах Instagram следующих изданий: De Morgen [11], De Standaard [12, 13], De Tijd [14, 15], Gazet van Antwerpen [16], Het Belang van Limburg [17], Het Nieuwsblad [18], Het Laatste Nieuws [19], L'Avenir [20, 21], Le Soir [22, 23], Metro Belgique [24], RTL Belgium [25], La Dernière Heure [26], La Libre Belgique [27], L'Echo [28], были проанализированы на предмет наличия кодовых переключений на нидерландский язык во франкоязычных газетах и на французский язык в нидерландоязычных газетах, а также на английский язык во всех изданиях. Кодовые переключения российский филолог М. Г. Исаева определяет как структурные единицы из другого языка в высказывании на матричном языке, использование которых не нарушает грамматику матричного языка [29, с. 7–91].

Результатом исследования стали 73 переключения кода во франкоязычных статьях и 61 – в статьях на нидерландском языке. В данной работе приведен анализ этих кодовых переключений по стилистической окраске, выполняемой функции и стратегии переключения кодов.

В качестве методов сбора и анализа информации применялись метод сплошной выборки, описательный метод, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов по социолингвистике, теории переключения кодов, языковой ситуации и языковой политике в Бельгии.

Результаты и обсуждение.

Стилистическая характеристика кодовых переключений. Анализируемые переключения кодов можно классифицировать по наличию стилистической окраски, которая придает публицистическому тексту явно выраженный эмоциональный характер или указывает на намеренное отклонение статьи от литературного языка.

Валлонские статьи (12 примеров):

В статьях из франкоязычного региона Бельгии можно встретить следующие примеры:

– *Le troisième acte nous ramène au pays de Nicolas fuckiiiiing Cage.* (Третий акт возвращает нас в страну чертова Николаса Кейджа.) (Здесь и далее перевод авторов.) В данном предложении авторы снижают стиль статьи, употребляя обсценную лексику для обозначения популярного актера Николаса Кейджа;

– *J'apprécie particulièrement les opportunités que cela me donne d'être sexy et funny, tout en gardant une sorte de barrière ou de frontière, entre mes followers et moi.* (Я особенно ценю возможность быть сексуальной и забавной, которую мне это дает, сохраняя в то же время своего рода барьер между моими подписчиками и мной.) Участница интервью в данном предложении использует сниженную лексику английского языка, чтобы показать свою близость к подписчикам;

– *Pour Maxim, la femme la plus "hot" de la planète s'appelle Olivia Culpo.* (По мнению «Maxim», самую «горячую» женщину планеты зовут Оливия Кульпо.) Авторы публикации прибегают к использованию английской сленговой лексики для обозначения человека привлекательной внешности;

Фламандские статьи (8 примеров):

– *Cardi B zien we hier zediger dan we gewend zijn – of is het gewoon een slimme paparazitruc en zit er onder dat deken eigenlijk een supersexy outfit?* (Выглядит ли здесь Cardi B элегантнее, чем мы привыкли, или это лишь трюк папарацци, и в самом ли деле под этим покрывалом скрывается суперсексуальный наряд?) Рассуждая об одежде певицы, журналист(ка) прибегает к использованию сниженной лексики гламурной тематики из английского языка;

– *Make some noise. Denk: dirty talk en gekreun.* (Пошумите. Подумайте: «грязные» разговоры и стоны.) Авторы публикации прибегают к широко известным английским сленгу и слогану, чтобы уже с заголовка обозначить смелую тему;

– *No shame over ons heerlijke achterwerk, maar dan wel liefst zonder zichtbare ondergoedlijnen.* (Не стоит стыдиться нашего восхитительного низа, но желательно, чтобы нижнего белья не было видно.) Выражение сниженного стиля в данном случае используется, чтобы придать теме приземленный характер, упростить ее для читателей.

Функция кодовых переключений в контексте статьи. Найденные в бельгийской прессе языковые интерференции можно классифицировать в соответствии с ролью, которую они выполняют внутри текста: обозначение понятия, которого нет в матричном языке или которое гостевой язык передает лучше или красочнее.

Валлонская пресса (31 пример):

– ...*une superbe robe noire qui laissait apparaître son baby bump*. (Роскошное черное платье, которое позволяет заметить ее беременность.) Английский термин используется для обозначения живота беременной женщины;

– *Son bodycount doit être élevé de zinzin*. (Список ее половых партнеров должен быть сильно увеличен.) Приведенная английская сленговая лексема обозначает число половых партнеров человека (буквально «счет тел»);

– *ATP Barcelone: Sander Gille et Joran Vliegen repêchés dans le tableau final comme “lucky loser” en double*. (Турнир АТР в Барселоне: Сандер Жилль и Жоран Вльежан попали в итоговую таблицу парного разряда в качестве «лаки лузеров».) Термин «лаки лузер» обозначает спортсмена, попавшего в основную часть турнира, будучи уже побежденным на этапе квалификации в результате снятия с турнира спортсмена, отобранного в основную часть;

– *Le “underboob”, la nouvelle tendance sexy qui affole Instagram*. («Подгрудь», новый сексуальный тренд, который заполнил Инстаграм.) В данном случае авторы статьи прибегли к английской лексеме, потому что это понятие (обнаженная нижняя часть груди) является современным и появилось оно в англоязычном дискурсе;

– *Il peut y avoir des “to-do list” ou encore des objectifs à atteindre par mois*. (Там можно хранить списки дел или цели на месяц.) Англоязычный термин в данном предложении использован вследствие его международной общеупотребительности в контексте расписаний и планов.

Фламандская пресса (30 примеров):

– *Elegant met een dégradé*. (Элегантный с градиентом.) Французский термин использован авторами для передачи изящества дизайна объекта статьи;

– *Thibaut Courtois beleefde een rustige avond en mocht alweer een clean sheet bijschrijven*. (Тибо Куртуа провел спокойный вечер, и ему снова позволили сохранить свои ворота в неприкосновенности.) Спортивный термин, обозначающий матч, в котором вратарь не пропустил ни одного гола, полностью перенесен из английского языка;

– *Burgerbevraging over toekomst België geen referendum, enkel “brainstorm”*. (Опрос граждан о будущем Бельгии – никакого референдума, только мозговой шторм.) Авторы статьи использовали английскую лексему, которая обозначает технику принятия решения в короткие сроки, не адаптируя ее под материнский язык в силу ее общеупотребительности;

– *En omdat seks nu eenmaal hongerig maakt, wilden wij wel eens weten wat de grootste after sex cravings van de Belg juist zijn*. (И поскольку секс вызывает чувство голода, мы хотели узнать, какие лакомства после секса предпочитают бельгийцы.) Журналисты оставили в гостевом (английском) языке целое выражение, которое обозначает еду после полового акта;

– *Alles over een nieuw datingfenomeen, lovebombing genaamd*. (Все о новом феномене знакомств, именуемом «бомбежкой любовью».) Авторы статьи использовали английскую лексему для временного понятия, аналога которому еще нет в матричном языке.

Такое большое количество входящих в этот раздел примеров показывает, что чаще всего в гостевом языке сохраняются термины или понятия, которые имеют некое культурное значение и используются в современном дискурсе именно на английском языке, их перевод казался бы анахроничным или странным.

Сохранение имени собственного, официального и неофициального (прозвища), или королевского титула на гостевом языке:

Валлонская пресса (12 примеров):

– *Vincent Kompany entre dans le “Hall of Fame” de la Premier League*. (Венсан Компани вошел в Зал славы.) Без перевода остается название известной футбольной организации, в которую входят легенды этого вида спорта;

– *...le chef français Thierry Marx est, lui, devenu ambassadeur du programme Sustainable Beauty Actions du groupe Shiseido*. (Тьерри Маркс стал послом программы “Sustainable Beauty Actions” в группе “Shiseido”.) Название программы авторы статьи оставляют в гостевом языке;

– *...lui et son équipe vous parleront notamment de ce qu’il fallait retenir de la réunion “Return to Hogwarts”*... (...он и его команда расскажут вам о том, чего стоит ждать после реюиона «Возвращение в Хогвартс».) Как и многие другие названия сериалов и фильмов, данное воссоединение актеров из франшизы «Гарри Поттера» авторы статьи не переводят на матричный язык;

– *L’inarrêtable ours noir «Hank the Tank» a pillé au moins 28 maisons*. (Неудержимый бурый медведь Хэнк Танк разграбил как минимум 28 домов.) Прозвище медведя из США, известного по всему миру, оставили без перевода, так как именно благодаря ему медведь и стал таким популярным;

– *...au terme d’un combat présenté comme le dernier de la carrière du «Gypsy King»*. (...по окончании боя, объявленного последним в карьере «Цыганского Короля».) Британский боксер Тайсон Фьюри известен своим прозвищем всему боксерскому сообществу, поэтому оно было оставлено в английском варианте.

Фламандская пресса (12 примеров):

– *De Britse Queen Elizabeth (95) heeft via een videogesprek met zorgmedewerkers gepraat over de coronacrisis*. (Британская королева Елизавета (95) рассказала о коронакризисе в ходе видеозвонка с медицинскими работниками.) Титул королевы Британии оставлен на английском языке, однако в ходе исследования были обнаружены статьи, где титул переводился;

– *De Champions’ play-offs binnen handbereik en uitzicht op de eerste trofee in vijf jaar*. (До плей-офф Лиги чемпионов рукой подать, и близится первый за пять лет трофей.) Название главного клубного футбольного турнира не переведено на матричный язык, однако оно грамматически ассимилировано под правила нидерландского языка с помощью апострофа для обозначения притяжательного падежа;

– *Op videoplatform TikTok hebben ze de mond vol over de «Loyalty Test»*. (Видеоплатформу «ТикТок» заполонили «тесты на лояльность».) Название популярного тренда из социальной сети авторы статьи оставили без перевода, так как на данной видеоплатформе нет разграничения по языкам, на которых показываются видеоролики, а значит, данный тренд, скорее всего, известен молодежи именно под английским названием;

– *Toen ze veertig werd, maakte The Guardian een portret van haar onder de titel How the queen of social media changed the world*. (Когда ей исполнилось сорок лет, The Guardian выпустила статью с ее портретом под заголовком «Как королева социальных сетей изменила мир».) Заголовок статьи из британской газеты оставлен в гостевом языке, возможно, для того чтобы пользователь смог найти оригинал и при желании ознакомиться с ним;

– *Kleine Belg, maar niet zomaar opzij te zetten: onze Bicycle Guy test de Ridley Noah Fast*. (Маленький Бельгиец, но от него не так просто оторваться: наш Велосипедист тестирует «Ridley Noah Fast».) Прозвище человека, который тестирует велосипеды для данной газеты, приводится на английском языке.

Выводом из данной классификации можно считать то, что авторы статей оставляют непереуведенными имена собственные из всех общественных сфер: спорт, бизнес, административные учреждения, титулы, кинематограф, мода. Это можно объяснить высоким уровнем владения английским языком у жителей Бельгии, которые могут без труда перевести имена собственные на английский язык. Кроме того, стоит сказать о близости нидерландского и английского языков, которая влияет на необязательность перевода всевозможных названий. Можно также заметить, что в каждом из кодовых переключений каждое знаменательное слово «прозвища» пишется с заглавной буквы и само «прозвище» выделяется авторами статьи в тексте по-разному.

Ссылка на прецедентное высказывание на гостевом языке:

Валлонская пресса (4 примеров):

– *Dont une “Putin is a dickhead” qui se passe de traduction*. (В том числе «Putin is a dickhead», который не требует перевода.) Авторы статьи перечисляли специфические названия рецептов пива, которые варят бельгийские и украинские пивовары, и приведенный рецепт, названный в соответствии с провокационным политическим лозунгом, журналисты показательно оставили без перевода;

– *Acheter en ligne au meilleur prix grâce à une app “made in Liège”*. (Покупайте онлайн по лучшей цене благодаря приложению, сделанному в Льеже.) Описывая приложение, созданное в Бельгии, авторы публикации прибегли к всемирно известному выражению «made in...», которое можно увидеть на большинстве товаров, где указано место изготовления.

Фламандская пресса (3 примера):

– *Make some noise. Denk: dirty talk en gekreun*. (Пошумите. Подумайте: «грязные» разговоры и стоны.) “Make some noise” – слоган, не требующий перевода. Он известен по всему миру благодаря одноименным композициям группы Beastie Boys, певицы Майли Сайрус и многим другим популярным медиасобытиям;

– *COPY THE LOOK. Glasafval wordt design: style je huis met een wijnfles aan je plafond of een zomerse vaas in knalkleuren*. (КОПИРУЙТЕ ВНЕШНИЙ ВИД. Отходы из стекла становятся дизайном: украсьте свой дом бутылкой вина на потолке или летней вазой в ярких тонах.) «Copy the look» является популярным слоганом в мире моды, связанным со следованием стилю какой-либо медийной личности.

Стоит отметить, что в каждом из случаев интерференция выделялась авторами статьи по-разному.

Обозначение действия, которое гостевой язык передает с большим спектром коннотативного смысла:

Валлонская пресса (3 примера):

– *Le compte du Pape François provoque le buzz sur Instagram en “likant” une photo osée.* (Аккаунт Папы Римского вызывает переполох в Инстаграме, оставив отметку «нравится» на «дерзкой» фотографии.) Термин «лайкнуть» стал всемирно популярен с появлением социальных сетей. Это можно заметить по тому, что авторы статьи, заключив иноязычный термин в кавычки, привели его в публикации в соответствии с правилами грамматики французского языка.

Фламандская пресса (2 примера):

– *Uit “Hasta los dientes” – disco meets reggaeton in maanlichtsfeer – spreekt existentiële twijfel...* (А от “Hasta los dientes”, где в стиль диско вплетаются оттенки регги, веет экзистенциальным сомнением.) Авторы рецензии на данный альбом описывают смешение жанров английским глаголом «to meet». Можно предположить, что делается это для придания этому смешению одушевленности, так как в английском языке данным глаголом, как правило, описывают встречу людей;

– *Goed verstopt, en toch opvallend: Cardi B goes undercover.* (Хорошо спрятано, но все же поразительно: Cardi В выходит под прикрытием.) Авторы публикации привели на английском языке явление, описывающее ситуацию, когда медийная личность выходит на улицу секретно, закрыв лицо, чтобы остаться незамеченной.

Стратегия кодовых переключений. В соответствии с трудами нидерландского лингвиста П. Майскена анализируемые примеры можно классифицировать по стратегии переключения кода. Ученый выделяет 3 стратегии: инсерцию, которая заключается во внедрении материала матричного языка в гостевой; альтернацию, подразумевающую попеременное переключение кодов в пределах высказывания, не ограничивающееся одним словом или выражением; конгруэнтную лексикализацию, суть которой состоит в ничем не ограниченном смешении кодов на лексическом и грамматическом уровнях [30]. Последняя стратегия характеризуется использованием морфосинтаксических структур, свойственных обоим языкам, и лексическим наполнением этих структур материалом из каждого языка. Вследствие того, что такая стратегия свойственна в основном близкородственным языкам, а главное – устной речи, в которой говорящий «переключал» бы код от выражения к выражению, используя морфосинтаксические структуры разных языков ввиду тех или иных причин, примеров применения этой стратегии не было обнаружено, и она не учитывалась при анализе примеров.

Инсерция представляет собой простейшую стратегию переключения кода, которая заключается во вставлении иностранного языкового материала в морфосинтаксическую структуру матричного языка. Как правило, вставляется одна лексическая единица или выражение. Из-за того, что эта стратегия является самой простой и наиболее подходящей под формат публикаций в сети и в изданиях, так как в них, как правило, соблюдается публицистический стиль, именно инсерции составили подавляющее большинство найденных примеров переключения кода. К ним можно отнести следующие:

Валлонская пресса (64 примера):

– *Au niveau du reste de la tenue, des habits plus «casual» feront l’affaire pour un style habillé mais pas trop.* (Что касается остального наряда, то более «повседневная» одежда подойдет для нарядного стиля, но не слишком.);

– *Le starterpack pour une expérience cocooning réussie.* (Стартовый набор для успешного коконирования.);

– *Acheter en ligne au meilleur prix grâce à une app “made in Liège”.* (Покупайте онлайн по лучшей цене благодаря приложению, сделанному в Льеже.)

Фламандская пресса (54 примера):

– *“Douze points” voor België?* (Двенадцать очков для Бельгии?);

– *Thibaut Courtois beleefde een rustige avond en mocht alweer een clean sheet bijschrijven.* (Тибо Куртуа провел спокойный вечер, и ему снова позволили сохранить свои ворота в неприкосновенности.);

– *Alles over een nieuw datingfenomeen, lovebombing genaamd.* (Все о новом феномене знакомств, именуемом «бомбежкой любовью».)

Стоит отметить, что граница между инсерцией и заимствованием может быть не всегда ясна, но П. Майскен заявляет, что в случае с заимствованием наблюдается употребление лексики, которая хранится в готовом виде в нашей памяти и признается языковым сообществом говорящего. Однако интересен следующий пример: *Tentez de gagner un smartphone et des écouteurs @oppobelgium!* (Попробуйте выиграть смартфон и наушники @oppobelgium!) В Академическом французском словаре лексема «smartphone» не значится, а следовательно, она будет являться примером переключения кода. Тем не менее ясно, что эта лексическая единица будет понятной и употребимой для абсолютного большинства франкоговорящего населения Бельгии.

Альтернатива является стратегией переключения кода более сложной, чем инсерция. Она заключается в чередовании морфологических и лексических единиц гостевого и матричного языков. Следовательно, отсутствует ярко выраженная языковая асимметрия в высказывании, которая характерна инсерции. Так как альтернатива – стратегия, более свойственная устной речи, чем публикациям, примеров в соцсетях и прессе было найдено намного меньше, чем в случае с инсерцией. К таким примерам следует отнести следующие.

Валлонская пресса (4 примера):

– *Le Core Festival, tomorrow rocks.* («Core Festival», завтра будет круто.)

– *Grey hair don't care. Dans une société qui voit les cheveux gris comme un signe de vieillissement et un frein à la séduction...* (Седые волосы не волнуют. В обществе, которое считает седые волосы признаком старения и препятствием для соблазнения...)

– *Au programme:*

19:00–20:00: happy hour cocktails;

20:00–22:00: showcases;

22:00–02:00: after party animée par @gloom.club.

(В программе:

19:00–20:00: коктейли «счастливый час»;

20:00–22:00: показы;

22:00–02:00: «афтепати» от @gloom.club.)

Фламандская пресса (4 примера):

– *Deze “flashcras” kwam vanuit Scandinavië en werd veroorzaakt door een “fat finger”.* (Это быстрое падение пришло из Скандинавии и было вызвано случайным нажатием.)

– *Goed verstoppt, en toch opvallend: Cardi B goes undercover.* (Хорошо спрятано, но все же поразительно: Cardi B выходит под прикрытием.)

– *COPY THE LOOK.* *Glasafval wordt design: style je huis met een wijnfles aan je plafond of een zomerse vaas in knalkleuren.* (КОПИРУЙТЕ ВНЕШНИЙ ВИД. Отходы из стекла становятся дизайном: украсьте свой дом бутылкой вина на потолке или летней вазой в ярких тонах.)

Важно отметить, что несоответствие в количестве примеров является результатом того, что общее число найденных переключений кода составлялось из суммы всех примеров использования материалов гостевого языка, а при подсчете случаев альтернации за один пример бралось высказывание со всеми примерами употребления лексики иностранного языка суммарно.

Анализ найденных в валлонской и фламандской прессе переключений кода показал, что в бельгийских газетах и журналах крайне редко случаются переключения кода в парах французский – нидерландский и нидерландский – французский. Подавляющее большинство найденных примеров было на английском языке, и это логично, учитывая то, как сильно этот язык проник в культуру Европы, унифицируя ее в соответствии с процессом глобализации. Другим важным результатом стало определение того факта, что чаще всего в статьях переключают код, когда необходимо упомянуть какое-либо явление или объект, часто при этом добавляя к нему признак также на английском языке. К тому же обычно кодовые переключения являются стилистическим средством, привносящим в текст особую коннотацию из иностранного языка.

Закключение. В странах со сложной языковой ситуацией неизбежны процессы, провоцирующие языковые контакты. Бельгия является примером страны, где языковые сообщества разделены настолько, что сепаратистские настроения превалируют в регионах. Большинство жителей Бельгии не являются триязычными или двуязычными: пользуясь родным языком, они ожидают от жителей других регионов изучения этого языка вместо попытки выучить второй или третий государственный язык своей страны.

Культурологические, экономические, социальные и не в малой степени языковые различия привели к автономии и определенной независимости регионов в пределах одной страны, а также спровоцировали желание обращаться к четвертому иностранному языку – английскому, как к языку-посреднику при межличностной коммуникации. Безусловно, переключение на английский язык обусловлено и непрекращающимся ростом его популярности и значимости во всем мире, тем более что в последние годы говорят о новом варианте английского языка – европейском английском.

Анализ письменных источников позволил увидеть случаи переключения на английский язык, по большей части мотивированного, а также изучить их стилистические, функциональные и собственно лингвистические особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кучук Ю. В. Бельгия: от сепаратизма к федерализму (эволюция федерализма в Бельгии) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. С. 61–64.
2. Орлова С. Ю. Фландрия и Валлония: хорошо ли порознь? // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 5. С. 107–112.

3. Political Parties in Belgium // Parties and Elections in Europe. URL: <http://www.parties-and-elections.eu/belgium.html> (дата обращения: 08.03.2022).
4. Дубровина О. Ю. Особенности регионализации и федерализации в Бельгии // Сибирский международный журнал. 2017. № 19. С. 45–54.
5. Гураль С. К., Смокотин В. М. Вопросы национальной и этнокультурной идентичности языковых сообществ Бельгии в условиях нестабильного многоязычия // Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 5–11.
6. Explore all countries – Belgium // The world factbook. 2022. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/belgium/> (дата обращения: 15.05.2022).
7. Treffers-Daller J. Language Use and Language Contact in Brussels // J. of Multilingual and Multicultural Development. 2002. Vol. 23, iss.1-2. P. 50–64. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434630208666454>.
8. Марченко Ю. М. Английский язык как лингва франка в коммуникативном пространстве Бельгии в условиях национально-лингвистического кризиса // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2016. № 30. С. 113–120.
9. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.
10. Ginsburgh V. La dynamique des langues en Belgique. 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/254436212_La_dynamique_des_langues_en_Belgique (дата обращения: 15.05.2022).
11. De Morgen. URL: <http://www.demorgen.be/> (дата обращения: 05.04.2022).
12. De Standaard. URL: <http://www.standaard.be/> (дата обращения: 05.04.2022).
13. De Standaard // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/destandaard/> (дата обращения: 15.04.2022).
14. De Tijd. URL: <http://www.tijd.be/> (дата обращения: 05.04.2022).
15. De Tijd // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/de.tijd/> (дата обращения: 15.04.2022).
16. Gazet van Antwerpen. URL: <http://www.gva.be/> (дата обращения: 06.04.2022).
17. Het Belang van Limburg. URL: <http://www.hbvl.be/> (дата обращения: 06.04.2022).
18. Het Nieuwsblad. URL: <http://www.nieuwsblad.be/> (дата обращения: 05.04.2022).
19. Het Laatste Nieuws. URL: <http://www.hln.be/> (дата обращения: 05.04.2022).
20. L'Avenir // Instagram. URL: https://www.instagram.com/lavenir_net/ (дата обращения: 15.04.2022).
21. L'Avenir. URL: <http://www.lavenir.net/> (дата обращения: 04.04.2022).
22. Le Soir // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/lesoirbe/> (дата обращения: 15.04.2022).
23. Le Soir. URL: <http://www.lesoir.be/> (дата обращения: 03.04.2022).
24. Metro Belgique // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/metrobelgique/> (дата обращения: 15.04.2022).
25. RTL Belgium // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/rtlbelgium/> (дата обращения: 15.04.2022).
26. La Dernière Heure. URL: <http://www.dhnet.be/> (дата обращения: 03.04.2022).
27. La Libre Belgique. URL: <http://www.lalibre.be/> (дата обращения: 03.04.2022).
28. L'Echo. URL: <https://www.lecho.be/> (дата обращения: 02.04.2022).
29. Исаева М. Г. Кодовые переключения в письменных текстах СМИ (на материале русскоязычных журналов): дис. ... канд. филол. наук / Черепов. гос. ун-т. Ярославль, 2010.
30. Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge; NY: Cambridge Univ. Press, 2000.

Информация об авторах.

Гореленко Иван Максимович – студент (3-й курс, бакалавриат) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: языковая интерференция, диалектология, гендерная лингвистика.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.08.2022; принята после рецензирования 14.09.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Kuchuk, Yu.V. (2004), "Belgium: From Separation Towards Federalism (Federalism Evolution in Belgium)", *Belarusian J. of International Law and International Relations*, no 4, pp. 61–64.
2. Orlova, S.Y. (2015), "Flanders and Wallonia: will the separation work out well?", *Topical issues of contemporary international relations*, no. 5, pp. 107–112.
3. "Political Parties in Belgium", *Parties and Elections in Europe*, available at: <http://www.parties-and-elections.eu/belgium.html> (accessed 08.03.2022).
4. Dubrovina, O.Yu. (2017), "Features of regionalization and federalization in Belgium", *Sibirskii mezhdunarodnyi journal* [Siberian International J.], no. 19, pp. 45–54.
5. Gural, S.K. and Smokotin, V.M. (2010), "The problems of national and ethnocultural identity of belgium's language communities in the conditions of unstable mul-tilingualism", *Language and Culture*, no. 4 (12), pp. 5–11.
6. "Explore all countries – Belgium", (2022), *The world factbook*, available at: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/belgium/> (accessed 15.05.2022).
7. Treffers-Daller, J. (2002), "Language Use and Language Contact in Brussels", *J. of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 23, iss. 1-2, pp. 50–64. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434630208666454>.
8. Marchenko, Yu.M. (2016), "The English language as lingua-franca in the language situation in Belgium in terms of the national-linguistic crisis", *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi* [Theory and practice of linguistic description of colloquial speech], no. 30, pp. 113–120.
9. Shcherba, L.V. (1958), *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics], vol. 1, Izd-vo Leningr. un-ta, Leningrad, USSR.
10. Ginsburgh, V. (2005), *La dynamique des langues en Belgique*, available at: https://www.researchgate.net/publication/254436212_La_dynamique_des_langues_en_Belgique (accessed 15.05.2022).
11. *De Morgen*, available at: <http://www.demorgen.be/> (accessed 05.04.2022).
12. *De Standaard*, available at: <http://www.standaard.be/> (accessed 05.04.2022).
13. "De Standaard", *Instagram*, available at: <https://www.instagram.com/destandaard/> (accessed 15.04.2022).
14. *De Tijd*, available at: <http://www.tijd.be/> (accessed 05.04.2022).
15. "De Tijd", *Instagram*, available at: <https://www.instagram.com/de.tijd/> (accessed 15.04.2022).
16. *Gazet van Antwerpen*, available at: <http://www.gva.be/> (accessed 06.04.2022).
17. *Het Belang van Limburg*, available at: <http://www.hbvl.be/> (accessed 06.04.2022).
18. *Het Nieuwsblad*, available at: <http://www.nieuwsblad.be/> (accessed 05.04.2022).
19. *Het Laatste Nieuws*, available at: <http://www.hln.be/> (accessed 05.04.2022).
20. "L'Avenir", *Instagram*, available at: https://www.instagram.com/lavenir_net/ (accessed 15.04.2022).

21. *L'Avenir*, available at: <http://www.lavenir.net/> (accessed 04.04.2022).
22. "Le Soir", *Instagram*, available at: <https://www.instagram.com/lesoirbe/> (accessed 15.04.2022).
23. *Le Soir*, available at: <http://www.lesoir.be/> (accessed 03.04.2022).
24. "Metro Belgique", *Instagram*, available at: <https://www.instagram.com/metrobelgique/> (accessed 15.04.2022).
25. "RTL Belgium", *Instagram*, available at: <https://www.instagram.com/rtlbelgium/> (accessed 15.04.2022).
26. *La Derniere Heure*, available at: <http://www.dhnet.be/> (accessed 03.04.2022).
27. *La Libre Belgique*, available at: <http://www.lalibre.be/> (accessed 03.04.2022).
28. *L'Echo*, available at: <https://www.lecho.be/> (accessed 02.04.2022).
29. Isaeva, M.G. (2010), "Code switching in written texts of the media (based on Russian-language journals)", Can. Sci. (Philol.) Thesis, Cherepovets State Univ., Yaroslavl', RUS.
30. Muysken, P. (2000), *Bilingual speech: A typology of code-mixing*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, NY, USA.

Information about the authors.

Ivan M. Gorelenko – Student (3 year, bachelor) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: language interference, dialectology, gender linguistics.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.08.2022; adopted after review 14.09.2022; published online 22.11.2022.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть:*
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *И. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *I. A. Orlova*

Подписано в печать 22.11.22. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 21,3. Печ. л. 20,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 153.
Цена свободная.

Signed to print 22.11.22. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 21,3. Conventional printed sheets 20,5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 153.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56